

Федеральное государственное казенное образовательное учреждение
высшего образования
«Барнаульский юридический институт
Министерства внутренних дел Российской Федерации»

На правах рукописи

Пашаева Эльмира Халиковна

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРИ ПРИНЯТИИ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ РЕШЕНИЙ
(НА ПРИМЕРЕ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ О НЕЗАКОННОМ СБЫТЕ
НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ
ИЛИ ИХ АНАЛОГОВ)

12.00.09 – Уголовный процесс

Диссертация
на соискание ученой степени
кандидата юридических наук

Научный руководитель
Заслуженный юрист Российской Федерации,
доктор юридических наук, профессор
Чечетин Андрей Евгеньевич

Барнаул – 2017

Оглавление

Введение	3
1 Теоретико-правовые основы использования результатов оперативно-розыскной деятельности при принятии процессуальных решений.....	20
1.1 Понятие и сущность результатов оперативно-розыскной деятельности	20
1.2 Формы использования результатов оперативно-розыскной деятельности при принятии процессуальных решений	52
1.3 Понятие и виды процессуальных решений, принимаемых с использованием результатов оперативно-розыскной деятельности	77
2 Механизм использования результатов оперативно-розыскной деятельности при принятии процессуальных решений	102
2.1 Непосредственное использование результатов оперативно-розыскной деятельности в качестве единственного источника информации при принятии процессуальных решений	102
2.2 Использование результатов оперативно-розыскной деятельности в качестве дополнительных данных при принятии процессуальных решений	142
2.3 Опосредованное использование результатов оперативно-розыскной деятельности при принятии процессуальных решений	162
Заключение	195
Список использованных источников и литературы	204
Приложение А Результаты экспертного опроса респондентов по актуальным вопросам исследования	254

Введение

Актуальность темы диссертационного исследования. Преступность как социально-негативное явление представляет серьезную угрозу для личности, общества и государства. Особо опасны преступления, характеризующиеся высоким уровнем латентности, поскольку безнаказанность лиц, совершивших преступление, приводит к большему их распространению. Высокий уровень латентности характерен, в частности, для преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков. Согласно данным официальной статистики, в 2016 г. на территории России зарегистрировано 2 160,1 тыс. преступлений, что на 9,6% меньше, чем в предыдущем году¹, и меньше, чем в любом другом году в период с 2010 по 2015 гг.² На фоне снижения общего числа зарегистрированных преступных деяний нестабилен уровень преступлений, совершаемых в сфере незаконного оборота наркотических средств. Так, в отдельно взятые периоды отмечается тенденция к возрастанию числа преступлений, предусмотренных ст.ст. 228-234 УК РФ³, но в 2016 г. зафиксировано снижение их количества на 15,1% по сравнению с 2015 г.⁴ Однако по оценкам специалистов, реальное положение дел в сфере незаконного оборота наркотиков, находится в куда более угрожающем состоянии, чем отражается его в официальной статистике⁵.

Приведенные цифры свидетельствуют о наступательном характере деятельности правоохранительных органов в борьбе с этим видом преступности. Но усиление борьбы правоохранительных органов с наркопреступностью вызывает активное противодействие со стороны правонарушителей,

¹ Сведения о состоянии преступности за январь-декабрь 2015 г. // Официальный сайт МВД РФ. URL: <https://мвд.рф/reports/item/9338947/> (дата обращения: 04.03.2017).

² Согласно статистике, предоставленной ГИАЦ МВД России, в период с 2010 по 2015 гг. число возбужденных уголовных дел уменьшалось с 2183,2 тыс. до 1728,6 тыс. // Официальный сайт МВД РФ. URL: <http://мвд.ру/presscenter/statistics/reports/item/605801/> (дата обращения: 04.03.2017).

³ Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Противодействие незаконному обороту наркотиков»: распоряжение Правительства РФ от 04.03.2013 № 294-р // Собрание законодательства РФ. 2013. № 10. Ст. 1062.

⁴ Сведения о состоянии преступности за январь-декабрь 2016 г. // Официальный сайт МВД РФ. URL: https://мвд.рф/upload/site1/document_news/009/338/947/sb_1612.pdf (дата обращения: 04.03.2017).

⁵ Иншаков С. М. Латентная преступность в Российской Федерации: 2001-2006 / под ред. С. М. Иншакова. М.: Закон и право, ЮНИТИ-ДАНА, 2007; Наркоситуация: Интервью журналу «Наркоконтроль» председателя Государственного антинаркотического комитета, директора Федеральной службы Российской Федерации по контролю за оборотом наркотиков В.П. Иванова // Наркоконтроль. 2013. № 2. С. 2-7.

применяющих все более изощренные методы маскировки сбыта наркотиков, затрудняющие изобличение наркодельцов с помощью уголовно-процессуальных средств. Процессуальные средства доказывания, использование которых имеет по общему правилу гласный характер, зачастую не позволяют достаточно эффективно устанавливать обстоятельства преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков. Еще более затруднительным может стать использование исключительно методов уголовно-процессуального доказывания при принятии процессуальных решений в ситуациях, характеризующихся нехваткой времени, необходимостью осуществления неотложных процессуальных действий.

Для преодоления сложившейся ситуации законодатель в ст. 89 УПК РФ не исключает возможности использования в процессе доказывания результатов оперативно-розыскной деятельности. В силу своего преимущественно негласного характера, инициативности, отсутствия четкой правовой регламентации порядка производства оперативно-розыскных мероприятий, эта деятельность позволяет эффективно получать сведения (в том числе глубоко законспирированные) об обстоятельствах преступления и лицах, его совершивших (готовящихся совершить), в том числе преодолевая противодействие со стороны наркоторговцев. Таким образом, оперативно-розыскная деятельность характеризуется одновременно как высоким познавательным потенциалом, позволяющим более полно, чем с помощью процессуальных средств, собирать информацию, необходимую для изобличения виновных в незаконном сбыте наркотиков, так и такими отличиями от уголовно-процессуальной деятельности, которые способны затруднить или сделать невозможной проверку и оценку достоверности полученной информации, снизить уровень защиты прав лиц, вовлекаемых в процесс ее собирания и документирования. Учитывая потребности практики в борьбе с незаконным оборотом наркотиков, необходимо развивать институт использования результатов ОРД при принятии процессуальных решений в уголовном судопроизводстве, не ослабляя при этом гарантий установления истины в уголовном процессе и гарантий защиты прав его участников.

В настоящее время существенно расширяется применение результатов ОРД в уголовном судопроизводстве, в том числе при принятии ряда процессуальных решений. Одновременно увеличивается количество жалоб, связанных с использованием результатов оперативно-розыскной деятельности в уголовном процессе, поступающих в различные судебные органы, включая Верховный и Конституционный Суды Российской Федерации, Европейский суд по правам человека, что свидетельствует о наличии ряда неразрешенных проблем. К числу таких проблем относятся, в частности, отсутствие в процессуальной теории и на практике единого мнения относительно правовой природы результатов ОРД, принципиальной возможности и допустимых форм их использования при принятии различных процессуальных решений; неопределённость содержания нормативных предписаний, призванных регулировать использование результатов ОРД в уголовном судопроизводстве; наличие противоречий в нормах, установленных Федеральным законом «Об оперативно-розыскной деятельности» и Уголовно-процессуальным кодексом РФ, относительно возможности и порядка использования результатов ОРД в уголовном судопроизводстве. Обозначенные проблемы не позволяют в настоящее время эффективно использовать результаты ОРД при принятии процессуальных решений.

Степень научной разработанности темы исследования. Вопросы использования результатов оперативно-розыскной деятельности в уголовном процессе рассматривались в работах А.В. Агутина, В.А. Азарова, А.Л. Аганесяна, А.С. Александрова, А.М. Баранова, Д.И. Беднякова, Б.Т. Безлепкина, Р.С. Белкина, Ю.Н. Белозерова, А.В. Белоусова, Д.М. Беровой, Ю.П. Боруленко, О.А. Вагина, И.А. Возгрина, С.Э. Воронина, Ю.П. Гармаева, В.Н. Григорьева, Н.А. Громова, А.Н. Гущина, К.К. Горяинова, Ю.В. Деришева, Е.С. Дубоносова, Е.А. Доля, С.А. Зайцевой, А.В. Земсковой, В.К. Зникина, В.Н. Зайковского, В.И. Зажицкого, В.В. Кальницкого, Л.М. Карнеевой, Н.М. Кипниса, Ю.В. Корневского, О.С. Кучина, В.А. Лазаревой, П.А. Lupинской, Я.М. Мазунина, В.Б. Малинина, В.М. Мешкова, Т.Н. Москальковой, А.Г. Маркушина, В.М. Мешкова, Г.М. Миньковского, А.Д. Назарова, С.Ю. Некрасова, В.В. Николюка,

Ю.А. Николаева, М.П. Полякова, В.Л. Попова, В.А. Семенцова, С.П. Серебровой, А.В. Смирнова, В.Т. Томина, Т.В. Трубниковой, А.Е. Чечетина, С.А. Чумарова, А.В. Чуркина, М.Г. Шананина, С.А. Шейфера, Г.Н. Шергина, А.Ю. Шумилова и целого ряда других ученых.

Различным аспектам использования результатов оперативно-розыскной деятельности в уголовном процессе был посвящен ряд диссертационных исследований. Так, проблемам использования непроцессуальной информации в доказывании по уголовным делам посвящена кандидатская диссертация А.С. Закотянского (2015 г.). Проблемы использования результатов ОРД в доказывании по отдельным категориям уголовных дел подняты в диссертационных исследованиях С.Л. Миролубова (2012 г.), Д.С. Кучерука (2011 г.), Машкова С.А. (2004 г.). Тактическим и процессуальным проблемам использования результатов ОРД в доказывании посвящены диссертации М.Г. Шананина (2004 г.), И.Ф. Гаскарова (2005 г.), Д.И. Кленова (2005 г.). В диссертационном исследовании Р.С. Рыжова рассмотрены вопросы правового регулирования использования результатов ОРД в уголовном процессе (2004 г.). Диссертационные исследования А.Г. Саакяна (2010 г.), В.К. Сафонова (2005 г.) и А.Л. Аганесяна (2005 г.) посвящены использованию результатов ОРД в досудебных стадиях уголовного судопроизводства. По проблематике, близкой к теме данного исследования, защищены докторские диссертации М.П. Поляковым («Уголовно-процессуальная интерпретация результатов оперативно-розыскной деятельности», 2002 г.) и В.К. Зникиным («Научные основы оперативно-розыскного обеспечения раскрытия и расследования преступлений», 2006 г.). В диссертационном исследовании Е.Ф. Кузнецова рассмотрены вопросы формирования отрасли оперативно-розыскного права (2014 г.).

Работы указанных авторов внесли весомый вклад в исследование проблем использования результатов ОРД в уголовном процессе. В то же время основное внимание в их работах уделялось, как правило, изучению возможности применения оперативных данных в доказывании для решения вопроса о виновности. Лишь некоторые работы и только фрагментарно касались вопросов

использования результатов ОРД в качестве оснований других принимаемых по делу процессуальных решений. За последние годы уголовно-процессуальное законодательство претерпело достаточно много изменений, которые затронули в том числе и порядок использования результатов ОРД в уголовном процессе, в связи с чем ранее проведенные научные исследования достаточно быстро утрачивают свою актуальность и отстают от потребностей практики. Кроме того, Европейским судом по правам человека в последние годы был принят ряд постановлений по жалобам российских граждан на допущенные нарушения их права на справедливое судебное разбирательство в результате совершения провокаций преступления при осуществлении в отношении них оперативно-розыскных мероприятий. Однако правовые позиции ЕСПЧ по данным вопросам были пока исследованы только на уровне отдельных статей и не нашли еще полного отражения в отечественной правовой доктрине, не стали основой для выработки адекватного процессуального механизма. Расследование уголовных дел о незаконном сбыте наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов в настоящее время практически непредставимо без использования результатов оперативно-розыскных мероприятий, в частности проверочной закупки, но особенности использования результатов ОРД по таким делам пока не становились предметом комплексных исследований. Указанные обстоятельства обуславливают актуальность исследования проблем использования результатов ОРД при принятии процессуальных решений на примере уголовных дел о незаконном сбыте наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, что и предопределило выбор темы настоящего исследования.

Объектом диссертационного исследования выступают общественные отношения, возникающие в сфере уголовного судопроизводства, связанные с использованием результатов оперативно-розыскной деятельности при принятии процессуальных решений (на примере уголовных дел о незаконном сбыте наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов).

Предмет исследования составляют общепризнанные принципы и нормы международного права, положения ратифицированных РФ международных

договоров, решения Европейского суда по правам человека, нормы уголовно-процессуального права и законодательства об оперативно-розыскной деятельности, регламентирующие использование результатов ОРД при принятии процессуальных решений, судебная практика по уголовным делам, связанным с незаконным оборотом наркотиков, а также труды российских ученых, посвященные обозначенной проблеме.

Цель исследования заключается в том, чтобы на примере уголовных дел о незаконном сбыте наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов разработать и предложить сбалансированный механизм использования результатов оперативно-розыскной деятельности следователем и судом при принятии ими процессуальных решений, содержащий одновременно как гарантии принятия обоснованных решений, так и гарантии реализации прав участников уголовного судопроизводства, основанный на четком разграничении оперативно-розыскной деятельности и уголовно-процессуальной деятельности следователя, направленной на собирание доказательств, учитывающий особенности различных видов процессуальных решений в уголовном процессе РФ.

Для достижения указанной цели исследования были поставлены следующие **задачи**:

– определить сущностные черты оперативно-розыскной деятельности, проанализировать сходство и различия между оперативно-розыскной деятельностью и уголовно-процессуальной деятельностью следователя, направленной на собирание доказательств, и предложить на этой основе авторское определение результатов оперативно-розыскной деятельности;

– определить и обосновать авторскую позицию по вопросу о допустимости/недопустимости расширения перечня следственных действий за счет «негласных следственных действий» и предоставления следователю возможности собирать (формировать) доказательства путем производства негласных (тайных) следственных или оперативно-розыскных действий;

– определить возможные способы проверки результатов ОРД, используемых при принятии процессуального решения в непосредственной форме;

– определить требования к допустимости результатов ОРД в случае необходимости их использования в доказывании и предложить на этой основе способы преобразования таких результатов в доказательства, которые могут и должны применяться при опосредованном использовании результатов ОРД (на примере уголовных дел о незаконном сбыте наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов);

– на основе анализа существующих классификаций процессуальных решений рассмотреть вопрос о возможности выделения дополнительных оснований для их классификации, которые позволяли бы учитывать особенности процессуальных решений, обуславливающие использование при их принятии результатов ОРД в различных формах;

– на примере уголовных дел о незаконном сбыте наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов произвести анализ нормативных проблем и проблем правоприменения, возникающих в ходе принятия процессуальных решений на основе:

а) непосредственного использования результатов оперативно-розыскной деятельности в качестве единственного источника информации;

б) использования результатов оперативно-розыскной деятельности в качестве дополнительных данных, наряду с доказательствами;

в) опосредованного использования результатов оперативно-розыскной деятельности;

– предложить по результатам такого анализа комплекс мер правового и организационного характера, позволяющих в своей совокупности гарантировать, что применение результатов ОРД будет способствовать принятию обоснованных решений в ходе уголовного судопроизводства, установлению истины по делу, не нарушая при этом гарантированных законом прав участников уголовного судопроизводства.

Методология и методы исследования. В ходе исследования использованы следующие общенаучные методы познания: диалектический метод, позволивший изучить правовую природу результатов оперативно-розыскной деятельности и их

значение для принятия процессуальных решений; логический метод применялся для определения понятий, используемых в процессе исследования; методы анализа и синтеза – для обоснования предложений по совершенствованию уголовно-процессуального законодательства; исторический метод применялся в целях изучения процесса развития института использования результатов ОРД в уголовном судопроизводстве; методы индукции и дедукции – для аргументации сделанных в ходе исследования выводов; метод восхождения от абстрактного к конкретному позволил выявить проблемы, связанные с реализацией результатов ОРД при принятии различных процессуальных решений.

В процессе исследования применялись и специальные методы научного познания: формально-логический, исторический, сравнительно-правовой, системно-структурный, метод научного толкования, конкретно-социологический, метод анализа документов, обобщение следственно-судебной практики, использование данных статистики, а также методы количественно-качественного анализа эмпирического материала, опрос и интервьюирование практических работников и экспертов.

Теоретическую основу диссертации составили научные труды в области философии, логики, теории права, уголовно-процессуального права, криминалистики, теории оперативно-розыскной деятельности и других отраслей научного знания.

Нормативную базу работы составили: Конституция Российской Федерации, положения международно-правовых актов, ратифицированные Российской Федерацией, решения и постановления Европейского суда по правам человека, постановления и определения Конституционного Суда Российской Федерации, постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации, нормы действующего уголовно-процессуального, оперативно-розыскного и уголовного законодательства, федеральные законы, постановления Правительства РФ, нормативные акты ведомственного и межведомственного уровня.

Эмпирической базой исследования послужили:

– материалы 210 архивных уголовных дел, законченных производством в 2010-2016 гг., 400 постановлений об избрании (отказе) меры пресечения в виде заключения под стражу, находящихся в архивах федеральных районных судов г. Барнаула, Горно-Алтайска, Красноярска, Новосибирска, Алтайского краевого суда, Верховного Суда Республики Алтай, 250 приговоров по делам о незаконном сбыте наркотических средств и психотропных веществ, рассмотренным в 2010-2016 гг. судами Сибирского федерального округа, а также судами других субъектов Российской Федерации, размещенных на официальных электронных ресурсах сети Интернет;

– результаты анкетирования по специально разработанным анкетам 350 респондентов, в том числе 100 следователей, 70 должностных лиц органов дознания, уполномоченных осуществлять оперативно-розыскную деятельность, 15 прокуроров и помощников прокуроров, 120 федеральных судей и их помощников, 45 адвокатов;

– обзоры судебной практики Верховного Суда РФ, аналитические справки, обзоры, материалы следственно-прокурорской и судебной практики за 2010-2016 гг. по Алтайскому краю, Республике Алтай, Кемеровской, Омской, Томской областям и г. Новосибирску в части, касающейся использования результатов ОРД при принятии процессуальных решений.

В диссертации использованы результаты исследований, проведенных другими учеными, официальные статистические сведения МВД России, а также Судебного Департамента при Верховном Суде РФ.

Научная новизна исследования заключается в том, что автором на примере уголовных дел о незаконном сбыте наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов разработан сбалансированный механизм использования результатов оперативно-розыскной деятельности следователем и судом при принятии ими процессуальных решений, содержащий одновременно как гарантии принятия обоснованных решений, так и гарантии реализации прав участников уголовного судопроизводства. Этот механизм основан на проведенном в работе разграничении между оперативно-розыскной деятельностью и уголовно-

процессуальной деятельностью следователя, направленной на собирание доказательств, и учитывает особенности различных видов процессуальных решений в уголовном процессе РФ.

Проведенное автором обобщение правовых позиций, содержащихся в постановлениях ЕСПЧ и Конституционного Суда РФ, сопоставление их с правоприменительной практикой по уголовным делам о незаконном сбыте наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, с позициями Верховного Суда РФ позволили предложить в работе модель использования при принятии процессуальных решений результатов ОРМ «проверочная закупка», включающую в себя: отдельные правила подготовки и фиксации данного ОРМ, осуществления независимого контроля за его проведением, преобразования его результатов в доказательства, проверки и оценки таких доказательств следователем и судом. Данная модель позволяет реализовать правовые позиции ЕСПЧ и Конституционного Суда РФ в правоприменительной практике РФ без кардинальной «ломки» российского уголовно-процессуального законодательства и законодательства об оперативно-розыскной деятельности.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Предложено дополнительное обоснование того, что полномочия следователя в российском уголовном процессе с учетом особенностей его исторического генезиса следует определять как судебно-следственные, а в качестве основной функции следователя необходимо рассматривать не обвинение, а предварительное расследование. Только признание за следователем такого положения и наделение его реальной процессуальной независимостью может детерминировать существование у него возможностей до судебного разбирательства собирать (формировать) «готовые» доказательства и самостоятельно принимать окончательное решение по делу (в форме его прекращения).

Сопоставление уголовно-процессуальной деятельности следователя, направленной на собирание доказательств (с учетом выявленной функциональной направленности деятельности следователя), с оперативно-розыскной

деятельностью позволило определить в работе сущностные черты оперативно-розыскной деятельности, определить черты сходства и существенные различия между оперативно-розыскной деятельностью и уголовно-процессуальной деятельностью следователя. На этой основе в работе обосновано, почему результаты, полученные в ходе осуществления оперативно-розыскной деятельности, не могут приравниваться к доказательствам и в непосредственной форме использоваться для решения вопроса о виновности.

2. Предложено авторское определение результатов оперативно-розыскной деятельности, под которыми следует понимать источники, содержащие сведения о признаках подготавливаемого, совершаемого или совершенного преступления, лицах, подготавливающих, совершающих или совершивших преступление, в том числе скрывшихся от органов дознания, следствия или суда, а также о лицах, которым могут быть известны какие-либо обстоятельства, имеющие значение для расследования, полученные в соответствии с федеральным законом об оперативно-розыскной деятельности.

3. Обоснована авторская позиция, согласно которой является недопустимым расширение перечня следственных действий за счет введения в УПК «негласных следственных действий», а также предоставление следователю возможности собирать (формировать) доказательства путем самостоятельного производства негласных (тайных) следственных или оперативно-розыскных действий.

4. Продемонстрированы коренные различия между непосредственной и опосредованной формой использования результатов ОРД в уголовном процессе. Обосновано, что сами по себе передача следователю результатов ОРД и их принятие следователем не означают еще трансформации (превращения) результатов ОРД в доказательства. Проверка результатов ОРД, используемых для принятия процессуальных решений в непосредственной форме, возможна только путем: а) проверки законности их получения (получены ли они надлежащим субъектом после получения разрешения, если это было необходимо) и б) проверки соблюдения порядка их рассекречивания и передачи следователю. Такие способы проверки результатов ОРД не дают возможность оценить содержащуюся в них

информацию с точки зрения ее достоверности и обоснованно разрешить вопрос о том, не были ли допущены нарушения прав участников в ходе ее получения. Поэтому переданные следователю и принятые им результаты ОРД не соответствуют требованиям, предъявляемым УПК РФ к доказательствам, и не могут использоваться для решения вопроса о виновности.

5. Обосновано, что трансформация результатов ОРД в доказательства (в целях дальнейшего их использования в опосредованной форме) должна представлять собой самостоятельное извлечение следователем или судом информации из источников, на которые указывают переданные результаты ОРД (допрос свидетелей, истребование предметов и документов, осмотр и приобщение к делу вещественных доказательств, назначение экспертизы).

Автором сформулированы требования к допустимости результатов ОРД, предъявляемые в случае трансформации их в доказательства. К числу таких требований отнесены: а) установление первоисточника информации и извлечение информации из него; б) наличие достаточной совокупности результатов ОРД (если на их основе может быть получена такая совокупность доказательств, которая даст возможность оценить достоверность результатов ОРД и соблюдение при проведении ОРМ прав участников); в) возможность проверки «трансформированных» результатов ОРД в суде в условиях состязательности (с точки зрения их достоверности, соблюдения прав участников в ходе ОРМ и с точки зрения признаков наличия/отсутствия провокации).

На этой основе автором высказаны конкретные предложения относительно способов опосредования (трансформации в доказательства) результатов ОРД для уголовных дел о незаконном сбыте наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов.

6. В результате анализа существующих классификаций процессуальных решений автором сделан вывод об их недостаточности для целей исследования. Предложена новая классификация процессуальных решений, в основу которой положены признаки: а) степени важности быстроты принятия процессуального решения; б) степени опасности ошибки при принятии процессуального решения;

в) наличия возможности исправить эту ошибку с наименьшими потерями. На основе этих признаков все уголовно-процессуальные решения поделены на 3 группы:

1) решения, при принятии которых результаты ОРД могут использоваться непосредственно в качестве фактических оснований их принятия;

2) решения, при принятии которых результаты ОРД, используются непосредственно, но только в качестве дополнительных данных о фактических основаниях, наряду с доказательствами;

3) решения, при принятии которых результаты ОРД используются, как правило, только в опосредованной форме. В этом случае результаты ОРД непосредственно могут быть использованы только для проверки законности производства ОРМ и для проверки достоверности доказательств, извлеченных из источников, на которые указывали результаты ОРД.

7. В целях обеспечения своевременности и быстроты принятия решения о возбуждении уголовного дела (отказе в возбуждении дела) по материалам ОРД автором предложено два варианта действий:

1) самостоятельное принятие решения о возбуждении уголовного дела органом дознания, осуществлявшим ОРД. В работе обосновано, что такое предложение не противоречит положениям, закрепленным в ч. 2 ст. 40, ч. 1 ст. 157 УПК РФ;

2) проведение ОРМ под контролем следователя, который еще до возбуждения уголовного дела проверит обоснованность решения о проведении ОРМ (например, проверочной закупки), даст обязательные указания относительно порядка проведения и фиксации ОРМ (например, применения аудио- и видеофиксации как самого ОРМ, так и предшествовавших ему переговоров и т.д.). В этом случае: а) будут соблюдены требования ЕСПЧ о независимом контроле за ОРМ, в ходе которых возможна провокация преступления; б) будет обеспечено получение в ходе ОРД достаточной совокупности данных, что впоследствии даст возможность проверить их достоверность и отсутствие признаков провокации; в)

будет обеспечена возможность принятия решения о возбуждении уголовного дела в короткий срок после проведения фактического задержания лица.

8. Обосновано, что некоторые процессуальные решения могут в качестве «временного» варианта, основываться на непосредственном использовании результатов ОРД. Однако они должны подлежать обязательному пересмотру через непродолжительное время уже путем исследования конкретных фактических данных, извлеченных из источников, на которые указывают результаты ОРД. К числу таких решений в работе отнесено постановление об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу.

9. Предлагается уточнить ч. 1 ст. 108 УПК РФ путем исключения из ее содержания двойного отрицания («Таковыми обстоятельствами **не** могут являться данные, **не** проверенные в ходе судебного заседания, в частности результаты оперативно-розыскной деятельности, представленные в соответствии с требованиями ст. 89 УПК РФ»). Данное уточнение позволит скорректировать единое представление правоприменителя о том, что результаты ОРД могут формировать фактическую совокупность оснований процессуального решения об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу.

10. При постановлении приговора по общему правилу результаты ОРД могут использоваться:

а) для решения вопроса о виновности/невиновности подсудимого в совершении преступления – только в опосредованной форме;

б) для проверки доказательств, полученных путем трансформации (опосредования) результатов ОРД, – преимущественно в опосредованной форме. Обосновано, что в непосредственной форме результаты ОРД могут быть использованы в данном качестве только по инициативе стороны защиты;

в) для проверки сведений о наличии/отсутствии признаков провокации – как в непосредственной, так и в опосредованной форме, но только если стороной защиты было сделано заявление о провокации.

11. Автором предложены гарантии, призванные соблюсти баланс личных и публичных интересов в случае возникновения необходимости допроса в суде анонимного информатора.

Теоретическая значимость диссертационного исследования определяется его актуальностью, новизной, сформулированными выводами и предложениями. Положения, выдвинутые и обоснованные в диссертационном исследовании, образуют научно-теоретическую основу использования результатов ОРД при принятии процессуальных решений, которые также могут послужить основой для дальнейших научных разработок в сфере уголовно-процессуального права.

Практическая значимость диссертационного исследования заключается в том, что содержащиеся в нем научные идеи и выработанные на их основе рекомендации могут быть использованы:

– в практической деятельности органов дознания, предварительного следствия, суда, прокуроров и адвокатов (особенно по делам о незаконном обороте наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов);

– в законотворческой деятельности при совершенствовании уголовно-процессуального законодательства, регулирующего институт использования результатов оперативно-розыскной деятельности в уголовном судопроизводстве;

– в работе по подготовке ведомственных нормативных актов МВД Российской Федерации и других ведомств, имеющих в своем составе следственные органы и/или органы дознания;

– в учебном процессе в ходе преподавания курса «Уголовно-процессуальное право», повышения квалификации следователей различных ведомств, прокуроров, адвокатов.

Степень достоверности результатов исследования определяется его комплексным характером, апробированными методами проведенного исследования, позволившими наиболее полно и всесторонне рассмотреть обозначенные проблемы; широким использованием монографических и иных научных источников, нормативных правовых актов, решений Конституционного

Суда РФ и Европейского суда по правам человека, материалов судебно-следственной правоприменительной практики, обзоров судов общей юрисдикции и аналитических отчетов.

Апробация результатов исследования. Основные теоретические и прикладные положения, выводы и предложения, сформулированные в диссертации, нашли отражение в 16 научных публикациях, в том числе в четырех статьях, опубликованных в рецензируемых научных журналах, включенных в перечень рекомендованных ВАК России, также в учебно-методическом пособии «Задержание лица по подозрению в совершении незаконного сбыта наркотических средств и психотропных веществ», общим объемом 7,1 п.л.

Положения диссертационного исследования докладывались на научно-практических конференциях международного и всероссийского уровня – «Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями» (Барнаул, БЮИ МВД России, 2008, 2015 гг.), «Молодежь в современном мире: гражданский, творческий и инновационный потенциал» (Старый Оскол, Старооскольский филиал ГОУ ВПО «Воронежский университет», 2010 г.); на межрегиональном уровне – научно-практическая конференция, посвященная памяти Е.Н. Тихонова «Уголовно-процессуальные и криминалистические чтения на Алтае» (Барнаул, АлтГУ, 21-22 марта 2008 г.), «Проблемы права и государства: история и современность» (Горно-Алтайск, ГАГУ, 10-11 октября 2008 г.), «Современное состояние и проблемы развития российского законодательства» (Горно-Алтайск, ГАГУ, 2010 г.); на межведомственном уровне – научно-практическая конференция, посвященная памяти А.Н. Васильева (Барнаул, БЮИ МВД России, 23 февраля 2008 г.), научно-практическая конференция, посвященная 90-летию прокуратуры Республики Алтай «Актуальные проблемы правоприменения в деятельности органов прокуратуры и предварительного расследования» (Горно-Алтайск, ГАГУ, 21 июня 2013 г.), «Криминалистические чтения» (Барнаул, БЮИ МВД России, 2013, 2014 гг.), научно-практическая конференция, проводимая на базе Верховного Суда Республики Алтай «Проблемные вопросы применения материального и процессуального права»

(Горно-Алтайск, ГАГУ, 20 ноября 2015 г.).

Подготовленные автором научные разработки внедрены в практическую деятельность Алтайского краевого суда, Управления Судебного Департамента при Верховном Суде РФ в Республике Алтай, Следственного управления МВД РФ по Республике Алтай; в образовательную деятельность Барнаульского юридического института МВД России.

Диссертация обсуждена и одобрена на заседании кафедры уголовного процесса федерального государственного казенного образовательного учреждения высшего образования «Барнаульский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации».

Структура диссертации обусловлена избранной темой исследования, поставленными диссертантом задачами и состоит из введения, двух глав, включающих шесть параграфов, заключения, списка использованных источников и литературы, приложений.

1 Теоретико-правовые основы использования результатов оперативно-розыскной деятельности при принятии процессуальных решений

1.1 Понятие и сущность результатов оперативно-розыскной деятельности

В раскрытии и расследовании преступлений, имеющих высокую латентность, одних лишь процессуальных средств недостаточно. Успех борьбы с такого рода преступными проявлениями обеспечивается только совокупным использованием процессуальных средств и оперативно-розыскной деятельности, в ходе которой формируются результаты ОРД¹.

В то же время результаты ОРД как правовое явление вызывают оживленные дискуссии среди ученых в сфере уголовного процесса и оперативно-розыскной деятельности², поскольку в современной науке отсутствует единое представление о правовой природе результатов ОРД, о возможности их использования в доказывании по уголовным делам и принятии на их основе процессуальных решений. Процесс расширения научного представления о результатах ОРД осложняется тем, что большая часть публикаций, которая могла бы послужить основой для формирования и развития научной доктрины об их использовании в уголовном судопроизводстве, в силу закрытого характера остается недоступной, тем самым не представляя возможности дальнейшего научного анализа более широкому кругу ученых-правоведов.

Исходя из содержания изученных нами доступных теоретических источников, можно обозначить, что в интересах уголовного судопроизводства использование результатов ОРД подразделяется на следующие основные направления: а) в качестве доказательств³; б) в качестве основания для принятия

¹ Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под ред. А. Я. Сухарева. М., 2004. С. 143.

² Степанов А. А., Шананин М. Г. К вопросу о понятии результатов ОРД // Электронный каталог библиотеки юридического факультета СПбГУ [Электронный ресурс]. URL: <http://www.law.edu.ru/doc/document.asp?docID=1312101> (дата обращения: 15.04.2013).

³ См.: Бозров В. Результатам оперативно-розыскной деятельности – статус доказательств в уголовном процессе // Российская юстиция. М.: Юрид. лит., 2004. № 4. С. 46-48; Зувев С. Использование результатов оперативно-розыскной деятельности в качестве доказательств // Уголовное право. М.: АНО «Юридические программы», 2007. № 3. С. 94-97; Мазунин Я. М. О необходимости придания результатам оперативно-розыскной

процессуального решения¹; в) в качестве ориентирующей информации, применяемой по уголовным делам в тактических целях².

Для того, чтобы более детально разобраться в значении, содержании результатов ОРД и определить их место в уголовном судопроизводстве, прежде всего, необходимо исследовать понятие данного правового явления, его сущностные характеристики и выделить его основные признаки. Как представляется, анализ изучаемой правовой категории следует осуществлять исходя из позиций уголовно-процессуального права, уголовного права и оперативно-розыскной деятельности. На наш взгляд, это не только позволит детально определить их правовую природу, но и дать качественную правовую характеристику рассматриваемому понятию, а также сконструировать его наиболее универсальное определение.

Прежде чем приступить к исследованию правовой категории «результаты ОРД», обозначим, что в юридической науке в общем правовом смысле принято различать два вида определения понятия: а) нормативное (легальное), т.е. закрепленное в нормативно-правовом акте, и б) доктринальное (научное) определение, которое содержится в неофициальных источниках³. Отталкиваясь от изложенного, в заданной логической последовательности нами будет построено исследование понятия и содержания результатов ОРД.

Так, впервые в отечественном законодательстве понятие «результаты оперативно-розыскной деятельности» было использовано законодателем в статье

деятельности статуса доказательств // Уголовно-процессуальные и криминалистические чтения на Алтае: мат-лы десятой (юбилейной) Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 75-летию со дня рождения и 50-летию научно-педагогической деятельности В. К. Гавло. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2011. Вып. 10. С. 65-70.

¹ См.: Зажицкий В. И. Использование результатов оперативно-розыскной деятельности в качестве оснований для задержания подозреваемого // Вестник Поморского университета: Специальный выпуск. Серия «Гуманитарные и социальные науки». Архангельск: Изд-во Помор. ун-та, 2006. С. 138-149; Шананин М. Г. Использование результатов оперативно-розыскной деятельности для подготовки и проведения следственных действий // Вестник криминалистики. М.: Спарк, 2006. Вып. 3 (19). С. 85-88; Анашкин А. В. К вопросу о возбуждении уголовного дела на основе результатов оперативно-розыскной деятельности // Актуальные проблемы юридической науки и практики: сборник мат-лов международной научно-практической конференции. Орел: ОРАГС, 2009. С. 212-213.

² См.: Соловьев А. Б. Доказывание по Уголовно-процессуальному кодексу РФ (досудебные стадии): научно-практическое пособие. М.: Изд-во «Юрлитинформ», 2003. С. 89; Белкин А. Р. Теория доказывания в уголовном судопроизводстве. М.: Норма, 2007. С. 176; Кленов Д. И. Использование информации, полученной в результате оперативно-розыскной деятельности в качестве ориентирующей // Наука и образование в вузе: направления и пути интеграции: мат-лы I межвузовской конференции по научно-исследовательской работе (27-28 июня 2005 г.). Ижевск: Изд-во ВятГГУ, 2005. С. 104-107.

³ Оперативно-розыскная энциклопедия / авт.-сост. А. Ю. Шумилов. М., 2004.

10 «Использование результатов оперативно-розыскной деятельности» Закона РФ от 13 марта 1992 г. № 2506-1 «Об оперативно-розыскной деятельности в Российской Федерации»¹. В 1995 г. на смену данному закону пришел новый Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности»², в котором результатам ОРД была отведена статья 11, носящая одноименное название. При сравнении текстов указанных статей обращает на себя внимание тот факт, что ни в одной из них не было дано официального определения понятию результатов ОРД, в тексте вышеуказанных законов рассматриваемое понятие употребляется в качестве общепризнанного, что на первый взгляд может свидетельствовать о пробеле в праве³.

Детальный анализ содержания упомянутых нормативных положений позволяет заметить, что каждый раз законодатель раскрывает в них возможные направления использования результатов ОРД в уголовном процессе. Например, в соответствии со ст. 10 Закона РФ «Об оперативно-розыскной деятельности» результаты ОРД могут использоваться для осуществления следственных действий в качестве доказательств по уголовным делам; а в соответствии со ст. 11 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» результаты ОРД могут служить поводом и основанием для возбуждения уголовного дела, использоваться в доказывании по уголовным делам.

Это позволяет заключить, что результаты ОРД, по мнению законодателя, являются конечным «информационным продуктом»⁴, могут использоваться в уголовном процессе непосредственно. Судя по всему, именно поэтому законодатель оставляет открытым вопрос, связанный с определением исследуемого понятия, выводя его за рамки оперативно-розыскного регулирования, что в теории права может быть расценено как

¹ Об оперативно-розыскной деятельности в Российской Федерации: Закон РФ от 13 марта 1992 г. № 2506-1 // Российская газета. 1992. 29 апр. № 99.

² Об оперативно-розыскной деятельности: федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ // Российская газета. 1995. 18 авг. № 160.

³ Лазарев В. В. Пробелы в праве и пути их устранения. М., 1974. 184 с.; Венгеров А. Б. Теория государства и права: учебник для юридических вузов. 3-е изд. М., 2000. 266 с.

⁴ В соответствии с ФЗ «Об информации, информатизации и защите информации» под информационным продуктом понимается документированная информация, подготовленная в соответствии с потребностями пользователей и предназначенная или применяемая для их удовлетворения.

«квалифицированное молчание законодателя»¹.

Изучение ведомственных актов, действовавших до 1998 г. и направленных на регулирование института использования результатов ОРД в уголовном судопроизводстве², также свидетельствует об отсутствии в них легального определения результатов ОРД³.

Поскольку рассматриваемое понятие очевидно нуждалось в придании ему строго зафиксированного смысла⁴, нормативное определение понятия результатов ОРД было дано в подзаконном нормативном акте. Его источником стала «Инструкция о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю, прокурору или в суд», согласованная с Генеральной прокуратурой РФ (далее – Инструкция 1998 г.). В ней результаты ОРД определялись как «фактические данные, полученные оперативными подразделениями в установленном Федеральным законом "Об оперативно-розыскной деятельности" порядке, о признаках подготавливаемого, совершаемого или совершенного преступления, о лицах, подготавливающих, совершающих или совершивших правонарушение, скрывшихся от органов дознания, следствия и суда, уклоняющихся от исполнения наказания и без вести пропавших, а также событиях или действиях, создающих угрозу государственной, военной, экономической или экологической безопасности Российской Федерации»⁵.

Анализ приведенного определения результатов ОРД, на наш взгляд, позволяет вскрыть некоторые неточности формулировок подзаконного

¹ Баранов В. М. «Квалифицированное молчание законодателя» как общеправовой феномен (к вопросу о сущности и сфере функционирования пробелов в праве) // Пробелы в российском законодательстве. М., 2008. № 1. С. 75-78.

² Поляков М. П., Рыжов Р. С. Использование результатов оперативно-розыскной деятельности как правовой институт: монография. М., 2006. С. 59.

³ Об утверждении временной инструкции об особенностях взаимодействия органов предварительного следствия по расследованию организованной преступной деятельности и оперативных подразделений криминальной милиции: приказ МВД РФ от 7 марта 2002 г. № 215; Об утверждении Инструкции по организации взаимодействия подразделений и служб органов внутренних дел в расследовании и раскрытии преступлений: приказ МВД РФ от 20 июня 1996 г. № 334; Об утверждении Инструкции по организации взаимодействия подразделений и служб органов внутренних дел в расследовании и раскрытии преступлений [Электронный ресурс]: приказ МВД РФ от 20 июня 1996 г. № 334. URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=EXP;n=390400> (дата обращения: 25.05.2013).

⁴ Бочаров В. А. Определение // Новая философская энциклопедия. М.: Мысль, 2000.

⁵ О порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю, прокурору или в суд: приказ ФСНП России, ФСБ России, МВД России, ФСО России, ФПС России, ГТК России, СВР России от 13 мая 1998 г. № 175/226/336/201/286/410/56 // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 1998. № 23.

нормативного акта в сравнении с Федеральным законом «Об оперативно-розыскной деятельности»¹. Так, федеральным законом предусматривается осуществление ОРД посредством проведения оперативно-розыскных мероприятий (далее – ОРМ) в целях защиты жизни, здоровья, прав и свобод человека и гражданина, собственности, обеспечения безопасности общества и государства от преступных посягательств (статья 1). Выявление, предупреждение, пресечение и раскрытие преступлений, а также выявление и установление лиц, их подготавливающих, совершающих и совершивших, относятся к задачам ОРД (статья 2). Кроме того, не допускается осуществление оперативно-розыскной деятельности для достижения целей и решения задач, не предусмотренных данным федеральным законом (статья 5).

Исходя из перечисленных положений Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», нетрудно заметить, что неточность анализируемого определения выразилась в одновременном указании на наличие «преступления» и «правонарушения», что не может отвечать целям, задачам и условиям оперативно-розыскной деятельности. Как известно, категория «правонарушение» имеет достаточно широкое значение, она включает в себя не только понятие «преступление», но и «проступок», подразумевающий: дисциплинарные проступки, гражданско-правовые деликты, административные правонарушения. В свою очередь, оперативно-розыскная деятельность не может проводиться с целью выявления, пресечения и предупреждения проступков, в этой связи определение результатов ОРД, несомненно, нуждалось в соответствующих уточнениях.

4 июля 2003 г. в Федеральном законе № 92-ФЗ впервые произошло официальное закрепление понятия результатов ОРД на законодательном уровне. Дополнив статью 5 УПК РФ пунктом 36¹, законодатель определил, что под результатами ОРД следует понимать «сведения, полученные в соответствии с федеральным законом об оперативно-розыскной деятельности, о признаках подготавливаемого, совершаемого или совершенного преступления, лицах, подготавливающих, совершающих или совершивших преступление и скрывшихся

¹ Тихомиров Ю. А. Коллизионное право: учеб. и научно-практическое пособие. М., 2000.

от органов дознания, следствия или суда». Это же определение нашло отражение и в новой Инструкции о порядке предоставления результатов оперативно-розыскной деятельности дознавателю, органу дознания, следователю, прокурору или в суд от 17.04.2007 и без каких-либо уточнений воспроизведено в Инструкции от 27.09.2013¹.

При сравнительном анализе определения результатов ОРД, закрепленного в прежней и новой редакции, обращает на себя внимание как то, что его обновленное содержание носит более лаконичный характер, так и введенный законодателем новый родовой признак, которым является категория «сведения», заменившая собой ранее используемую категорию «фактические данные». Изложенное обстоятельство поставило перед нами задачу проанализировать категории «фактические данные» и «сведения», рассмотреть их в сравнительном соотношении для того, чтобы раскрыть смысловую нагрузку данных категорий для определяемого понятия.

Термин «фактический» означает действительно происшедший, не вымышленный², верный, очевидный, бесспорный, достоверный³. Термин «данные» означает «сведения, информацию, материал, показания служащие для какого-нибудь вывода, решения (например, о том, что лицо, причастное к совершению преступления скрывается в конкретном месте)»⁴.

Исходя из этого, мы приходим к выводу, что, используя юридическую категорию «фактические данные», разработчики Инструкции 1998 г. фактически приравнивали результаты ОРД к доказательствам, которые в соответствии со ст. 69 УПК РСФСР определялись как любые фактические данные. Указанное обстоятельство вызвало резкую критику в научных кругах. Суть критики

¹ Об утверждении Инструкции о порядке предоставления результатов оперативно-розыскной деятельности дознавателю, органу дознания, следователю, прокурору или в суд: приказ МВД России, ФСБ России, ФСО России, ФТС России, СВР России, ФСИН России, ФСКН России, Минобороны России от 17.04.2007 № 368/185/164/481/32/184/97/147 // Российская газета. 2007. 16 мая. № 101; Об утверждении Инструкции о порядке предоставления результатов оперативно-розыскной деятельности дознавателю, органу дознания, следователю, прокурору или в суд: приказ МВД России № 776, Минобороны России № 703, ФСБ России № 509, ФСО России № 507, ФТС России № 1820, СВР России № 42, ФСИН России № 535, ФСКН России № 398, СК России № 68 от 27.09.2013 // Российская газета. 2013. 13 дек. № 282.

² См.: Полный словарь иностранных слов, вошедших в употребление в русском языке. М., 1907.

³ См.: Толковый словарь русского языка: в 4 т. / под ред. Д. Н. Ушакова. М., 1935-1940.

⁴ Ушаков Д. Н. Указ. соч. С. 1287.

сводилась к недопустимости прямого использования результатов ОРД в качестве доказательств по делу, поскольку их получение происходит не в рамках уголовно-процессуального закона, а охватывается нормами Закона «Об оперативно-розыскной деятельности», которому присущи как гласные, так и негласные способы получения информации. По этой причине отождествление результатов ОРД с доказательствами ввиду созвучности их родовых признаков подвергалось сомнению со стороны как содержания, так и формы, которая служит неотъемлемым элементом в формировании любого доказательства. В результате на уровне научного спора возможность использования результатов ОРД в качестве доказательств многими авторами была признана несостоятельной¹ и даже абсурдной².

Думается, что разрешить проблему отграничения результатов ОРД от процессуальных доказательств могла бы замена родовой категории «фактические данные» на «сведения». Ведь, как известно, слово «сведения» толкуется в качестве некоторых результатов чувственного восприятия. Данный признак непосредственно является антропогенным, т.е. исходит от человека (слова, условные знаки, цифры). В общем понимании «сведениями» выступают знания, представления о чем-нибудь³. В рассматриваемом контексте сведениями выступают знания о произошедшем явлении (событии), но при этом не обязательно признанные достоверными, что более соответствует характеру результатов ОРД. В то же время, обращаясь к ч. 1 ст. 74 УПК РФ, нетрудно заметить, что первоначально категория «любые фактические данные» была исключена из определения доказательств с последующей заменой на «любые сведения», лишь после чего аналогичная замена произошла в определении результатов ОРД.

¹ Доля Е. А. Использование в доказывании результатов оперативно-розыскной деятельности. М., 1996; Зажицкий В. И. Трудности представления прокурору и органам расследования результатов оперативно-розыскной деятельности // Российская юстиция. 2001. № 1. С. 37-38.

² Доля Е. А. Использование в доказывании результатов оперативно-розыскной деятельности // Российская юстиция. 2007. № 6. С. 38-42.

³ Ожегов С. И. Словарь русского языка / под ред. Н. Ю. Шведовой. 22-е изд., стер. М.: Рус. яз., 1990. С. 608.

Обращение к теории доказательств дает возможность утверждать, что по отношению к доказательствам замена анализируемых родовых признаков (категорий) произошла не случайно, а вследствие изменения в науке уголовного процесса подхода к оценке доказательств. В соответствии с информационным подходом к доказыванию сформировалась четкая позиция о том, что «содержание любого доказательства может оказаться как истинным, так и ложным, а потому нецелесообразно допускать отождествление доказательств с фактами действительности»¹. Данное обстоятельство заставило законодателя коренным образом пересмотреть свое мнение относительно информационного содержания доказательств в уголовном процессе.

Стоит отметить, что информационный подход к оценке содержания доказательств был воспринят далеко не всеми учеными. Более того некоторые авторы начали интерпретировать его как стремление законодателя уравнивать доказательства с результатами ОРД. По мнению отдельных ученых, подобным способом законодатель указывает на то, что полученные органом дознания оперативные сведения тоже обладают необходимыми признаками доказательств².

Обозначенный подход к результатам ОРД, как и в предыдущем случае, не был поддержан большинством ученых. В частности, по мнению Е.А. Доли, «законодатель, наоборот, установил различные правовые режимы, предназначенные для формирования и использования результатов ОРД и доказательств, а потому их совпадение в силу того, что они могут отражать одни и те же факты и обстоятельства, не является основанием для их отождествления»³. С.А. Шейфер в рассматриваемом отношении обратил внимание на то, что «сохранение слова "любые" применительно к слову "сведения" также не дает оснований для его расширительной интерпретации, наблюдаемой в литературе,

¹ Орлов Ю. К. Основы теории доказательств в уголовном процессе. М., 2001. С. 39; Шейфер С. А. Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования. М., 2012. С. 56.

² См.: Бозров В. Результатам оперативно-розыскной деятельности – статус доказательств в уголовном процессе // Российская юстиция. 2004. № 4. С. 46; Воробьева Ю. Ю. Современные проблемы процесса доказывания в российском уголовном судопроизводстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Оренбург, 2006. С. 7.

³ См.: Доля Е. А. Формирование доказательств на основе результатов оперативно-розыскной деятельности: монография / под науч. ред. Е. А. Доля. М., 2015. С. 240.

так как явно относится к содержанию информации, допуская ее разнообразие, и вовсе не затрагивает источников и способов ее получения»¹.

Тем не менее одних только терминологических различий между нормативным определением понятий «доказательства» и «результаты оперативно-розыскной деятельности» явно недостаточно для того, чтобы предложить обоснованную позицию относительно принципиальной возможности, допустимых форм и пределов использования результатов ОРД в уголовном процессе при принятии процессуальных решений (в особенности, когда речь идет о доказывании, об использовании результатов ОРД для решения вопроса о виновности). Поэтому прежде чем предложить собственное определение результатов ОРД, предпримем попытку разобраться в вопросе о том, какие существенные черты доказательств и результатов ОРД свидетельствуют о наличии сходства и/или важных различий между этими категориями.

Свойство, которое, по мнению большинства ученых, сближает результаты оперативно-розыскной деятельности с доказательствами, состоит в признании как за доказательствами, так и за результатами оперативно-розыскной деятельности единой гносеологической природы, единого информационного характера, связанного с тем, что в ходе производства оперативно-розыскных мероприятий извлекается (получается) информация, которая может иметь существенное значение для раскрытия, расследования преступления, правильного разрешения уголовного дела. По мнению В.С. Овчинского, оперативно-розыскная информация отражает явления и события на том же познавательном уровне, что и доказательства, и нужны лишь процессуальные гарантии для использования фактических данных в процессе доказывания². Другие авторы идут по данному пути еще дальше и утверждают, что «все теоретические попытки развести доказательства и результаты ОРД по информационной линии вряд ли могут быть признаны состоятельными. Процессуальная процедура не придает оперативно-розыскным данным чего-либо нового в информационном плане, кроме

¹ См.: Шейфер С. А. Указ.соч.

² Овчинский С. С. Оперативно-розыскная информация / под ред. А. С. Овчинского и В. С. Овчинского. М.: ИНФРА-М, 2000. С. 61.

констатации достоверности (как следствие доверия к процессуальному методу)»¹.

Что же касается различий между рассматриваемыми категориями, то в качестве них чаще всего рассматриваются следующие обстоятельства:

а) оперативно-розыскная деятельность и предварительное расследование осуществляются различными субъектами;

б) на оперативно-розыскную деятельность не распространяются требования уголовно-процессуальной формы (она осуществляется за пределами процессуальной деятельности, уголовно-процессуальное законодательство не предусматривает соответствующих источников доказательств, условия и процедура производства ОРМ и требования к фиксации их результатов не регламентированы уголовно-процессуальным законом и вообще не имеют четкой регламентации);

в) оперативно-розыскная деятельность, в отличие от уголовно-процессуальной, носит конспиративный, негласный характер².

Однако данные различия не выглядят имеющими непреодолимый характер. В современной юридической литературе высказывается ряд предложений, способных в случае их принятия ликвидировать перечисленные различия, стереть все различия между оперативно-розыскной деятельностью и процессуальной деятельностью следователя. Речь идет о предложениях, направленных:

1) на создание процедуры, которая, являясь аналогом (альтернативой) уголовно-процессуальной форме, регламентировала бы порядок производства и оформления результатов оперативно-розыскных мероприятий (например, в рамках Оперативно-розыскного кодекса);

2) введение в УПК РФ категории «тайных» («специальных»)

¹ Поляков М. П. Использование результатов ОРД в доказывании // Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: год правоприменения и преподавания: мат-лы международной конференции. М., 2004. С. 182.

² Чумаров С. А. О понятии результатов оперативно-розыскной деятельности и их содержании // Вестник Сибирского юридического института ФСКН России. 2013. № 2 (13). С. 153-159; Печников Г. А., Назаров С. Д., Шинкарук В. М. Значение результатов ОРД для объективно-истинного и состязательного типов уголовного процесса // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2014. № 1 (28). С. 188-192; Луговик В. Ф., Баранов А. М. Негласное правоприменение в уголовном преследовании // Научный вестник Омской академии МВД России. 2015. № 2. С. 7-11; Зорин Р. Г., Сувитко О. Т. Совершенствование правового регулирования использования результатов ОРД в качестве доказательств и их источников в уголовном судопроизводстве // Научный вестник Омской академии МВД России. 2014. № 4 (55). С. 39-43 и др.

следственных действий, фактически представляющих собой оперативно-розыскные мероприятия;

3) предоставление следователю полномочий по самостоятельному осуществлению оперативно-розыскной деятельности (производству тайных (специальных) следственных действий);

4) пересмотр базовых теоретических положений российского уголовного процесса и оперативно-розыскной деятельности (отказ от гласного характера расследования; от принципа непосредственности восприятия следователем хода следственных действий и получаемой посредством их информации)¹.

Другие ученые категорически возражают против реализации подобных предложений, против смешения, отождествления процессуальной деятельности следователя и непроцессуальной, розыскной деятельности². С учетом этого, думается, для решения вопроса о том, есть ли существенные, непреодолимые различия между этими двумя видами деятельности или же они могут слиться в единую деятельность, необходимо обратиться к вопросу о сущности данных видов деятельности, о совпадении/несовпадении их целей и о функциональной направленности деятельности осуществляющих их органов.

В этих целях обратимся к позиции Л.В. Головки, который обоснованно утверждает, что одним из основных противоречий уголовного процесса любого государства является фундаментальное противопоставление полицейской и судебной деятельности. По его мнению, чертами, определяющими данное противопоставление, являются следующие аксиомы: «полицейская деятельность

¹ Азаров В. А. Оправдан ли межотраслевой подход при формировании правовых основ оперативно-розыскной деятельности // Актуальные проблемы уголовного процесса и криминалистики России и стран СНГ: мат-лы международной научно-практической конференции, посвященной 85-летию со дня рождения профессора, доктора юридических наук, заслуженного деятеля высшей школы Ю. Д. Лившица, 4 апреля 2014 года. Челябинск: Цицеро, 2014. Ч. 2. С. 59-64; Луговик В. Ф. Указ. соч.; Баранов А. М. Досудебное производство: сыск, расследование, процесс // Актуальные вопросы законодательного регулирования оперативно-розыскной деятельности. Омск: Ом. юрид. акад., 2015. С. 41-45; Шелудько А. А. Использование в доказывании результатов оперативно-розыскных мероприятий // Вестник Калининградского юридического института МВД России. 2011. № 1. С. 133-137; Зорин Р. Г. Указ. соч.

² Григорьев В. Н. Вариант нормативной модели наделяния следователя оперативными полномочиями // Вестник Московского университета МВД России. 2013. № 7. С. 45-47; Доля Е. А. Результаты оперативно-розыскной деятельности не могут стать содержанием доказательств в уголовном процессе // Государство и право. 2013. № 5. С. 24-39; Печников Г. А., Назаров С. Д., Шинкарук В. М. Указ. соч.; Шейфер С. А. Досудебное производство в России: этапы развития следственной, судебной и прокурорской власти. М.: Норма: ИНФРА-М, 2013. С. 159-161.

ущербна, она необходима, и ее очень трудно в реальном измерении отделить от деятельности судебной»¹. Для разрешения этого противопоставления, для легитимации полицейской деятельности существуют всего два основных пути, один из которых более или менее характерен для континентальной, а второй – для англосаксонской правовой семьи. Континентальный процесс развивался, следуя логике минимизации полицейской деятельности, поглощения ее деятельностью судебной. Согласно этой логике расследованием уголовного дела занимается следователь-судья, беспристрастно и независимо исследующий все обстоятельства дела, стремящийся к установлению истины. Как результат данного выбора – такой следователь (судебный следователь или следственный судья) вправе собирать (формировать) полноценные доказательства и самостоятельно принимать важные процессуальные решения. Контроль за его деятельностью носит инстанционный характер. Такой способ легитимации предварительного расследования в наиболее последовательном виде отражен в уголовном процессе Франции².

Англосаксонский уголовный процесс пошел по иному пути – в сторону максимальной автономизации полицейской деятельности. В этом варианте предварительное расследование становится деятельностью непроцессуальной. Как результат, полицейская деятельность не создает «готовых» доказательств. В ходе ее осуществления собирается информация, которая приобретает характер доказательства только после того, как она будет принята и исследована судом. Для того чтобы обеспечить гарантии реализации прав лиц, вовлекаемых в такую деятельность, суд получает полномочия по осуществлению контроля за полицейским дознанием³. Хотя само по себе получение информации на досудебном этапе в этих странах не является формализованным, оно ограничено весьма строгой системой правил оценки приемлемости и процессуального

¹ Головки Л. В. Постсоветская теория судебного контроля в досудебных стадиях уголовного процесса: попытка концептуального переосмысления // Государство и право. 2013. № 9. С. 25.

² Головки Л. В. Указ. соч. С. 25-26.

³ Головки Л. В. Указ соч. С. 26-27.

использования такой информации¹.

На основе данной классификации и должен, на наш взгляд, решаться вопрос о наличии (или отсутствии) существенных различий между следственной и оперативно-розыскной деятельностью, о возможности (или недопустимости) их смешения. Для этого необходимо: а) учесть исторически сложившуюся ситуацию, избранный Россией способ легитимации полицейской деятельности; б) решить вопрос о том, нужно ли России формальное предварительное расследование, существует ли потребность в формировании на досудебном этапе «полных» (готовых) доказательств.

Давая ответ на первый вопрос, следует согласиться с теми учеными, по мнению которых следователь в России исторически выполнял функцию «юстиции, а не милиции»², что сформированный в ходе судебной реформы 1864 г. следственный аппарат соединял в себе как обвинительное, так и исследовательское начало, что позволяло определить его власть как следственно-судебную³. Нет оснований сомневаться³ в том, что, несмотря на серьезные ограничения процессуальной самостоятельности следователя, характерные для современного уголовного процесса России, несмотря на то, что законодатель легально определил функцию следователя как функцию обвинения, следователь по-прежнему наделен «судебно-следственной» властью, не совпадающей с властью обвинительной и обязан прежде всего осуществлять функцию расследования, стремясь к установлению истины по делу⁴.

Именно такое положение дает следователю возможность осуществлять формирование доказательств на досудебной стадии уголовного процесса и

¹ Закотянский А. С. Проблемы использования непроцессуальной информации в доказывании по уголовным делам: монография. М.: Юрлитинформ, 2015. С. 21; Стойко Н. Г. Обеспечение интересов общественной безопасности и право на защиту от конституционно неоправданного использования технических средств, информаторов, полиграфа и гипноза: позиции Верховного Суда США // Обеспечение и реализация прав человека и гражданина: исторический опыт, современные проблемы и пути оптимизации: сборник научных статей (материалы международной научно-практической конференции в рамках Евразийского научного форума «Наука и образование современной Евразии: традиции и инновации», посвященного 300-летию со дня рождения М.В. Ломоносова), Санкт-Петербург, 27-28 октября 2011 г. / науч. ред. С. Б. Мартыненко. СПб.: МИЭП, 2012. Ч. II. С. 179-192.

² Строгович М. С. О дознании и предварительном следствии и о «едином» следственном аппарате // Соц. законность. 1957. № 5. С. 22-23.

³ Шейфер С. А. Досудебное производство в России: этапы развития следственной, судебной и прокурорской власти. М.: Норма: ИНФРА-М, 2013. С. 45-58.

⁴ Шейфер С. А. Указ. соч. С. 111-135.

прекращать уголовное дело, разрешая, таким образом, уголовное дело по существу. Совершенствование досудебного производства РФ лежит на пути укрепления процессуальной независимости следователя и его беспристрастности, признания того факта, что основной функцией следователя является осуществление независимого предварительного расследования. Противоположный путь легитимации полицейской деятельности, ведущий к отказу от формального предварительного расследования, вряд ли приемлем для России и способен в российских условиях привести к существенным нарушениям прав человека, к забвению того, что оправдание невиновного – такая же важная часть назначения уголовного процесса, как и осуждение лица, виновного в совершении преступления.

На основе произведенного определения положения следователя и функциональной направленности его деятельности мы можем сопоставить сущностные черты следственной и оперативно-розыскной деятельности.

1. **По цели деятельности.** Не представляется возможным согласиться с позицией А.А. Шелудько, согласно которой у ОРД и деятельности следователя одна и та же цель – борьба с преступностью¹. Полагаем, что цель деятельности следователя – всесторонне, полно и объективно исследовать обстоятельства дела с тем, чтобы в зависимости от результатов либо сформулировать обвинение и передать дело в суд, либо прекратить уголовное дело/уголовное преследование. Целью же ОРД является раскрытие, пресечение, предупреждение преступлений.

2. **По характеру требований к субъектам.** Для выполнения функции расследования следователь должен быть максимально независим и беспристрастен. Напротив, в силу самого характера ОРД это деятельность активная, заинтересованная, наступательная. Лица, которые ее осуществляют, не могут сохранять беспристрастность. Им не должна быть присуща независимость, напротив, их деятельность должна быть помещена под жесткий как ведомственный, так и независимый контроль.

¹ Шелудько А. А. Использование в доказывании результатов оперативно-розыскных мероприятий // Вестник Калининградского юридического института МВД России. 2011. № 1. С. 133-137.

3. По характеру процедуры. Именно судебное разбирательство, непосредственное исследование судом доказательств в условиях гласной, состязательной процедуры, способно дать максимальные гарантии установления истины по делу. Поэтому необходимость формировать «готовые» доказательства в ходе досудебного производства требует того, чтобы деятельность следователя была по возможности максимально приближена к судебной. В то же время это пожелание невозможно реализовать полностью в силу того, что на следователя одновременно возлагается и обвинительная функция, он должен действовать в целях раскрытия преступления, установления лиц, виновных в его совершении. Поэтому уголовно-процессуальная форма досудебного производства должна адекватно учитывать это двойственное положение следователя. Для нее характерно сочетание тайны предварительного следствия с открытостью, наличие у участников возможностей знакомиться с некоторыми материалами дела (существенно затрагивающими их права и законные интересы), пользоваться квалифицированной юридической помощью, обжаловать действия и решения следователя и т.д. Уголовно-процессуальная форма досудебного производства призвана дать достаточные гарантии достоверности собираемых следователем доказательств, а также гарантии защиты прав участников уголовного процесса. Процедура осуществления оперативно-розыскной деятельности в силу ее цели и задач с необходимостью должна иметь преимущественно тайный, закрытый, конфиденциальный характер. Результаты ОРД могут не содержать ссылок на первоначальный источник информации в силу его конфиденциального характера. Тайность, необходимость быстроты осуществления ОРД сильно ограничивают возможности защиты прав его участников. Все это приводит к тому, что проверить достоверность результатов ОРД и отсутствие нарушений прав граждан при их получении, исходя из самих результатов ОРД, будет невозможно.

Перечисленные существенные отличия между уголовно-процессуальной и оперативно-розыскной деятельностью, положение в процессе и функция следователя как беспристрастного исследователя делают недопустимым расширение перечня следственных действий, содержащегося в УПК РФ, за счет

введения в УПК «негласных (тайных) следственных действий», а также исключают возможность предоставления следователю полномочий самостоятельно осуществлять негласные (тайные) следственные или оперативно-розыскные действия. Иначе следователь окажется осуществляющим деятельность, противоречащую его беспристрастности, независимости, вовлекающую его в активную борьбу с преступностью. Такой следователь не вправе формировать доказательства и самостоятельно принимать процессуальные решения по делу, в противном случае слишком велик риск ошибки, слишком велика угроза нарушения прав участников процесса.

Мы также полагаем, что, несмотря на то, что в ходе осуществления ОРД извлекается (получается) информация, которая может быть признана соответствующей критерию относимости в силу того, что она имеет существенное значение для раскрытия, расследования преступления, правильного разрешения уголовного дела, с учетом существенных различий между оперативно-розыскной деятельностью и процессуальной деятельностью следователя результаты ОРД не могут приравниваться к доказательствам и как таковые, «в готовой форме», непосредственно использоваться для установления обстоятельств, перечисленных в ст. 73 УПК РФ, в особенности для решения вопроса о виновности.

Сходная правовая позиция нашла отражение в решениях Конституционного Суда Российской Федерации, отметившего, что «результаты оперативно-розыскных мероприятий не являются доказательствами, а лишь **сведениями об источниках тех фактов** (выделено нами), которые, будучи полученными с соблюдением требований Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», могут стать доказательствами только после закрепления их надлежащим процессуальным путем, а именно на основе соответствующих норм уголовно-процессуального закона, т.е. так, как это предписывается статьями 49 (часть 1) и 50 (часть 2) Конституции Российской Федерации»¹.

Данная правовая позиция Конституционного Суда РФ позволяет заключить,

¹ См.: Определение Конституционного Суда РФ от 4 февраля 1999 г. № 18-О // Вестник Конституционного Суда РФ. 1999. № 3.

что суд считает необходимым четко разграничить понятия «доказательства» и «результаты оперативно-розыскных мероприятий». Одновременно в ней Конституционный Суд РФ подчеркивает, что сведения, полученные в ходе ОРМ, могут стать доказательствами, только если они были «закреплены надлежащим процессуальным путем», т.е. формировать доказательства могут только субъекты доказывания (следователь, орган дознания, суд) путем производства процессуальных действий.

В то же время эта правовая позиция Конституционного Суда РФ, как нам представляется, не свободна от недостатков. Первый из них связан с тем, что суду, по нашему мнению, не удалось четко определить, каким именно образом результаты ОРД могут быть трансформированы (преобразованы) в доказательства. Подробнее об этой проблеме мы будем говорить во втором параграфе данной главы, однако сейчас уже укажем, что было бы очень важно, чтобы Конституционный Суд предложил такую формулировку, которая исключала бы возможность применения концепции к результатам ОРД «серебряного блюда». Данная концепция, как отмечает А.В. Смирнов, ранее была распространена в правоприменительной деятельности США и предполагала способ легализации в качестве доказательств данных, первоначально добытых субъектом в нарушение закона, но затем принятых судом из рук другого, неопороченного субъекта доказывания. То есть незаконно полученные данные, подобно плодам отравленного дерева, помещенным на серебряное блюдо, как бы санировались и снова становились удобоваримыми для правосудия¹. К сожалению, рассматриваемая правовая позиция Конституционного Суда РФ не обладает достаточной четкостью и формальной определенностью. Возможно истолковать ее таким образом, что «готовые» результаты ОРД могут стать доказательствами, если они будут вовлечены в процесс доказывания лицом, производящим дознание, следователем, судом путем осуществления неких процессуальных действий, направленных на их закрепление.

¹ Смирнов А. В. «Серебряное блюдо» оперативно-розыскной деятельности // Уголовный процесс. 2012. № 10. С. 13.

Второе обстоятельство, о котором необходимо сказать применительно к вышеприведенной позиции Конституционного Суда РФ, связано с использованной судом формулировкой: «сведения об источниках фактов», которой высший судебный орган обозначает результаты ОРД. При всей значимости позиций Конституционного Суда РФ в разрешении вопроса о значении результатов ОРД для уголовного процесса, в том числе для принятия процессуальных решений, представляется необходимым отметить, что предложенная им формулировка весьма несовершенна, так как ее содержание не может быть с точностью определено. Неясно, что Конституционный Суд РФ имеет в виду, говоря об «источниках фактов», о каких конкретно источниках должны быть получены сведения.

В теории доказывания термин «источник» употребляется в двух значениях: либо как процессуальная форма сохранения и передачи сведений об искомых фактах (например, протокол допроса свидетеля – источник, в котором зафиксированы его показания), либо как носитель информации, которую надо извлечь в процессе формирования доказательства (лицо, которому что-то известно, либо материальный объект, на котором остались следы преступления)¹. Можно предположить, что в анализируемой правовой позиции Конституционного Суда РФ речь не идет об употреблении термина «источники» в первом значении, поскольку в противном случае следовало бы считать, что, по мнению Конституционного Суда РФ, содержанием информации, отраженной в результатах ОРД, являются не сведения о признаках подготавливаемого, совершаемого или совершенного преступления, лицах, подготавливающих, совершающих или совершивших преступление, в том числе скрывшихся от органов дознания, следствия или суда, а также о лицах, которым могут быть известны какие-либо обстоятельства, имеющие значение для расследования, а лишь сведения о том, в какой форме в ходе ОРД была получена и закреплена такая информация, то есть сведения, не отвечающие признаку относимости. Кроме того, такое понимание

¹ См. об этом, например: Ульянова Л. Т. Возникновение, развитие и современные проблемы института уголовно-процессуального доказательства // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 2011. № 6. С. 45-55.

было бы в корне неверным, поскольку, как совершенно верно отмечалось в литературе, «приступая к доказыванию, следователь не располагает "источниками доказательств", ибо показания, заключения, протоколы и даже вещественные доказательства еще не существуют. Поэтому он не извлекает сведений из "источников", а, наоборот, создает "источники доказательств" путем преобразования получаемых сведений в процессуальную форму»¹.

Если же исходить из представления о том, что под источником фактов Конституционный Суд РФ понимает носителя информации (человека или вещественный объект), то тогда, исходя из общего смысла рассматриваемой формулировки, под результатами ОРД следует подразумевать либо сведения, отражающие информацию об оперативном сотруднике, которому в рамках осуществляемой деятельности стало известно о событии преступления или его обстоятельствах; либо сведения о любом другом лице, предоставившем органу дознания, осуществляющему оперативно-розыскную деятельность, информацию о преступлении. При этом, опять-таки, информация о событии или об обстоятельствах преступления отходит на второй план (хотя и не настолько далеко, как в первом случае). Тогда возникает еще один резонный вопрос, что принципиально важного для уголовного дела могут отражать сведения о так называемых источниках фактов? Если все же предположить, что это будут сведения о должностном лице органа дознания, осуществлявшего ОРД, то наверняка они должны касаться его должности, соответствующих полномочий и разрешения на осуществление конкретных ОРМ в предусмотренных законом случаях. Если же сведения касаются иных лиц, например, предоставивших информацию о преступном деянии, лице его совершившем, то тогда они должны отражать их личные данные и прочую характеризующую информацию. Между тем в последнем случае не исключена ситуация, когда информация о преступлении будет получена от лица, оказывающего, к примеру, содействие оперативным подразделениям на конфиденциальной основе, и сведения о

¹ Громов Н. А., Гушин А. Н., Луговец Н. В., Лямин М. В. Доказательства, доказывание и использование результатов оперативно-розыскной деятельности: учебное пособие. М.: «Приор-издат», 2006. С. 79.

котором – государственная тайна. При таких обстоятельствах сведения могут быть представлены отнюдь не всегда, а лишь тогда, когда источник сам изъявит желание себя обнародовать. В этой связи вполне возможно предположить, что, определяя в своих решениях результаты ОРД в качестве «сведений об источниках о фактах», Конституционный Суд РФ скорее всего допустил редакционную неточность. Возможно даже, что она была допущена умышленно, в попытке более четко обозначить необходимый способ преобразования результатов ОРД в доказательства: путем самостоятельного извлечения следователем (судом) информации из тех источников информации, сведения о которых имеются в результатах ОРД. Выше мы уже показали, что эту задачу (если она была именно такой) Конституционному Суду РФ удалось реализовать не вполне. Однако при этом такая формулировка понятия результатов ОРД наносит существенный вред адекватному пониманию их сущностных характеристик, поскольку внимание в ней сосредоточено только на одном направлении использования результатов ОРД в уголовном процессе – их использовании в доказывании. Между тем результаты ОРД могут использоваться в уголовном процессе и в других целях – для решения вопроса о возбуждении уголовного дела, выдвижения и проверки следственных действий, при принятии процессуальных решений, не связанных с разрешением вопроса о виновности (например, решения о производстве обыска, при избрании меры пресечения) и т.д. Учитывая, что анализируемая формулировка была воспринята достаточно широким кругом ученых и до сих пор многими из них используется при конструировании новых авторских определений результатов ОРД, она, несомненно, нуждается в корректировке.

Следуя избранной нами логике изложения и принимая во внимание, что теоретико-правовая характеристика предмета нашего исследования была бы неполной без рассмотрения доктринальных определений результатов ОРД, обратимся к научным интерпретациям анализируемого понятия.

И А.М. Баранов обоснованно указывает, что «...правосознание устроено таким образом, что, если какое-либо положение, термин вошли в содержание

закона, они обретают общеобязательный характер»¹. Соответственно, и понятие «результаты ОРД», будучи впервые закрепленным в Инструкции 1998 г., несмотря на критику, было воспринято юридической наукой. Помимо того, в комментариях к Федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности», опубликованных после выхода Инструкции, понятие «результаты ОРД», как правило, приводилось дословно и было преподнесено вместо традиционной ранее доктринальной интерпретации².

В последующем схожая ситуация имела место и с законодательным закреплением понятия «результаты ОРД». После того как оно появилось в официальном нормативном источнике, его содержание стало изучаться многими исследователями, предлагавшими свои авторские варианты определений. В ходе проводимого нами исследования удалось обнаружить более двух десятков определений понятия «результаты ОРД», и число их продолжает увеличиваться. Анализ изученных определений позволил прийти к выводу, что многие авторы при их конструировании не имеют четкой методологической основы в своих научных поисках. Такой основой должны выступать правила логики – науки о формах и законах правильного мышления, ведущих к истине³.

Согласно правилам традиционной логики, которые были разработаны еще древнегреческим философом Аристотелем: 1) определение должно быть соразмерным, т.е. ни слишком узким, ни слишком широким; 2) определение должно быть ясным, т.е. свободным от двусмысленности и непонятных слов; 3) в определении не должно быть круга, т.е. термин, встречающийся в определяющей части, не должен определяться через определяемый термин⁴.

Также отметим, что «в логике существует несколько приемов определений понятия, а основным из них является определение через ближайший род и видовое отличие»⁵.

¹ Баранов А. М. Использование результатов негласных способов собирания доказательств в уголовном судопроизводстве // Государство и право. 2007. № 8. С. 62.

² См.: Поляков М. П. Уголовно-процессуальная интерпретация результатов оперативно-розыскной деятельности. Нижний Новгород, 2001. С. 120.

³ См.: Иванов Е. А. Логика: учебник. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2001. С. 3.

⁴ См.: Светлов В. А. Практическая логика: учеб. пособие. СПб., 1997. С. 41.

⁵ См.: Кондаков Н. И. Логический словарь-справочник. 2-е изд., испр. и доп. М., 1976. С. 457.

Процесс конструирования понятий представляет собой алгоритм, включающий четыре основных этапа:

- 1) сравнение изучаемого предмета, понятие о котором необходимо сконструировать, с другими явлениями подобного рода и выявление множества необходимых условий, одно из которых подчиняет все остальные, а все подчиненные условия не зависят одно от другого;
- 2) разделение условий на родовые и видовые и нахождение универсума родового понятия;
- 3) построение древа определения путем последовательного разделения универсума на два класса (включающего данное условие и не включающего его), причем число шагов разбиения должно быть равно числу видовых условий;
- 4) установление достаточности видовых условий для содержания конструируемого понятия¹.

Базируясь на логическом подходе и используя метод контент-анализа представленных в литературе определений результатов ОРД, можно проанализировать их и определить частоту упоминания тех или иных отличительных признаков исследуемого предмета.

Учитывая, что в научных источниках на протяжении многих лет конструкция определения результатов ОРД претерпевала различные изменения, менялась и система его признаков, в этой связи в качестве базового мы решили использовать законодательное определение, закрепленное в п. 36¹ ч. 1 ст. 5 УПК РФ, которое представляет собой официальное толкование правового понятия. Логический анализ нормативного определения результатов ОРД позволил выделить три основных категории, используемых при его конструировании:

- сведения;
- способ получения сведений;
- содержание сведений.

¹ Светлов В. А. Указ. соч.

Первая категория, используемая в конструкции рассматриваемого определения, – категория «сведения» – является родовой, так как подчиняет себе все остальные признаки. В ходе анализа авторских определений результатов ОРД нам удалось выявить различные вариации этой категории, среди которых наиболее часто используются следующие: фактические данные (любые фактические данные)¹, оперативные доказательства², информация (оперативно-розыскная информация)³, сведения (сведения об источниках фактов)⁴, источники информации (источники, содержащие сведения о фактах)⁵.

Самое раннее доктринальное определение понятия результатов ОРД нами обнаружено в работах Е.А. Доля⁶. Под результатами ОРД он рассматривал именно «оперативные доказательства», придавая им статус процессуальной легитимности. Однако после выхода этого определения в свет оно было подвергнуто широкой критике. Термин «оперативные доказательства» вызвал множество споров в научных кругах и не был поддержан. Основным аргументом отрицающей стороны служила точка зрения о том, что понятие «оперативные доказательства» сужает значение результатов ОРД, потому как они имеют не только процессуальное, но и самостоятельное оперативно-розыскное значение, которое гораздо шире процессуального⁷.

В то же время вопреки научной парадигме о несоответствии результатов ОРД процессуальным доказательствам в отдельных доктринальных источниках

¹ Краткая сыскная энциклопедия: деятельность оперативно-розыскная, контрразведывательная, частная, сыскная (детективная) / авт.-сост. А. Ю. Шумилов. М., 2000. С. 145; Голубовский В. Ю., Егоршин В. М., Овчинников Г. А. и др. Исследование предметов и документов: оперативно-розыскное мероприятие: учебное пособие. СПб.: Изд. «Лань», ВНИИ МВД РФ, 2000. С. 42.

² См.: Доля Е. А. Использование в доказывании результатов оперативно-розыскной деятельности. М.: Спарк, 1996.

³ Мешков В. М., Попов В. Л. Оперативно-розыскная тактика и особенности легализации полученной информации в ходе предварительного следствия. М., 1999. С. 45; Горяинов К. К., Кваша Ю. Ф., Сурков К. В. Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности»: Комментарий. М., 1997. С. 381; Зникин В. К. Принципы и основные понятия перехода избыточности оперативной информации в достаточность уголовно-процессуальных доказательств. М.; СПб.; Кемерово, 1998. С. 229 и др.

⁴ См.: Зажицкий В. И. Комментарий к Федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности» / отв. ред. А. Ю. Шумилов. М., 1997. С. 109.

⁵ См. напр.: Бедняков Д. И. Непроцессуальная информация и расследование преступлений. М., 1991. С. 93-94.

⁶ См.: Доля Е. А. Использование в доказывании результатов оперативно-розыскной деятельности. М., 1996. С. 111.

⁷ См., напр.: Теория оперативно-розыскной деятельности: учебник / под ред. К. К. Горяинова, В. С. Овчинского, Г. К. Сенилова. М., 2006. С. 553.

авторами по-прежнему предпринимались попытки их уравнивать. Для этого в своих авторских определениях результатов ОРД в качестве родового признака ученые использовали формулировку «любые фактические данные»¹. Учитывая, что в дальнейшем законодатель сознательно отказался от использования термина «любые фактические данные» в определении доказательств, предпринятые попытки уравнивать на этой основе понятие результатов ОРД с процессуальными доказательствами оказались неоправданными.

Не приносят какой-либо ясности в определение результатов ОРД и такие часто используемые родовые признаки, как «информация»² либо «оперативно-розыскная информация»³.

В общем понимании «информация» подразумевает сведения об окружающем мире и происходящих в нем процессах, которая воспринимается человеком либо специальными устройствами. На сегодняшний день существует множество аспектов категории информации как объективного явления. Категория «информация» является очень сложным и многогранным по своей конструкции термином, имеющим расширительное толкование, встречающееся в кибернетике, а также в различных системных исследованиях⁴. Поэтому справедливо высказывание С.С. Овчинского о том, что «каждое определение "информации", если оно применяется в сфере своего действия, верно, отображает какую-то сторону или особенность информации. Однако всякие попытки универсализации

¹ См.: Голубовский В. Ю., Егоршин В. М., Овчинников Г. А. и др. Исследование предметов и документов: оперативно-розыскное мероприятие: учеб. пособие. СПб., 2000. С. 42; Зажицкий В. И. Использование результатов оперативно-розыскной деятельности в уголовном судопроизводстве // Российская юстиция. 2001. № 3. С. 47; Михайлов В. И. Контролируемая поставка как оперативно-розыскная операция: учеб. пособие. М., 1998. С. 55.

² Зникин В. К. Принципы и основные понятия перехода избыточности оперативной информации в достаточность уголовно-процессуальных доказательств. М.; СПб.; Кемерово, 1998. С. 229; Мешков В. М., Попов В. Л. Оперативно-розыскная тактика и особенности легализации полученной информации в ходе предварительного следствия. М., 1999. С. 45.

³ Горяинов К. К., Кваша Ю. Ф., Сурков К. В. Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности»: комментарий. М., 1997. С. 381.

⁴ См.: Степанов А. А., Шананин М. Г. К вопросу о понятии результатов ОРД // Электронный каталог библиотеки юридического факультета СПбГУ [Электронный ресурс]. URL: <http://www.law.edu.ru/doc/document.asp?docID=1312101> (дата обращения: 15.04.2012); Вытовтова Н. И. Понятие информации, ее криминалистическое значение // Вестник криминалистики. 2004. Вып. 1(9). С. 31-37; Степура Ю. И., Филиппов А. Г. Собираание информации и доказывание в ходе работы следователя по уголовному делу // Там же. С. 38-44 и др.

частного определения, открывающего один или несколько аспектов информации, приводят к неудачным выводам»¹.

Еще одним недостатком авторских определений результатов ОРД, где родовым признаком выступает категория «информация», можно назвать отсутствие указания на форму (источник), в которой, собственно, содержится полученная оперативными сотрудниками информация. В определении результатов ОРД категория «форма» особенно важна, поскольку она неразделима с содержанием (информацией). Ю.К. Орлов в своей работе отмечал: «Не существуют информации (как энергии) вне какого-то материального носителя»². В этой связи следует согласиться с мнением Д.И. Беднякова, который пришел к одному из ключевых выводов, что в результате оперативно-розыскной деятельности формируются источники, в которых содержится непроцессуальная информация³.

Позиция, выраженная Д.И. Бедняковым, привлекательна тем, что в вопросе обозначения родового признака результатов ОРД следует исходить, прежде всего, из реального познавательного процесса, в котором собственно происходит формирование конечного информационного продукта данной правовой деятельности. В рассматриваемом отношении именно появление «источника» будет указывать на завершение, но никак не начало познавательного процесса, поскольку «источник» – это не что иное, как сформированный в познавательном процессе оперативно-розыскной деятельности результат, облеченный в оперативно-розыскную форму, которая играет немаловажную роль в оценке допустимости полученных сведений. Такая форма может иметь абсолютно различные виды: оперативные документы (протокол опроса лица, объяснение, акт, рапорт, справка о результатах, полученных в ходе проведенного ОРМ); любой физический носитель, на котором запечатлены ход проведенного ОРМ, преступные действия лиц, заподозренных в совершении преступления; предметы

¹ См.: Овчинский С. С. Оперативно-розыскная информация / под ред. А. С. Овчинского и В. С. Овчинского. М., 2000. С. 19.

² Орлов Ю. К. Указ. соч. С. 39.

³ См.: Бедняков Д. И. Непроцессуальная информация и расследование преступлений. М., 1991. С. 93-94.

(наркотические средства, технические средства фиксации, смывы, срезы, различные упаковки со следами наркотиков, денежные купюры с сопроводительными документами и пр.). В этой связи думается, что первостепенное значение для уголовно-процессуальной деятельности все же имеет информация, подтверждающая факт преступления и указывающая на лиц, их совершивших, при наличии которой одновременно начинает приобретать значение информация о том, откуда, от кого и при каких обстоятельствах она была получена. Таким образом, в русле изложенного действительно наиболее логичнее говорить о результатах ОРД как об источниках, содержащих в себе сведения о фактах, где источник будет служить критерием, определяющим оперативно-розыскную форму (вид результатов ОРД), а сведения о фактах – содержанием оперативно-розыскной информации.

Второй категорией, используемой в конструировании рассматриваемого определения является способ получения сведений. В науке признак, раскрывающий существо соответствующей категории, принято называть технологическим¹, его суть состоит в том, что он образует технологию получения результатов ОРД.

Анализ представленных в юридической литературе определений результатов ОРД показал, что данный признак может иметь различные вариации, однако наиболее часто авторы используют следующие способы его выражения: в виде законодательной (правовой) основы получения оперативно-розыскных сведений, либо ссылаясь на субъект, правомочный осуществлять оперативно-розыскную деятельность (назовем условно признаком «правосубъектности»). В некоторых определениях может наблюдаться одновременное сочетание обоих технологических признаков. Ссылка на законодательную основу получения результатов ОРД, как правило, используется для того, чтобы очертить возможность получения сведений исключительно рамками оперативно-розыскной деятельности. Этот признак представляется очевидным и носит общий

¹ Поляков М. П., Рыжов Р. С. Использование результатов оперативно-розыскной деятельности в уголовном процессе как правовой институт: монография. М., 2006. С. 59.

технологический характер, при этом имея сходство с законодательным определением результатов ОРД. Основное значение рассматриваемого признака заключается в том, что формулировка «полученные в рамках оперативно-розыскной деятельности»¹ подразумевает не только законодательную основу получения сведений, почерпнутых из оперативно-розыскных источников, но и способ ее получения, а также орган дознания (должностное лицо), наделенный законом полномочиями на осуществление ОРД. Представляется, что именно в такой редакции рассматриваемый признак играет важную роль для определения понятия результатов ОРД и имеет обязательный характер при его конструировании.

Что касается технологического признака «правосубъектности», то стоит отметить, что посредством его использования ученые, как правило, подразумевают либо орган, либо должностное лицо, уполномоченное законом на осуществление оперативно-розыскной деятельности. Применяя в доктринальных определениях рассматриваемого понятия признак правосубъектности, некоторые авторы нередко инкорпорируют его к условию осуществления оперативно-розыскной деятельности в рамках дела оперативного учета. В качестве примера приведем следующее определение: «результатами ОРД признаются любые фактические данные об обстоятельствах преступления и лицах, причастных к нему, полученные наделенными специальными полномочиями оперативными подразделениями в установленном Федеральным законом "Об оперативно-розыскной деятельности" порядке в рамках конкретного дела оперативного учета и зафиксированные в оперативно-служебных документах (рапортах, справках, сводках, актах, отчетах и т.п.), приложенных к ним предметам и документам, полученных при проведении оперативно-розыскных мероприятий, а также в материальных (физических) носителях информации (фонограммах, видеogramмах, кинолентах, фотопленках, фотоснимках, магнитных, лазерных дисках, слепках и т.п.), изготовленных в рамках проведения оперативно-технических

¹ См.: Доля Е. А. Указ. соч. С. 38-42.

мероприятий»¹.

При анализе содержания приведенного определения в первую очередь обращает на себя внимание его громоздкость, которая создает трудность восприятия. Далее наглядно прослеживается и упомянутый нами признак правосубъектности, сопряженный с условием осуществления оперативно-розыскной деятельности исключительно в рамках дела оперативного учета. Как нам представляется, такой способ конструирования научного определения результатов ОРД допускает сужение возможности получения оперативной информации в других предусмотренных законом случаях. По нашему мнению, правовое определение как пространственно-временной концентрат должно содержать такие технологические признаки, которые могут быть способны максимально расширить условные границы его действия во времени. Как верно отмечает О.И. Андреева, «...законы несовершенны, в них много относительного, временного, возможно, конъюнктурного. Даже самые прогрессивные из них с течением времени устаревают и теряют свой прежний смысл»². В этой связи думается, что авторам при конструировании правового определения, одновременно следует задумываться и о возможности его существования в условиях изменения отдельных правовых предписаний, для чего требуется использовать достаточно тонкие и эффективные инструментарии юридической техники.

Так, например, в свете законодательных преобразований получение результатов ОРД возможно не только в рамках дела оперативного учета, но и на стадии возбуждения уголовного дела при осуществлении органом дознания проверки сообщения о преступлении, в связи с исполнением письменного поручения о проведении оперативно-розыскных мероприятий (ч. 1 ст. 144 УПК РФ). На стадии предварительного расследования результаты ОРД могут быть получены на основании письменного поручения следователя (дознателя) (п. 4 ч.

¹См.: Голубовский В. Ю., Егоршин В. М., Овчинников Г. А. и др. Исследование предметов и документов: оперативно-розыскное мероприятие: учебное пособие. СПб.: Изд-во «Лань»; ВНИИ МВД РФ, 2000. С. 42.

²См.: Андреева О. И. Соотношение прав и обязанностей государства и личности в правовом государстве и специфика ее проявления в сфере уголовного судопроизводства (теоретический аспект) / под ред. М. К. Свиридова. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2004. С. 6-7.

2 ст. 38 УПК РФ; ч. 3 ст. 152 УПК РФ). В отсутствие поручения следователя действия должностных лиц органа дознания могут быть направлены на оперативно-розыскное обеспечение уголовного судопроизводства.

Исходя из изложенного, находим неоправданным использование при конструировании определения результатов ОРД технологического признака, связанного с возможностью получения сведений исключительно рамками дела оперативного учета.

Схожий по своему содержанию признак наблюдается в авторском определении В.И. Зажицкого. Под результатами ОРД он понимает фактические данные об обстоятельствах неочевидных, тяжких и особо тяжких преступлений, а также о лицах, их подготавливающих, совершающих или совершивших, полученные органами, осуществляющими эту деятельность в рамках ведения дел оперативного учета в порядке, предусмотренном Федеральным законом «Об оперативно-розыскной деятельности»¹.

Из данного определения видно, что отличительной особенностью используемого в нем технологического признака является не только ограничение возможности получения сведений рамками дел оперативного учета, но и ограничение условиями, при которых совершалось (было совершено) преступное деяние, а также степенью его тяжести. Между тем обобщенный анализ судебной следственной практики по делам о незаконном сбыте наркотиков позволяет сделать вывод, что результаты ОРД могут быть получены не только по неочевидным преступлениям, но и в рамках проведения оперативно-розыскных мероприятий в отношении известного круга лиц, когда есть информация о том, что они совершили (совершают) преступное деяние. Поэтому включение обозначенного признака в систему остальных логических признаков, определяющих понятие результатов ОРД, представляется нецелесообразным.

Третьей категорией, используемой для конструирования определения результатов ОРД, является категория содержания сведений, которая, по своей

¹См.: Зажицкий В.И. Использование результатов оперативно-розыскной деятельности в уголовном судопроизводстве // Российская юстиция. 2001. № 3. С. 47.

сути, отражает уголовно-правовую (материальную) составляющую рассматриваемого понятия. В законодательном определении результатов ОРД данный признак представлен в виде перечисления возможных обстоятельств, которые могут стать известны в результате осуществления ОРД. В то же время детальный анализ нормативного определения результатов ОРД позволил выявить некоторую неточность в его предикативной части, а именно в той, где перечислены возможные противоправные действия субъекта, которые могут быть обнаружены в результате ОРД: «...о лицах, подготавливающих, совершающих или совершивших преступление и скрывшихся от органов дознания, следствия или суда» (п. 36¹ ч. 1 ст. 5 УПК РФ).

Исходя из приведенной части определения, нам представляется, что законодатель напрасно использует в его синтаксической конструкции союз «и», которым обособил обстоятельство, связанное с указанием на то, что лицо непременно должно скрыться от органов дознания, следствия и суда, прежде чем о нем станут известны какие-либо сведения. И хотя грань между этими обстоятельствами тонка и не всегда обращает на себя внимание, все же, исходя из смыслового значения рассматриваемого определения, формируется предубеждение о том, что законом ограничена возможность получения оперативных сведений в отношении круга лиц только теми, кто изначально скрылся от органов дознания, следствия или суда. Между тем практике известны случаи, когда оперативная информация добывалась в том числе о лицах, не имеющих намерения скрыться и местонахождение которых известно. Более того, очевидным представляется и то, что оперативная информация может быть также получена о лицах, которые не причастны к совершению преступления, однако которым могут быть известны какие-либо обстоятельства, имеющие значение для разрешения уголовного дела. В этой связи в целях устранения выявленной неточности в определении анализируемого понятия из него следовало бы исключить союз «и», заменив его на синтаксическую конструкцию, включающую оборот со словами «в том числе». Кроме того, представляется целесообразным расширить круг лиц, о причастности которых к совершению преступления стало

известно в результате ОРД, и теми лицами, от кого может быть получена какая-либо интересующая информация об обстоятельствах преступления, но при этом не обязательно имеющих отношение к преступному деянию.

Анализ доктринальных определений результатов ОРД обращает внимание, что некоторые ученые¹ в признак содержания сведений нередко включают уточняющие условия, указывающие на вид оперативно-розыскной формы, в которой могут содержаться обнаруженные органом дознания сведения. Например, «...эти данные могут содержаться или быть закреплены в справках, актах, рапортах, составленных лицами, осуществляющими данные мероприятия, а также объектах, приобщенных к данным письменным источникам, на технических средствах фиксации информации (в материалах фото-, кино-, видеосъемки и т.п.), в сообщениях конфиденциальных источников»².

Из контекста приведенного отрывка определения видно, что используемое в нем уточняющее условие придает ему своеобразную оригинальность, но в то же время не лишает его дискуссионности. Оперативно-розыскная форма имеет принципиальное значение в оценке допустимости полученных сведений, и ее существование ни в коем случае нельзя отрицать. Но, к сожалению, ни на законодательном уровне, ни в научно-теоретическом отношении на сегодняшний день не выработано четкого разграничения результатов ОРД на соответствующие виды (формы). Отдельные рассуждения о видах результатов ОРД фрагментарно встречаются в некоторых научных комментариях к Уголовно-процессуальному кодексу, конкретно к ст. 89 УПК РФ, в которых говорится о том, что результаты ОРД отражаются в оперативно-служебных документах (рапортах, справках, сводках, актах, отчетах и т.п.). К ним могут быть приложены предметы и документы, полученные при проведении ОРМ. В случаях проведения в рамках ОРД оперативно-технических мероприятий результаты ОРД могут быть в том числе зафиксированы на физических носителях информации. Учитывая изложенное, считаем нецелесообразным допускать в определении результатов

¹ См.: Мешков В. М., Попов В. Л. Оперативно-розыскная тактика и особенности легализации полученной информации в ходе предварительного следствия. М., 1999. С. 45.

² См.: Мешков В. М., Попов В. Л. Указ. соч. С. 45.

ОРД перечисление всех их возможных видов. На наш взгляд, в рассматриваемом определении достаточно сослаться на источник, который в качестве общего признака будет подразумевать любые существующие в правовой природе виды результатов ОРД.

Подводя итог исследованию понятия и содержания результатов ОРД, можно заключить, что оно является правовой категорией, имеющей широкое смысловое значение, включающее в себя оперативно-розыскную, уголовно-процессуальную и уголовно-правовую составляющие. Конструирование определения результатов ОРД, помимо основных правил формальной логики, включает в себя два составляющих аспекта – гносеологический и технологический. Именно данные аспекты отражают теоретическую и правовую характеристики понятия результатов ОРД и позволяют рассматривать изучаемое явление с присущими ему признаками.

Интегрируя полученные представления о рассматриваемом понятии и основываясь на логическом подходе к пониманию определения результатов ОРД путем выделения его основных признаков, нами выработано и предложено следующее научное определение результатов ОРД: *это источники, содержащие сведения о признаках подготавливаемого, совершаемого или совершенного преступления, лицах, подготавливающих, совершающих или совершивших преступление, в том числе скрывшихся от органов дознания, следствия или суда, а также о лицах, которым могут быть известны какие-либо обстоятельства, имеющие значение для расследования, полученные в соответствии с федеральным законом об оперативно-розыскной деятельности.*

Полагаем, что предложенное нами определение позволит сформировать более четкое представление о результатах ОРД и разрешит принципиальный вопрос, связанный с их разграничением с процессуальными доказательствами.

1.2 Формы использования результатов оперативно-розыскной деятельности при принятии процессуальных решений

Уголовное судопроизводство на всем протяжении своей истории весьма тесно взаимосвязано с оперативно-розыскной деятельностью. Это объясняется тем, что розыскная (сыскная) функция традиционно обеспечивала раскрытие преступлений, установление и розыск виновных, а затем их передачу в руки судебной власти для последующей реализации так называемого продукта розыскной деятельности в уголовном судопроизводстве. Данный процесс олицетворял собой то, что в настоящее время мы называем «использованием результатов оперативно-розыскной деятельности в уголовном процессе».

Многолетнее изучение в процессуальной науке такого сложного правового явления, как результаты ОРД, свидетельствует о формировании межотраслевого института использования результатов ОРД в уголовном процессе¹. В теории права любой правовой институт характеризуется тем, что состоит из совокупности правовых норм, закрепленных в одном или нескольких нормативных актах, регулирующих общественные отношения². Особенностью института использования результатов ОРД в уголовном процессе в настоящее время является регулирование правовых отношений, связанных с использованием результатов ОРД, на межотраслевом уровне посредством Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», уголовно-процессуального законодательства и иных федеральных законов и подзаконных актов.

Однако правовое регулирование данного института не всегда было таким. Научные источники свидетельствуют, что оперативно-розыскная деятельность в России длительное время осуществлялась при отсутствии какого бы то ни было

¹ Доля Е. А. Указ. соч.; Поляков М. П. Уголовно-процессуальная интерпретация результатов оперативно-розыскной деятельности: монография / под научн. ред. проф. В. Т. Томина. Н. Новгород: Нижегородская правовая академия, 2001; Гушин А. Н., Громов Н. А., Царева Н. П. Оперативно-розыскная деятельность: совершенствование форм вхождения ее результатов в уголовный процесс: учебно-практическое пособие. М.: Изд-ль Шумилова И.И., 2003; Рыжов Р. С. Использование результатов оперативно-розыскной деятельности в уголовном процессе как правовой институт: дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2004; Доля Е. А. Формирование доказательство на основе результатов оперативно-розыскной деятельности: монография / под ред. Е. А. Доля. М.: Проспект, 2009.

² Якушев В. С. О понятии правового института // Правоведение. 1970. № 6. С. 61-67.

нормативного регулирования, на основании одних лишь сугубо секретных ведомственных циркуляров¹. Одним из таких секретных документов, ставшим известным сегодня, было Положение от 9 февраля 1907 г. «Об охранных отделениях», в котором содержались основы регулирования вопросов доказательственного использования сыскной информации. Положения этого ведомственного акта корреспондировали предписаниям Устава уголовного судопроизводства (ст. 250 УУС). Например, § 37 Положения предписывал следующее: «Осмотры вещественных доказательств должны быть произведены с наибольшею быстротою, причем из них должны быть извлечены все сведения, необходимые для дальнейшего негласного расследования. Если заключающиеся в вещественных доказательствах данные не требуют принятия немедленных мер, то об этих обстоятельствах должно быть особо указано в сообщении судебному следователю или жандармскому офицеру с отметкой, что данные эти не использованы»².

В 1958 г. использование результатов ОРД в уголовном судопроизводстве выходит на новый уровень, получив свое отражение в Основах уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик. В соответствии со ст. 29 Основ на органы дознания возлагалось «принятие необходимых оперативно-розыскных мер в целях обнаружения признаков преступления и лиц, их совершивших»³. В последующем указанное положение фактически в том же виде было перенесено в соответствующие статьи УПК других союзных республик, в том числе в ч. 1 ст. 118 УПК РСФСР, где результатам ОРД было определено всего одно направление их использования – для решения вопроса о возбуждении уголовного дела.

Проводимая в 1990-х гг. в России правовая реформа в числе других целей была направлена на возведение действий любых властей в четкие правовые

¹ Гинзбург А. Я., Григорьев В. И., Алесковский С. Ю. Основы оперативно-розыскных действий: учебно-практическое пособие. Алматы, 1999. С. 10; Корневский Ю. В., Токарева М. Е. Использование результатов оперативно-розыскной деятельности в доказывании по уголовным делам: методическое пособие. М., 2000. С. 5.

² Поляков М. П. Уголовно-процессуальная интерпретация результатов оперативно-розыскной деятельности: монография / под ред. В. Т. Томина. Нижний Новгород, 2001. С. 65-66.

³ Ведомости Верховного Совета СССР. 1959. № 1. Ст. 15.

рамки¹. В связи с этим 13 марта 1992 г. был принят первый Закон «Об оперативно-розыскной деятельности», который заложил правовую основу современного института использования результатов ОРД в уголовном процессе.

Так, в соответствии со ст. 10 Закона «Об оперативно-розыскной деятельности» «результаты ОРД могут быть использованы для подготовки и осуществления следственных действий и проведения оперативно-розыскных мероприятий по предупреждению, пресечению и раскрытию преступлений, а также в качестве доказательств по уголовным делам после их проверки в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством»². Анализ рассматриваемой нормы показывает, что, помимо использования результатов ОРД для подготовки и осуществления следственных действий, законодатель четко и недвусмысленно указывал на то, что результаты ОРД при условии их проверки в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством могут использоваться в качестве доказательств по делу. Такая законодательная формулировка была критически оценена многими учеными, поскольку ее содержание было обоснованно интерпретировано в качестве стремления законодателя уравнивать процессуальные доказательства с результатами ОРД, получение которых происходит за пределами действия уголовно-процессуальной формы.

Однако существование анализируемой правовой нормы длилось недолго, и в 1993 г. принятие новой Конституции Российской Федерации (далее – Конституция РФ) обусловило необходимость совершенствования действующего законодательства, в том числе путем принятия нового Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ. В нем институт использования результатов ОРД получил свое дальнейшее правовое выражение в ст. 11, именуемой «Использование результатов оперативно-розыскной деятельности». Согласно данной статье Федерального закона «Об

¹ Бирюлькин В. Г. Использование результатов оперативно-розыскной деятельности // Вопросы применения Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности»: межвуз. сб. науч. тр. Омск, 1998. С. 124.

² Об оперативно-розыскной деятельности в Российской Федерации: Закон РФ от 13 марта 1992 г. № 2506-1 // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. 1992. № 17.

оперативно-розыскной деятельности» законодатель, как и прежде, указал на возможность использования результатов ОРД при осуществлении оперативно-розыскной и уголовно-процессуальной деятельности, причем в последнем случае значительно расширив направления их применения. Так, согласно последней редакции анализируемого нормативного положения, оперативные сведения могут применяться для подготовки и осуществления следственных и судебных действий, служить поводом и основанием для возбуждения уголовного дела, представляться в орган дознания, следователю или в суд, в производстве которого находится уголовное дело или материалы проверки сообщения о преступлении, а также использоваться в доказывании по уголовным делам в соответствии с положениями УПК РФ, регламентирующими собирание, проверку и оценку доказательств, и в иных случаях, установленных Федеральным законом об ОРД.

Анализ ст. 11 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» позволяет заключить, что законодатель считает возможным применение результатов ОРД в осуществлении не только следственных, но и иных процессуальных действий (п. 32. ст. 5 УПК РФ), не отнесенных законодателем к числу следственных. В этой связи системное толкование положений, закрепленных в ст. 11 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», с положениями, закрепленными в п. 32, 33 ст. 5 УПК РФ, приводит нас к убеждению в том, что результаты ОРД могут использоваться не только в тактических целях при подготовке следственных (процессуальных, судебных) действий, но и при принятии целого ряда процессуальных решений, в основу которых они могут быть положены.

О возможности использования результатов ОРД при принятии процессуальных решений, на наш взгляд, в определенном смысле свидетельствует и такое приоритетное направление их использования, как их применение в доказывании по уголовным делам (ч. 2 ст. 11 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности»). Анализируемое направление использования результатов оперативно-розыскной деятельности представляет особый интерес, поскольку на первый взгляд позволяет смягчить прежнее

дискуссионное положение, связанное с использованием результатов ОРД в качестве процессуальных доказательств (ст. 10 Закона «Об оперативно-розыскной деятельности»), но в то же время вызывает неоднозначное восприятие в его толковании. Так, по мнению В.А. Азарова, новый Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» усложнил толкование законодательного предписания в части доказательственной ценности данных, полученных оперативно-розыскным путем. Обоснованность своих выводов автор подтверждал, в частности, результатами проведенного им исследования, в ходе которого из 156 опрошенных сотрудников криминальной милиции предпочтение прежней редакции отдавали 96% респондентов¹.

Солидарен с этой позицией профессор В.И. Басков, высказавший мнение о том, что «отказ законодателя от включения результатов проведения оперативно-розыскных мероприятий в перечень доказательств существенно затруднит деятельность следователя по уголовным делам»².

Согласно точке зрения В.И. Зажицкого, «обновленная формулировка, кроме того, что она больше согласуется с положениями доказательственного права, никаких других функциональных преимуществ не содержит»³.

Критиковала редакцию ст. 11 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» Т.Н. Москалькова, указывающая на неопределенность законодателя в отношении результатов ОРД, который не дает ответа на главный вопрос: «...следует ли относить их, как и прежде, к доказательствам либо считать сведениями, имеющими ориентирующую роль при подготовке и осуществлении следственных действий и иных процессуальных процедур»⁴.

Размышляя над редакцией ст. 11 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» и обобщив представленные в науке мнения о ней,

¹ Азаров В. А. Уголовно-процессуальные и оперативно-розыскные средства достижения цели раскрытия преступлений // Государство и право. 1997. № 10. С. 48.

² Басков В. И. Оперативно-розыскная деятельность: учеб-метод. пособие. М., 1997. С. 11.

³ Зажицкий В. И. Понятие использования результатов оперативно-розыскной деятельности в доказывании по уголовным делам // Проблемы формирования уголовно-розыскного права // Актуальные вопросы обнаружения преступлений с помощью негласных возможностей: сб. науч. работ / под ред. А. Ю. Шумилова. М., 2000. Вып. 3. С. 59.

⁴ Москалькова Т. Н. Этика уголовно-процессуального доказывания (стадия предварительного расследования). М., 1996. С. 78.

М.П. Поляков пришел к выводу, что в части регламентации использования результатов ОРД в доказывании законодателем была зафиксирована очередная «капитуляция» уголовно-процессуальной науки. По мнению автора, следуя нормативному толкованию ч. 2 ст. 11 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», очевидно, что законодатель ведет речь не об использовании результатов ОРД в качестве доказательств, а об их использовании «в доказывании по уголовным делам в соответствии с положениями уголовно-процессуального законодательства, регламентирующего собирание, проверку и оценку доказательств»¹.

Представляется, что полемика вокруг возможности использования результатов ОРД в процессе доказывания возникла не случайно, а по причине того, что современное состояние доктрины уголовно-процессуального доказывания закономерно обуславливает дискуссии по данному поводу. Так, первоначально в классическом понимании доказывание рассматривалось в качестве познавательной деятельности, в ходе которой путем производства следственных и иных процессуальных действий устанавливаются имеющие значение для уголовного дела обстоятельства расследуемого события преступления². Со временем наукой были выработаны и другие подходы, согласно которым доказывание понимается как более узкий правовой инструмент (разновидность познания), характеризующийся рядом особенностей, к числу которых различные авторы относят, к примеру, наличие строгой процессуальной формы³, возможность опосредованного восприятия обстоятельств уголовного дела⁴ или направленность на строго определенный круг обстоятельств¹. Наиболее

¹ Поляков М. П. Уголовно-процессуальная интерпретация результатов оперативно-розыскной деятельности: монография / под ред. В. Т. Томина. Нижний Новгород, 2001. С. 84.

² См., например: Арсеньев В. Д. Вопросы общей теории судебных доказательств. М., 1964. С. 10; Фаткулин Ф. Н. Общие проблемы процессуального доказывания. 2-е изд. Казань. 1976. С. 16; и др.

³ См., например: Божьев В. П. Основные вопросы советского уголовного процесса: учеб. пособие. М., 1978. С. 81; Победкин А. В. Теория и методология использования вербальной информации в уголовно-процессуальном доказывании: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2005. С. 113; Костенко Р. В. Доказательства в уголовном процессе: концептуальные подходы и перспективы правового регулирования: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Краснодар, 2006. С. 8; Петуховский А. А. Проблемы доказывания в уголовном процессе (совершенствование законодательства и правоприменительной практики). М., 2009. С. 5; Якимович Ю. К. Доказательства и доказывание в уголовном процессе России. Томск, 2015. С. 3 и др.

⁴ См.: Лупинская П. А. Доказывание в советском уголовном процессе: учеб. пособие. М., 1966. С. 21-22; Якимович Ю. К. Доказательства и доказывание в уголовном процессе России. Томск, 2015. С. 3.

распространенным подходом стала позиция, согласно которой доказывание представляет собой двухэтапную систему, состоящую из познавательной и удостоверительной деятельности². При этом удостоверительная деятельность направлена на фиксацию в установленных законом формах получения результатов³. В последние годы и этот подход претерпел некоторые изменения, в результате чего двухэтапная система доказывания дополнилась еще одним элементом (этапом) – логическим обоснованием правоприменительных решений познанными в процессе доказывания обстоятельствами уголовного дела⁴. Близкую по смыслу позицию о многоэтапном характере доказывания выразил С.Б. Россинский. Ученый отметил, что «доказывание не сводится только к познавательной деятельности, а предполагает удостоверительный этап, а также аргументационно-логические приемы познания»⁵.

Мы разделяем данный подход к процессу доказывания, поскольку участники, наделенные в уголовном судопроизводстве властными полномочиями по принятию решений, реализуют их посредством действий как познавательно-удостоверительного, так и формально-логического, аргументационного характера. В большей степени это наглядно прослеживается в досудебном производстве, где органы дознания либо предварительного следствия для обоснования своей позиции осуществляют полноценное познание всех обстоятельств уголовного дела посредством производства следственных и иных процессуальных действий⁶,

¹ См., например: Григорьев В. Н., Победкин А. В. Некоторые положения теории доказывания в уголовном судопроизводстве // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2012. № 2. С. 24-29; Джатиев В. С. Доказывание и оценка обстоятельств преступления / отв. ред. Н. С. Алексеев. Ростов н/Дону, 1991. С. 122, 123; Астафьев Ю. В., Изотова Н. В. Доказывание и оперативно-розыскная деятельность: проблемы соотношения и взаимодействия. Курск, 2002. С. 86; Якимович Ю. К. Доказательства и доказывание в уголовном процессе России. Томск, 2015. С. 3.

² Победкин А. В. Уголовно-процессуальное доказывание. М.: Юрлитинформ, 2009. С. 31-45; Доказывание и принятие решений в состязательном уголовном судопроизводстве: монография / отв. ред. Л. Н. Масленникова. М.: Норма: ИНФРА-М, 2017. С. 92.

³ Григорьев В. Н., Победкин А. В. Некоторые положения теории доказывания в уголовном судопроизводстве // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2012. № 2. С. 25; Гинзбург А. Я., Григорьев В. И., Алесковский С. Ю. Основы оперативно-розыскных действий: учебно-практическое пособие. Алматы, 1999. С. 51-53.

⁴ См.: Орлов Ю. К. Проблемы теории доказательств в уголовном процессе. М., 2009. С. 32, 33.

⁵ Россинский С. Б. Вербальные следственные и судебные действия как средства познания обстоятельств уголовного дела: за и против: доклад круглого стола «Процессуальные действия вербального характера». СПб., 2016.

⁶ Воскобитова Л. А., Россинский С. Б. Вопросы познания в современном уголовном судопроизводстве // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2015. Т. 9. № 1. С.

для которых в определенных, установленных законом случаях предусмотрено принятие обоснованного процессуального решения. При этом по обоснованному мнению Л.А. Воскобитовой и С.Б. Россинского, «...следователь (дознатель) в различных формах осуществляет познание обстоятельств дела, но выводы относительно обвинения он должен основывать лишь на достаточных доказательствах»¹.

Таким образом, ст. 11 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» задает определенные ориентиры применения результатов ОРД в разных направлениях уголовно-процессуальной деятельности. Разрешая использовать результаты ОРД в доказывании по уголовным делам в соответствии с положениями УПК РФ, регламентирующими собирание, проверку и оценку доказательств, исследуемая норма не только ставит вопрос относительно возможности использования результатов ОРД в качестве доказательств, но и дает возможность использования результатов ОРД в качестве фактологической основы принимаемых по делу важных процессуальных решений².

Между тем нельзя не отметить, что с анализируемыми положениями, закрепленными в ст. 11 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», в противоречие вступает ст. 89 УПК РФ, которая скорее выражает запрет на использование результатов ОРД в уголовном судопроизводстве, чем дозволение их использовать. В этой связи на протяжении долгих лет эта законодательная норма подвергается достаточно жесткой критике. Так, к примеру, в теории и практике неоднократно высказывалось мнение о том, что ст. 89 УПК РФ носит многообещающее название «Использование в доказывании результатов оперативно-розыскной деятельности», но при этом имеет достаточно противоречивое содержание: «В процессе доказывания запрещается использование результатов оперативно-розыскной деятельности, если они не

130-143; Доказывание и принятие решений в состязательном уголовном судопроизводстве: монография / отв. ред. Л. Н. Масленникова. М.: Норма: ИНФРА-М, 2017. С. 93.

¹ Воскобитова Л. А., Россинский С. Б. Указ. соч. С. 132.

² Более подробно об этом в § 3 настоящей главы диссертационного исследования.

отвечают требованиям, предъявляемым к доказательствам настоящим Кодексом»¹. А.М. Баранов считает, что подобным образом «уголовное судопроизводство в силу своего консерватизма и уязвимости относится с недоверием к сведениям, установленным в рамках иной деятельности»². А.Г. Маркушин отметил, что «указанная норма закона никакой правовой нагрузки не несет, никакой правовой функции не выполняет... она совершенно не компетентна и не нужна никому, кроме отдельных комментаторов, которые интерпретируют ее каждый на свой лад. Ясных правовых предписаний о судьбе результатов ОРД как не было, так и нет»³.

Диаметрально противоположно категоричному подходу цитируемых нами, а также и ряда других ученых о запретительном характере ст. 89 УПК РФ высказывался С.А. Шейфер. Автор отметил, что непроцессуальные познавательные мероприятия, исходя из содержания анализируемого положения, все же могут быть использованы в целях доказывания. В качестве основного аргумента в пользу этого суждения автор сослался на возможность получения с помощью результатов ОРД информации, которая обладает одним из свойств уголовно-процессуальных доказательств – свойством относимости⁴. Нельзя не согласиться с позицией С.А. Шейфера относительно существования качества относимости у информации, полученной в результате проведения оперативно-розыскных мероприятий. Однако если вести речь о возможности использования результатов ОРД в качестве доказательств по уголовному делу, то, помимо свойства относимости, необходимо наличие и остальных свойств, предъявляемых законом к процессуальным доказательствам, а именно допустимости, достоверности и в совокупности достаточности. Более того, представляется, что в рассматриваемом вопросе важной становится не столько проблема возможности

¹ Зникин В. К. Раскрытие преступления как вектор оптимального его расследования // Вестник Томского государственного университета. Право. 2014. № 2 (12). С. 63; Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации: вводный. М.: Юрайт-М, 2002. С. 55-56.

² Баранов А. М. Использование результатов негласных способов собирания доказательств в уголовном судопроизводстве // Государство и право. 2007. № 8. С. 64.

³ Маркушин А. Г. Правовое обеспечение оперативно-розыскной деятельности в доказывании // Конституционно-правовые проблемы оперативно-розыскной деятельности: сборник мат-лов Всероссийского круглого стола (3 ноября 2011 г.) / сост. К. Б. Калиновский. СПб.: Петрополис, 2012 [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» и др.

⁴ Шейфер С. А. Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования. М., 2012. С. 109-110.

результатов ОРД соответствовать свойству относимости, сколько их способность обладать свойствами достоверности и допустимости. Значимость этих свойств заключается в том, что посредством них определяется процессуальная природа любого доказательства. Из содержания ст. 89 УПК РФ видно, что прежде чем допустить использование результатов ОРД в доказывании, законодатель неслучайно нацеливает правоприменителя на неукоснительное соблюдение всех требований, предъявляемых к доказательствам (ст. 88 УПК РФ). В случаях их несоблюдения результаты ОРД, равно как и доказательства, не имеют доказательственного значения, а значит и возможности применения их в доказывании (ч. 1 ст. 75 УПК РФ). Причем допустимость по общему правилу означает, что доказательство получено из надлежащего источника управомоченным должностным лицом, законным способом и облечено в установленную законом уголовно-процессуальную форму, чего нельзя сказать о результатах ОРД, так как специфика их получения отлична от процессуальной, в связи с чем они не могут изначально быть облечены в процессуальную форму. Более того, в предыдущем параграфе мы уже показали значимость соблюдения именно уголовно-процессуальной формы, существенные различия между оперативно-розыскной деятельностью и процессуальной деятельностью следователя, направленной на собирание доказательств, что привело нас к выводу о том, что результаты ОРД не могут приравниваться к доказательствам.

Тем не менее содержание ст. 89 УПК РФ вроде бы допускает, что некоторые результаты ОРД могут и соответствовать требованиям, предъявляемым УПК РФ к доказательствам. Более того, на возможность соответствия результатов ОРД этим требованиям, казалось бы, ориентирует правоприменителей и Верховный Суд РФ. Согласно п. 7.1 Обзора судебной практики Верховного Суда РФ по уголовным делам о преступлениях, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных, сильнодействующих и ядовитых веществ (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 27 июня 2012 г.), «в каждом случае, когда в качестве доказательств по уголовному делу используются результаты оперативно-розыскной деятельности (ОРД), суды обязаны оценивать возможность

использования результатов данных мероприятий в качестве доказательств по уголовному делу»¹.

Соответственно, необходимо исследовать, каким же образом положения ст.ст. 87 и 88 УПК РФ могут применяться к результатам оперативно-розыскной деятельности.

Для этого прежде всего посмотрим, что могут представлять собой результаты оперативно-розыскной деятельности, представляемые органу дознания, следователю или суду. Согласно Инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности дознавателю, органу дознания, следователю, прокурору или в суд (утв. Приказом МВД России № 776, Минобороны России № 703, ФСБ России № 509, ФСО России № 507, ФТС России № 1820, СВР России № 42, ФСИН России № 535, ФСКН России № 398, СК России № 68 от 27.09.2013)², в качестве результатов ОРД могут быть представлены:

- рапорт об обнаружении признаков преступления;
- сообщение о результатах оперативно-розыскной деятельности;
- полученные (выполненные) при проведении ОРМ материалы фото- и киносъемки, аудио- и видеозаписи и иные носители информации, а также материальные объекты, которые в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством могут быть признаны вещественными доказательствами. При этом при представлении фонограммы к ней прилагается бумажный носитель записи переговоров.

Дополнительно представляются:

- постановление руководителя органа, осуществляющего ОРД (начальника или его заместителя), о проведении проверочной закупки или контролируемой поставки предметов, веществ и продукции, свободная реализация которых

¹ Обзор судебной практики Верховного Суда РФ по уголовным делам о преступлениях, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных, сильнодействующих и ядовитых веществ: утв. Президиумом Верховного Суда РФ 27 июня 2012 г. [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

² Об утверждении Инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд: приказ МВД России № 776, Минобороны России № 703, ФСБ России № 509, ФСО России № 507, ФТС России № 1820, СВР России № 42, ФСИН России № 535, ФСКН России № 398, СК России № 68 от 27.09.2013 // Российская газета. 2013. 13 дек. № 282.

запрещена либо оборот которых ограничен, а также оперативного эксперимента или оперативного внедрения;

– копии судебных решений о проведении ОРМ, которые ограничивают конституционные права человека и гражданина на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений, передаваемых по сетям электрической и почтовой связи, а также право на неприкосновенность жилища;

– постановление о рассекречивании сведений, составляющих государственную тайну, и их носителей.

Инструкцией допускается представление материалов, документов и иных объектов, полученных при проведении ОРМ, в копиях (выписках), в том числе с переносом наиболее важных частей (разговоров, сюжетов) на единый носитель, о чем обязательно указывается в сообщении (рапорте), и на бумажном носителе записи переговоров.

В действующей Инструкции не указано, как это было сделано в предыдущей ее редакции, что результаты ОРД могут представляться либо в виде обобщенного официального сообщения, либо в виде подлинников соответствующих оперативно-служебных документов, однако на практике это положение по-прежнему реализуется и следователю, органу дознания, как правило, представляется целый ряд подлинников оперативно-служебных документов, в числе которых: рапорты, в которых отражается организационный характер деятельности органов дознания, осуществляющих ОРД, сопроводительные письма (сообщения), распоряжения начальников органов дознания, многочисленные акты, составленные при проведении оперативно-розыскных мероприятий и т.д. По делам о преступлениях, связанных с незаконным оборотом наркотиков, как правило, представляются результаты проверочной закупки, в числе которых: заявление о добровольном участии в мероприятии лица, выступающего в качестве «покупателя», протокол его досмотра, досмотра его вещей и транспортного средства; денежных купюр, протокол досмотра заподозренных лиц, протокол добровольной выдачи наркотиков, постановления: о проведении мероприятия, предоставлении следователю результатов оперативно-розыскной деятельности,

рассекретивании результатов проведения негласных оперативно-розыскных мероприятий. Могут дополнительно представляться акт о проведении ОРМ «наблюдение», акт обследования помещения, справки об исследовании и т.д.

Как можно проверить эти материалы (именно в их «готовом» виде, в том виде, как они были представлены) с точки зрения их относимости, допустимости, достоверности и достаточности? Какие способы такой проверки имеются в распоряжении органа дознания, следователя, суда?

Во-первых, не следует упускать из вида, что требования ст. 88 УПК РФ основаны на конституционном положении, закрепленном в ч. 2 ст. 50 Конституции РФ, согласно которому при осуществлении правосудия не допускается использование доказательств, полученных с нарушением федерального закона. Следуя логике анализируемого конституционного положения, думается, что под нарушением федерального закона надлежит понимать не только нарушение норм, закрепленных конкретно в УПК РФ, как об этом указано в его ч. 1 ст. 75, но и норм иного федерального закона, как это установлено Конституцией РФ¹. К таковым нормам вполне могут относиться положения, закрепленные в Федеральном законе «Об оперативно-розыскной деятельности» и иных правовых актах, регламентирующих получение результатов ОРД, их оформление и передачу органам, осуществляющим предварительное расследование. Результаты ОРД, полученные с нарушением норм Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», уже получены с нарушением требований законодательства и потому не могут быть использованы в доказывании.

Более того, В.Т. Томин и И.А. Зинченко утверждают, что «результаты ОРД являются доказательствами, если они получены и проверены в порядке, предусмотренным Федеральным законом "Об оперативно-розыскной деятельности", и содержат информацию, имеющую значение для установления

¹ Научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / отв. ред. В. М. Лебедев. М.: «НОРМА», «ИНФРА-М», 2014 [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

обстоятельств, указанных в статье 73 УПК РФ»¹. Мы не согласны с утверждением, что результаты ОРД, даже содержащие информацию, соответствующую требованию относимости, и собранные в соответствии с положениями ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности», могут сами по себе рассматриваться как доказательства (по основаниям, которые подробно изложены в параграфе 1 настоящей работы). Тем более что ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» и не предусматривает никаких форм и способов проверки результатов ОРД. Тем не менее эта позиция обоснованно указывает на существование некоторых способов проверки законности результатов ОРД, применимых к ним в том виде и в том состоянии, в каком они были представлены органу дознания, следователю, прокурору или в суд.

С учетом требований Инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности дознавателю, органу дознания, следователю, прокурору или в суд (в части объема, перечня представляемых материалов) представленные результаты ОРД «в готовом виде», без производства следственных действий могут быть проверены лишь в части:

а) проверки законности их получения, с точки зрения соответствия их положениям ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности». С этой целью необходимо установить, в частности, были ли результаты ОРД получены надлежащим субъектом (органом, осуществляющим ОРД), было ли проведено ОРМ, предусмотренное законом, были ли соблюдены предусмотренные законом условия проведения ОРМ (в том числе было ли вынесено постановление, утвержденное руководителем органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность, получено ли судебное решение) и т.д. При этом очевидно, что такая проверка будет достаточно фрагментарной (для установления ряда обстоятельств будет необходим допрос лиц, принимавших участие в проведении ОРМ, осмотр и экспертное исследование представленных носителей информации и т.д.), а потому не может считаться окончательной;

¹ Уголовный процесс. Проблемные лекции / под ред. В. Т. Томина, И. А. Зинченко. М.: Изд-во «Юрайт», 2015. С. 454.

б) проверки соблюдения порядка их рассекречивания и передачи дознавателю, органу дознания, следователю, прокурору или в суд.

Другие способы и возможности проверки представленных результатов ОРД в их «готовом виде» у следователя, органа дознания, суда отсутствуют.

В.А. Азаров и В.И. Иванов в своей совместной работе, обнаружив, что «с учетом негласного характера оперативно-розыскной деятельности представляется очевидным, что лицо, производящее по уголовному делу предварительное расследование и имеющее в наличии только сообщение или рапорт из оперативно-розыскного органа о результатах проведенного оперативного мероприятия и в лучшем случае копию решения суда на его проведение (при реализации ОРМ, ограничивающего конституционное право гражданина), не располагает возможностью оценки результатов такого ОРМ с позиции допустимости»¹, предложили в качестве выхода из этой ситуации, чтобы сам орган, осуществлявший ОРД, после принятия решения о представлении результатов ОРМ, произвел оперативно-розыскную проверку результатов таких мероприятий (проверку законности действий соответствующих сотрудников) и предоставил вместе с материалами ОРД свой вывод: о соответствии (либо несоответствии) действий сотрудников оперативно-розыскного органа требованиям Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности»². Такое предложение представляется нам необоснованным. Во-первых, оно предлагает исключить собственную проверку соответствия результатов ОРД закону, производимую субъектом доказывания, заменив ее принятием еще одного «готового» результата – заключения о соответствии действий сотрудников закону. Такая процедура явно противоречит всем правилам проверки доказательств и их оценки на основе внутреннего убеждения. Во-вторых, такое предложение представляется совершенно нерезультативным с практической точки зрения, поскольку представляется совершенно невероятным, чтобы в случае принятия такого

¹ Азаров В. А., Иванов В. И. Судебный контроль как средство проверки доброкачественности результатов оперативно-розыскных мероприятий // Научный вестник Омской академии МВД России. 2010. № 4. С. 21.

² Азаров В. А., Иванов В. И. Судебный контроль как средство проверки доброкачественности результатов оперативно-розыскных мероприятий // Научный вестник Омской академии МВД России. 2010. № 4. С. 21.

предложения имел место хотя бы один случай, когда орган, осуществлявший ОРД, приняв решение о представлении результатов ОРД следователю, одновременно предоставил бы заключение о том, что действия сотрудников, осуществлявших ОРД, противоречили закону.

Реально же имеющиеся (перечисленные выше) в распоряжении следователя (дознателя, судьи) способы проверки результатов ОРД не дают никаких возможностей оценить содержащуюся в этих результатах информацию с точки зрения ее достоверности и с точки зрения того, не были ли допущены нарушения прав участников в ходе ее получения. Поэтому переданные следователю (органу дознания, суду) и принятые им результаты ОРД (в том виде, в котором они передаются) сами по себе не соответствуют требованиям, предъявляемым УПК РФ к доказательствам, и не могут использоваться для установления любого из обстоятельств, перечисленных в ст. 73 УПК РФ. В особенности недопустимо использование их для решения вопроса о виновности.

Это означает, что для того чтобы использовать информацию, являющуюся содержанием результатов ОРД, в доказывании для решения вопроса о виновности лица в инкриминируемом ему деянии необходимо установить первоисточник этой информации и извлечь ее из этого источника уже с соблюдением требований уголовно-процессуальной формы.

В принципе, именно на это ориентирует правоприменителя Конституционный Суд РФ (в своем Определении № 18-О от 4 февраля 1999 г.). Аналогичное положение содержится в п. 20 Инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд, в соответствии с которым «результаты ОРД, представляемые для использования в доказывании по уголовным делам, должны *позволять формировать доказательства*, удовлетворяющие требованиям уголовно-процессуального законодательства, предъявляемым к доказательствам в целом, к соответствующим видам доказательств; содержать сведения, имеющие значение для установления обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу, указания на ОРМ, при проведении которых получены предполагаемые

доказательства, а также данные, позволяющие проверить в условиях уголовного судопроизводства доказательства, сформированные на их основе»¹.

В то же время ряд нормативных положений, регламентирующих порядок производства процессуальных и следственных действий, принятия процессуальных решений, позволяет утверждать, что результаты ОРД все же могут быть использованы (в непреобразованном виде, в том виде, в каком они были представлены) при принятии некоторых процессуальных решений. Причем, забегая вперед, скажем, что возможность или недопустимость использования результатов возникает в зависимости как от предусмотренного законодателем основания конкретного решения, предопределяющего его информационную природу, так и от определенных условий, складывающихся на момент его принятия².

Таким образом, мы можем утверждать, что использование результатов оперативно-розыскной деятельности в уголовном процессе вообще и при принятии процессуальных решений в частности может осуществляться в двух формах:

1) в непосредственной форме. При этом результаты ОРД используются в том виде, в каком они были представлены после их проверки с точки зрения законности их получения и с точки зрения соблюдения условий и порядка их представления. В этой форме результаты ОРД не могут использоваться для разрешения вопроса о виновности лица в совершении инкриминируемого ему деяния;

2) в опосредованной форме, после трансформации результатов ОРД в доказательства. Такая трансформация должна представлять собой формирование доказательств, производимое на основе сведений о первоначальных источниках информации, извлеченных из результатов ОРД, то есть включать самостоятельное извлечение следователем, дознавателем или судом информации из тех

¹ Об утверждении Инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд: приказ МВД России № 776, Минобороны России № 703, ФСБ России № 509, ФСО России № 507, ФТС России № 1820, СВР России № 42, ФСИН России № 535, ФСКН России № 398, СК России № 68 от 27.09.2013 // Российская газета. 2013. 13 дек. № 282.

² Подробнее об этом см. в параграфе 1.3 настоящего исследования.

источников, на которые указывают переданные результаты ОРД, ее закрепление и фиксацию (допрос свидетелей, истребование предметов и документов, осмотр и приобщение к делу вещественных доказательств, назначение экспертизы и т.д.).

Очевидно, что эти две формы использования результатов имеют существенные, коренные различия и пригодны для применения в разных целях. Поэтому подмена опосредованной формы использования результатов ОРД непосредственным их использованием в тех случаях, когда решается вопрос о виновности, совершенно недопустима. С этой точки зрения представляются совершенно недопустимыми утверждения, согласно которым письменные результаты ОРД (справки, меморандумы, акты), фиксирующие факт и обстоятельства совершения преступления, если они были в установленном порядке переданы следователю, дознавателю, суду и приняты им, в дальнейшем непосредственно используются в доказывании в качестве «иных документов» – доказательств, предусмотренных ст. 84 УПК РФ¹. Сами по себе передача следователю результатов ОРД и их принятие следователем не означают еще трансформации (превращения) результатов ОРД в доказательства. Говорить о наличии трансформации можно лишь в тех случаях, когда следователь, дознаватель, суд самостоятельно сформировали доказательство, воспользовавшись информацией, почерпнутой из результатов ОРД, для обнаружения ее носителя.

С другой стороны, трансформация результатов ОРД в доказательства требует времени, и потому ее использование для принятия некоторых процессуальных решений (например, решения об обыске) может быть нецелесообразным. Поэтому представляется необходимым рассмотреть особенности применения каждой из этих форм.

Использование результатов ОРД при принятии процессуальных решений в непосредственной форме.

¹ См., например: Нагоева М. А. Использование результатов ОРД в ходе предварительного расследования // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 1-1. URL: <https://www.science-education.ru/ru/article/view?id=19631> (дата обращения: 10.03.2017).

В тех процессуальных решениях, фактические основания которых закон связывает не с наличием достаточных доказательств, а с наличием «достаточных данных», результаты ОРД, как представляется, могут использоваться в непосредственной форме. Основная суть данной формы заключается в том, что с помощью результатов ОРД компетентное должностное лицо может аргументировать, обосновать необходимость производства конкретного процессуального действия или принятия процессуального решения. Причем применение в указанной форме результатов ОРД не требует дополнительных процедур фиксации процесса их перехода в процессуальные доказательства. Должностным лицам, осуществляющим предварительное расследование, необходимо лишь произвести оценку представленных органом дознания документов, отражающих результаты ОРД, для того чтобы убедиться с формальной стороны в законности способа их получения, а также установленного порядка представления, тем самым обеспечив гарантии обоснованности и законности принимаемого на основе оперативных сведений процессуального решения. Так, все результаты ОРД должны быть получены посредством ОРМ, а при необходимости и на основании постановления, утвержденного руководителем органа, осуществляющего ОРД. Все прочие требования, предъявляемые к результатам ОРД, определены межведомственной инструкцией «О порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности дознавателю, органу дознания, прокурору или в суд».

Использование результатов ОРД при принятии процессуальных решений в непосредственной форме может иметь место в двух различающихся ситуациях.

Первая из них характеризуется тем, что результаты ОРД используются в качестве самостоятельного (единственного) обоснования принимаемого процессуального решения. Согласно анализу изученных нами уголовных дел о незаконном сбыте наркотиков, результаты ОРД как самостоятельное основание использовались при принятии следующих процессуальных решений: о возбуждении уголовного дела – в 97,8% случаев; о задержании – 76,2%; о назначении судебной экспертизы – 99,4%; о производстве освидетельствования –

56,7%; о допросе – 84,9%; о производстве обыска и выемки в случаях, не терпящих отлагательства, – 72,4% и пр.

Вторая ситуация предполагает использование результатов ОРД в качестве дополнения к имеющейся на момент принятия процессуального решения совокупности доказательств. В этом случае результаты ОРД и доказательства совместно, в совокупности образуют основание принятия процессуального решения. Как показало произведенное нами изучение практики, такое комплексное основание было характерно: для решений о производстве обыска (выемки), производимых на основании судебного решения, – в 100% случаев; решений об избрании (продлении) меры пресечения в виде заключения под стражу – 96,3%; решений о продлении срока содержания под стражей – 46,8%; о производстве выемки почтово-телеграфных отправок – 74,8%; применении контроля и записи телефонных переговоров – 98,6%.

Использование результатов ОРД при принятии процессуальных решений в опосредованной форме.

Для принятия решений, фактическое основание которых закон связывает исключительно с наличием доказательств, результаты ОРД могут применяться только в *опосредованной форме*. Только в опосредованной форме результаты ОРД могут применяться для решения вопроса о виновности.

Опосредованная форма предполагает процедуру трансформации (преобразования) результатов ОРД в процессуальные доказательства по делу путем использования уголовно-процессуальных механизмов. Стоит отметить, что процедура преобразования результатов ОРД сопровождается определенными сложностями, так как в данном случае должностное лицо, исходя из возложенных на него законом уголовно-процессуальных функций, обязано осуществить процесс доказывания, состоящий из собирания, проверки и оценки доказательств. Так, собирание доказательств, основанных на результатах ОРД, будет производиться путем следственных и иных процессуальных действий, предусмотренных УПК РФ. К таким действиям следует отнести: осмотр, освидетельствование, выемку, допрос, опознание, производство судебной

экспертизы, истребование документов и предметов и их изъятие в порядке, предусмотренном УПК РФ и пр. Необходимость соблюдения такого элемента процесса доказывания, как собирание, обусловлена прежде всего тем, чтобы обеспечить критерий допустимости доказательств, в соответствии с которым должен быть произведен надлежащий процессуальный способ их получения. В обеспечение критерия допустимости на этапе собирания доказательств необходимо также следовать положениям, содержащимся в ч. 1 ст. 86 УПК РФ, где установлено, что правом собирания доказательств наделены следователь (дознаватель), прокурор и суд. Соответственно, правом преобразования результатов ОРД в доказательства в процессе доказывания обладают лишь обозначенные субъекты. На этапе проверки доказательства, сформированные из результатов ОРД, проверяются путем их сопоставления с другими имеющимися в деле доказательствами, установления источников, путем получения новых доказательств, подтверждающих или опровергающих подлежащее проверке доказательство. После этого наступает этап, направленный на определение доказательственной ценности облеченных в процессуальную форму результатов ОРД. Причем на каждом из этапов доказывания каждое получаемое доказательство подлежит рассмотрению с точки зрения наличия у него требуемых законом свойств относимости, допустимости и достоверности. И лишь на завершающем этапе доказывания, после прохождения всех предусмотренных законом этапов, в ходе мыслительной деятельности должностные лица, наряду с другими доказательствами, могут использовать полученные на основе результатов ОРД доказательства при принятии процессуальных решений.

Для того чтобы определить, как, каким образом может происходить трансформация в доказательство различных результатов ОРД, нам необходимо определить:

- 1) каким требованиям должны соответствовать сами результаты ОРД, чтобы их можно было преобразовать в доказательства;
- 2) из каких источников должны быть получены сведения и с соблюдением каких требований должны быть собраны и проверены

доказательства, формируемые на основе информации, полученной из результатов ОРД.

Для целей нашего исследования полагаем возможным далее именовать перечень особых требований и условий, предъявляемых к источнику информации, процедуре извлечения из него информации, ее фиксации и к проверке сформированного доказательства, *требованиями к допустимости результатов ОРД*. При этом считаем необходимым оговорить, что использование термина «допустимость» в данном контексте имеет условный характер, поскольку сами по себе результаты ОРД, не отвечая требованиям, предъявляемым к доказательствам, ни при каких условиях не могут быть рассмотрены как отвечающие требованию допустимости (которое предъявляется только к доказательствам).

Юридическая наука и практика выделяют ряд требований, предъявляемых к результатам ОРД и вообще к информации, полученной непроцессуальным путем, которые необходимо учитывать, решая вопрос о возможности использования соответствующих данных в доказывании.

Так, по мнению О.А. Вагина, «если речь идет о фактических данных, то они должны соответствовать объективной действительности и не могут вызывать сомнения с точки зрения их достоверности. Однако не все результаты ОРД и не всегда можно признавать в качестве достоверных, поскольку их необходимо проверять при помощи других данных, и только по их совокупности можно с достаточной долей вероятности утверждать, что эти данные являются объективными и достоверными»¹. Хотя автор, по-видимому, и считает, что такой проверке могут подвергаться сами результаты ОРД в непосредственной форме, однако из этого определения мы можем почерпнуть два важных признака:

- 1) возможность проверки достоверности сведений;
- 2) наличие достаточной совокупности данных для такой проверки.

В.А. Азаров и В.И. Иванов полагают, что при определении доброкачественности результатов ОРД следует опираться на то:

¹ Теория оперативно-розыскной деятельности: учебник / под ред. К. К. Горяйнова, В. С. Овчинского, Г. К. Синилова. М.: ИНФРА-М, 2006. С. 554.

1) не нарушены ли при их собирании основополагающие нормы Конституции РФ о правах и свободах человека и гражданина, а также соответствующие положения Закона «Об оперативно-розыскной деятельности»;

2) возможно ли проследить весь путь формирования доказательств с тем, чтобы убедиться в надежности источника, и что в этом процессе не произошло искажения сведений, составляющих содержание доказательств¹.

О последнем из этих требований говорил и С.А. Шейфер².

А.С. Закотянский на основе исследования правовых позиций ЕСПЧ и проведенного им исследования предложил следующий критерий: непроцессуальную информацию возможно использовать в доказывании, если ее можно проверить в беспристрастном состязательном судебном разбирательстве с точки зрения того, не повлекло ли непосредственное использование результатов оперативно-розыскной деятельности в доказывании дисбаланса прав сторон³.

С учетом изложенных точек зрения полагаем, что главным требованием, которое предъявляется к результатам ОРД, должна быть возможность проверки достоверности содержащейся в них (извлекаемой из них) информации. Однако нельзя согласиться с мнением, что проверку достоверности непроцессуальной информации можно осуществлять на основе формальных критериев (соответствие оперативно-розыскной деятельности действующему законодательству), как это предлагает, например, М.П. Поляков⁴. Проверка достоверности информации, поступившей следователю, органу дознания, в суд от органов, осуществлявших оперативно-розыскную деятельность, должна позволить установить, соответствует ли информация той, которая содержится в первоисточнике, убедиться в ее подлинности и невозможности фальсификации. Это невозможно

¹ Азаров В. А., Иванов В. И. Судебный контроль как средство проверки доброкачественности результатов оперативно-розыскных мероприятий // Научный вестник Омской академии МВД России. 2010. № 4. С. 20-21.

² Шейфер С. А. Использование непроцессуальных познавательных мероприятий в доказывании по уголовному делу // Государство и право. 1997. № 9. С. 59-60.

³ Закотянский А. С. Проблемы использования непроцессуальной информации в доказывании по уголовным делам: монография. М.: Юрлитинформ. 2015. С. 17.

⁴ Поляков М. П. Уголовно-процессуальная интерпретация результатов оперативно-розыскной деятельности: монография / под ред. В. Т. Томина. Нижний Новгород, 2001. С. 87.

проверить на основе формальных критериев, должен быть в действительности прослежен весь путь формирования доказательства.

Это означает, что в случае трансформации результатов ОРД в доказательства необходимо:

а) установление первоисточника информации и извлечение информации из него. Если речь идет о личных доказательствах, это требование означает, что следователь, дознаватель (а в судебном разбирательстве – суд с участием сторон) должны допросить лицо, являющееся первоначальным источником информации. Его допрос не может быть заменен допросом так называемого «свидетеля доверия» – оперативного сотрудника, который бы давал показания со слов негласного сотрудника, как это предлагается некоторыми авторами¹. Нельзя не согласиться с О.С. Кучиным в том, что протокол допроса оперативного сотрудника, допрошенного вместо конфиденнта, должен быть признан недопустимым доказательством². Такой способ трансформации не может обеспечить аутентичности информации, сообщенной негласным сотрудником, информационному содержанию показаний оперативного сотрудника. И принципиальную непроверяемость данных вследствие такого «разрыва» между первоначальным источником и источником доказательства не может восполнить никакая ответственность оперативного сотрудника за фальсификацию данной информации. Точно по тем же основаниям эта информация не может стать содержанием такого вида доказательства, как «иной документ» (рапорт сотрудника), как это предложил М.П. Поляков³. Вообще, когда речь идет о таком виде доказательств, как «иной документ», возникает вопрос о том, могут ли какие-то результаты ОРД стать доказательствами, будучи рассмотренными в качестве «иного документа». Здесь существует несколько точек зрения. Первая из них

¹ Шелудько А. А. Использование в доказывании результатов оперативно-розыскных мероприятий // Вестник Калининградского юридического института МВД России. 2011. № 1. С. 135; Поляков М., Рыжов Р. О модели правового института использования результатов ОРД в уголовном процессе // Уголовное право. 2005. № 1. С. 89-90.

² Кучин О. С. Об актуальности использования результатов ОРД в доказывании // Вестник ЮУрГУ. 2005. № 25. С. 41-45.

³ Поляков М.П. Уголовно-процессуальная интерпретация результатов оперативно-розыскной деятельности: монография / под ред. В. Т. Томина. Нижний Новгород, 2001. С. 94.

состоит в признании за категорией «иной документ» неопределенно широкого содержания, позволяющего, по мнению авторов, включать любые материалы (идея «свободного» доказательства)¹. Вторая позиция состоит в ограниченном толковании понятия «иные документы», включении в него только тех документов, которые появились независимо от действий должностных лиц, осуществляющих расследование и раскрытие преступлений. Представляется, что когда речь идет о таких «документах», как рапорты, справки, меморандумы, составленные сотрудниками органа, осуществляющего ОРД, они не могут быть признаны доказательствами, поскольку не происходят от первоисточника информации. Когда же речь идет об актах, составленных в ходе (по результатам) осуществления ОРМ (например, акт досмотра, акт проверочной закупки), то такие документы могут рассматриваться как «иной документ», но не для подтверждения факта закупки, а только в той части, в какой в них содержится информация, позволяющая судить о законности и обстоятельствах проведения мероприятия (время, место, участники) – в целях проверки первоначальных доказательств.

Предметы, изъятые у задержанного лица или приобретенные в ходе закупки, материальные носители, на которых содержатся аудио- и видеозаписи, являются первоначальными источниками информации. На них должны распространяться общие правила работы с вещественными доказательствами;

б) наличие достаточной совокупности результатов ОРД. Совокупность результатов ОРД, как представляется, можно считать достаточной, если на ее основе может быть получена такая совокупность доказательств, которая даст возможность оценить достоверность результатов ОРД и соблюдение при проведении ОРМ прав участников. Например, если проведена проверочная закупка и сторона защиты оспаривает ее результаты или ход проведения ОРМ, то одних только показаний закупщика и оперативного сотрудника недостаточно для создания достаточной совокупности доказательств. Органы, осуществляющие ОРМ, должны обязательно проводить видео- или аудиофиксацию хода и

¹ Давлетов А. А., Камышин В. А. «Свободное» доказательство в уголовном процессе // Вестник Удмуртского университета. Правоведение. 1998. № 1. С. 91.

результатов ОРМ, аудио- или видеозапись предшествовавших переговоров закупщика с лицом, у которого производилась закупка, видеозапись досмотра и т.д. с тем, чтобы информация, извлеченная в ходе трансформации в доказательства, давала совокупность доказательств, подтверждающих друг друга и дающих возможность убедиться в отсутствии фальсификации;

в) возможность проверки «трансформированных» результатов ОРД в суде в условиях состязательности. Такая проверка должна производиться с точки зрения их достоверности, соблюдения прав участников в ходе ОРМ и с точки зрения признаков наличия/отсутствия провокации.

Итак, при *опосредованном* использовании результатов ОРД происходит поиск и определение путей их преобразования, которые в процессе этой деятельности получают установленную законом форму доказательств (при этом содержание информации может остаться неизменным или измениться в ходе трансформации результатов ОРД в доказательства).

1.3 Понятие и виды процессуальных решений, принимаемых с использованием результатов оперативно-розыскной деятельности

Под процессуальным решением в соответствии с п. 33 ст. 5 УПК РФ понимается «решение, принимаемое судом, прокурором, следователем, органом дознания, начальником органа дознания, начальником подразделения дознания, дознавателем в порядке, установленном настоящим Кодексом». Из этого нормативного определения видно, что законодатель не раскрыл его содержания, а ограничился лишь перечислением властных субъектов уголовного процесса, в чью компетенцию входит принятие процессуальных решений. Для того чтобы понять причину, побудившую законодателя сконструировать рассматриваемое определение именно в таком его содержании, необходимо более подробно исследовать сущность процессуального решения, его правовую природу и механизм принятия.

К этой проблеме обращались в разные годы А.П. Гуляев, А.Я. Дубинский, Л.М. Карнеева, А.Н. Ксензов, А.М. Ларин, П.А. Лупинская, Ю.В. Манаев, А.Я. Мотовиловкер, Н.Г. Муратова, А.Б. Муравин, Ю.В. Овсянников, А.В. Смирнов, С.С. Тюхтенов, Н.Н. Родин, Д.А. Солодов, М.С. Строгович, И.Я. Фойницкий, П.С. Элькинд, Н.А. Якубович, Ю.К. Якимович и др.

Анализ позиций различных авторов в отношении понятия процессуального решения позволяет прийти к выводу, что изначально при конструировании понятия «процессуальное решение» в качестве определяющего признака многие ученые использовали вместо понятия «процессуальное решение» понятие «правовой акт». Так, М.С. Строгович исходил из того, что под процессуальным актом необходимо понимать действие участника уголовного судопроизводства, облеченное в процессуальную форму и закрепленное в процессуальном документе¹. Схожего мнения придерживалась П.С. Элькинд, вкладывая в понятие «акт» прежде всего письменный документ, его содержание и форму².

М.И. Бажанов в качестве акта предлагал рассматривать целую систему:

- 1) процессуальный документ, который исходит от государственных органов, ведущих уголовный процесс;
- 2) результат деятельности этих органов;
- 3) акт облачается в установленную законом процессуальную форму;
- 4) характеризуется определенным содержанием, либо выражает решение по делу, либо отражает ход, порядок и результаты следственных и судебных действий³.

Д.С. Карев в своих трудах, отождествляя понятия «процессуальное решение» и «акт», говорил о том, что процессуальным решением признаются процессуальные документы, составленные в результате деятельности органов расследования и суда, которые именуются процессуальными актами⁴.

¹ Строгович М. С. Советский уголовный процесс / под ред. Д. С. Карева. М., 1956.

² Элькинд П. С. Толкование и применение норм уголовно-процессуального права. М., 1967.

³ См.: Бажанов М. И. Законность и обоснованность судебных актов в советском уголовном судопроизводстве: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Харьков, 1967. С. 6.

⁴ См.: Советский уголовный процесс / под ред. Д. С. Карева. М., 1965. С. 32.

Согласно научной позиции А.В. Смирнова, уголовно-процессуальные решения представляют собой правовые акты, в которых компетентные органы в определенном законом порядке на основе юридических норм и установленных обстоятельств дела дают индивидуальные государственно-властные предписания в целях обеспечения процессуальной деятельности и выполнения задач уголовного судопроизводства¹.

Н.А. Власова, равно как и А.В. Смирнов, определяет процессуальные решения через понятие акта, обладающего властно-распорядительным характером².

В рамках исследуемого понятия большой интерес вызывает позиция П.А. Лупинской, согласно которой следует отличать более широкое понятие «процессуальный акт» от «решения». По мнению данного автора, процессуальные действия выражают собой процессуальный акт, а под актом-решением, выраженным в документе, следует понимать различные решения, принимаемые как при производстве по делу, так и при разрешении дела по существу. Кроме того, само понятие «решение» П.А. Лупинская предлагала рассматривать в качестве родового понятия, так как оно отражает существо акта, в котором содержатся ответы на правовые вопросы. В итоге на основе анализа категорий «процессуальный акт» и «решение» автор пришла к выводу, что под процессуальным решением следует понимать облеченный в установленную законом процессуальную форму правовой акт³.

Таким образом, исходя из анализа вышеперечисленных научных представлений о понятии «процессуальное решение», полагаем, можно заключить, что в российской науке его определение традиционно рассматривается через категорию «акт». Категории «процессуальный акт» и «процессуальное решение» являются соподчиненными правовыми категориями. Данный вывод, в

¹ Смирнов А. В. Достаточные фактические основания уголовно-процессуальных решений (стадии возбуждения уголовного дела и предварительного расследования): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ленинград, 1984. С. 6-7.

² Власова Н. А. Досудебное производство в уголовном процессе. М., 2000. С. 27.

³ См.: Лупинская П. А. Решения в уголовном судопроизводстве. Их виды, содержание и формы. М.: Юрид. лит., 1976; Она же. Решения в уголовном судопроизводстве: теория, законодательство и практика. М.: Юрист, 2006.

частности, находит выражение в нормах уголовно-процессуального законодательства, в которых слово «решение» используется при разъяснении содержания таких процессуальных актов, как определение, постановление и приговор (п. 23, 25, 28 ст. 5 УПК РФ).

Особое внимание для исследования понятия «процессуальное решение» приобретает важный для его сущностной характеристики элемент «принятие решения», который законодатель не отграничивает от понятия «процессуальное решение».

В науке принятие процессуального решения признано сложным правовым механизмом, состоящим из нескольких этапов. На первоначальном этапе происходит собирание, проверка и оценка информации, которая приводит к выводу о наличии либо отсутствии определенных обстоятельств и признаков, необходимых для решения. Последующий этап характеризуется принятием самого решения о процессуальном действии на основе полученной информации¹. В тех случаях, когда законом не требуется вынесения определенного процессуального акта, результаты принятого процессуального решения становятся известны из процессуального документа, которым было оформлено конкретное процессуальное действие, закрепляющее его результат².

Как видно из изложенного, принятие процессуального решения имеет двойственное значение. В его основе лежат действия, направленные не только на получение информации, но также процессуальные действия по выбору решения и закреплению в нем результатов полученной информации. При этом отметим, что в соответствии с п. 32 ст. 5 УПК РФ «процессуальное действие» также имеет довольно широкое значение, поскольку в его совокупность входят следственное, судебное или иное процессуальное действие. Учитывая, что в общем понимании любые волевые действия закономерно являются продуктом мыслительной деятельности человека, сопровождающимся (заканчивающимся) принятием

¹ См.: Lupinskaya P. A. 2006 Указ соч. С. 21-29.

² Блинова-Сычкарь И. В., Миликова А. А. Понятие «принятие решения» в уголовном судопроизводстве // Вестник ВолГУ. Серия 5. Юриспруденция. 2008. № 10. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-prinyatie-resheniya-v-ugolovnom-sudoproizvodstve> (дата обращения: 04.08.2013).

решения¹, также логично полагать, что в уголовном судопроизводстве действия сопровождаются принятием процессуального решения. Таким образом, невзирая на то, что в законе такие понятия, как «процессуальное действие» (п. 32 ст. 5 УПК РФ) и «процессуальное решение» (п. 33 ст. 5 УПК РФ) между собой разделены, в правовом отношении их следует рассматривать во взаимосвязи.

Еще одним важным элементом в вопросе определения сущности и значения любого процессуального решения являются его процессуальные свойства, которыми оно должно обладать. К таким свойствам в науке относят следующие:

- вынесение процессуального решения только уполномоченным должностным лицом (органом);
- обязанность принятия решения должностным лицом (органом) только в пределах его компетенции;
- необходимость наличия для вынесения процессуального решения определенных, предусмотренных законом оснований и условий;
- необходимость процессуального решения отвечать требованиям законности, обоснованности и мотивированности, предусмотренным ч. 4 ст. 7 УПК РФ².

Обращая внимание на последнее свойство процессуальных решений, следует указать, что в своей совокупности оно образует требования, которые являются важным условием в обеспечении принципа законности при производстве по уголовному делу (ст. 7 УПК РФ). Принимая во внимание, что в уголовно-процессуальном законе не дано определений каждому из перечисленных в ч. 4 ст. 7 УПК РФ требований, которым должны отвечать все процессуальные решения, это обстоятельство поставило перед нами задачу определить их содержание.

В соответствии с правовой позицией Верховного Суда Российской Федерации «решение является законным в том случае, когда оно принято при точном соблюдении норм процессуального права и в полном соответствии с

¹ См.: БСЭ. 2-е изд. М., 1955. Т. 36. С. 455.

² См.: Лупинская П. А. Указ соч. С. 11.

нормами материального права, которые подлежат применению к данному правоотношению, или основано на применении в необходимых случаях аналогии закона или аналогии права»¹. Эта же позиция поддержана в научной литературе, в которой требование законности процессуальных решений определено как точное соблюдение норм уголовно-процессуального права, регламентирующего вынесение решений компетентным должностным лицом или органом; форму и содержание соответствующего документа; полное соответствие нормам материального права, применяемым при составлении данного акта². Процессуальные акты, вынесенные с нарушением закона, являются юридически ничтожными и подлежат немедленной отмене.

Законодатель в числе нарушений уголовно-процессуального закона выделяет такие, которые искажают суть правосудия и смысл судебного решения как акта правосудия, они указаны в пунктах 2, 8, 10, 11 части 2 статьи 389¹⁷, в статье 389²⁵ УПК РФ, ст. 237 УПК РФ. К их числу могут быть отнесены и иные нарушения, которые лишили участников уголовного судопроизводства возможности осуществления гарантированных законом прав на справедливое судебное разбирательство на основе принципа состязательности и равноправия сторон либо существенно ограничили эти права, если такое лишение (ограничение) повлияло на законность приговора, определения или постановления суда³.

Можно заключить, что под законностью процессуальных решений следует понимать основополагающее требование, предъявляемое к форме и содержанию

¹ О судебном решении [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2003 № 23 (ред. от 23.06.2015). Доступ из СПС «КонсультантПлюс»; О применении норм главы 47¹ Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в суде кассационной инстанции [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.12.2014 № 2. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

² См.: Бажанов М. И. Законность и обоснованность актов в советском уголовном судопроизводстве. Харьков, 1967. С. 10-11; Законность и справедливость в правоприменительной деятельности / А. Т. Боннер. М.: Рос. право, 1992; Муратова Н. Г., Подольский М. С. Понятие и значение судебных решений в механизме судебного контроля по уголовным делам // Обеспечение законности в российском уголовном судопроизводстве: мат-лы международной научно-практической конференции (Саранск, 7-8 декабря 2006 г.). Саранск: Мордов. кн. изд-во, 2006. С. 280-284.

³ Борисевич Г. Я. О существенных, неустранимых, фундаментальных нарушениях закона как основаниях отмены или изменения судебных решений по уголовным делам // Научный вестник Пермского университета. Пермь, 2013. № 2 (20). С. 34.

любого принятого в ходе уголовного судопроизводства решения, направленное на обеспечение соблюдения норм материального и процессуального права.

Законность процессуальных решений неразрывно связана с требованием их обоснованности. В. Быков отмечает, что собранные следователем доказательства признаются допустимыми, если будет законным и обоснованным само решение о производстве процессуального (следственного) действия¹. Исходя из общесмыслового значения слова, «основание» означает причину и повод, которые объясняют, оправдывают какое-либо решение, действие и одновременно могут означать «исходный материал», «сущность» формируемого решения².

Хотя в уголовно-процессуальном законе понятие обоснованности не раскрыто, анализ отдельных его нормативных положений показывает, что в УПК РФ существуют упоминания об основаниях для принятия отдельных процессуальных решений, и это позволяет ученым-процессуалистам рассматривать данное требование с разных точек зрения. Например, в юридической литературе существует мнение, что основание процессуального решения следует различать не только в процессуальном, но и в материальном значении. В качестве материального основания рассматривается состав преступления, а в качестве процессуального – его доказанность материалами дела (доказательствами)³.

В теории уголовного процесса исследованию подвергались в том числе правовые и организационные основы принятия процессуального решения в целом⁴.

¹ Быков В. Принятие следователем решения о производстве следственных действий // Законность. М., 2005. № 10. С. 8-10.

² См., например: Словарь русского языка: в 4-х т. / под ред. А. П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. М.: Русский язык 1981-1984, 1982. Т. 2. К–О. С. 560; Ожегов С. И. Указ. соч. С. 407.

³ Жогин Н. В., Фаткулин Ф. Н. Предварительное следствие в советском уголовном процессе. М.: Юрид. лит., 1965. С. 184; Лифанов Е. Н. О понятии основания привлечения в качестве обвиняемого // Вопросы повышения эффективности борьбы с преступностью. Томск: Томский университет, 1979. С. 74; Уголовный процесс: учебник / под ред. С. А. Колосовича, Е. А. Зайцевой. 2-е изд., переработ. и доп. М.: ИМЦ ГУК МВД России, 2003. С. 295.

⁴ См., напр.: Лупинская П. А. Решения в уголовном судопроизводстве. Их виды, содержание и формы. М., 1976. С. 9-18; Манаев Ю. В. Законность и обоснованность процессуальных решений следователя в советском уголовном судопроизводстве. Волгоград, 1977. С. 12; Муравин А. Б. Проблемы мотивировки процессуальных решений следователя: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Харьков, 1988. С. 8; Подольский Н. Основания принятия процессуальных решений // Российская юстиция. 1999. № 2. С. 40-41.

Позицией, разделяемой в настоящее время большинством процессуалистов, является деление оснований процессуального решения на правовые (юридические, процессуальные, формальные и пр.) и фактические основания¹. При этом следует оговорить, что под правовым основанием принято понимать наличие обязывающих норм УПК РФ о производстве конкретных следственных (процессуальных) действий с соблюдением процессуального порядка их проведения. К такому порядку относятся соответствующие процессуальные, в том числе процедурные, предпосылки, как, например, требующие (не требующие) принятия процессуального решения, наличие полномочий на проведение конкретных следственных (процессуальных) действий и др.

Гораздо сложнее стоит вопрос, связанный с определением фактического основания решения о производстве процессуального, следственного действия, так как в законе основания сформулированы по-разному, а в некоторых случаях имеют неоднозначный характер. По этой причине долгое время исследователи пытались определить, что следует понимать под фактическим основанием процессуального решения.

Так, в одних работах к фактическим основаниям относят исключительно наличие достаточных доказательств². В других работах фактические основания предложено рассматривать в качестве суммарного результата взаимосвязи элементов, составляющих правовую познавательную структуру процессуальных действий, куда входят объект–основание–цель.

Акцентируя внимание на принятии решений в целях производства следственных действий, С.А. Шейфер приходит к выводу, что фактическими основаниями проведения следственных действий являются данные, указывающие на возможность извлечения искомой информации из предусмотренных законом источников³. Однако, какие конкретно «данные», из каких конкретно источников

¹ Шейфер С. А. Следственные действия. Система и процессуальная форма. М.: «Юрлитинформ», 2001; Уголовный процесс: учебник для вузов / под ред. Б. Б. Булатова, А. М. Баранова. М.: Юрайт, 2010. С. 258; Чашин А. Н. Досудебное производство в уголовном процессе: учебное пособие. М.: Дело и сервис, 2013. С. 49.

² О достаточности доказательств в качестве фактического основания процессуальных решений говорилось в работах А.М. Ларина, Ю.В. Манаева, Ю.К. Орлова, Ф.Н. Фаткуллина, С.А. Шейфера и др.

³ Шейфер С. А. Следственные действия. Система и процессуальная форма. М.: «Юрлитинформ», 2001. С. 60.

могут быть извлечены, а также в последующем использованы как основание принимаемого решения, автор пояснений не дает.

Наиболее универсальным, на наш взгляд, представляется подход, предложенный А.В. Смирновым. Согласно его позиции, всякое процессуальное решение имеет определенную фактическую основу, к которой в одних работах относят доказательства, а в других – доказанность или недоказанность фактов и образуемых ими фактических обстоятельств. При этом автор пишет, что сама по себе доказанность (недоказанность) фактических обстоятельств не может быть фактическим основанием решений, поскольку не все решения базируются на результатах доказывания, равно как и не все процессуальные решения на момент их принятия могут быть основаны на доказательствах¹.

Аналогичную точку зрения имеет Н.Г. Муратова. По ее мнению, обоснованность процессуальных решений не всегда может быть обеспечена наличием истинных знаний о фактических данных, в совокупности составляющих основание соответствующего процессуального решения².

Справедливость данных научных позиций находит подтверждение в нормах уголовно-процессуального законодательства, в которых законодатель неслучайно делает разграничения в основаниях, необходимых для принятия процессуальных решений, в одних случаях допуская наличие «достаточных доказательств», в других – наличие «достаточных данных». Общим между этими понятиями является слово «достаточность», которое прежде всего выступает оценочным критерием и по своему значению призвано определять необходимый уровень знаний для принятия процессуального решения на том или ином этапе уголовного судопроизводства³. В то же время уровень знаний в зависимости от конкретного процессуального решения может варьироваться. Все зависит от правовой природы и значения решения, принимаемого в конкретной стадии; от его влияния на

¹ Смирнов А. В. Достаточность фактических оснований уголовно-процессуальных решений // Правоведение. 1983. № 5. С. 80-86.

² См.: Муратова Н. Г. Система судебного контроля в уголовном судопроизводстве: теория, законодательное регулирование и практика. Казань, 2004. С. 60.

³ Смирнов А. В. Указ. соч. С. 80-86.

достижение назначения этой стадии, а также от создавшихся на момент принятия решения условий, а также требований к форме и содержанию.

Достаточность доказательств как основание процессуальных решений закон распространяет на такие решения, как: постановление о привлечении в качестве обвиняемого (ст. 171 УПК РФ), обвинительное заключение (ст. 215 УПК РФ) и приговор (ст. 296 УПК РФ). И это вполне справедливо, поскольку на период принятия данных процессуальных решений в результате предшествующей доказательственной деятельности достаточность фактических данных (доказательств) должна быть определена.

В других случаях процессуальные решения могут быть приняты, как предписывает УПК РФ, на основе «достаточных данных» либо «достаточных оснований». К числу таких решений уголовно-процессуальный закон относит следующие: постановление о возбуждении уголовного дела (ч. 2 ст. 140 УПК РФ), постановление об избрании меры пресечения (ч. 1 ст. 97 УПК РФ), постановление о наложении ареста на имущество (ч. 3 ст. 115 УПК РФ), постановление о соединении уголовных дел (ч. 2 ст. 153 УПК РФ), постановление о производстве обыска и выемки (ч. 1 ст. 182 УПК РФ), личного обыска (ч. 2 ст. 184 УПК РФ).

Особенностью этих решений является характер их оснований, который предполагает, что уровень знания, позволяющий прийти к выводу о необходимости их принятия, может оказаться вероятным (предположительным)¹. О возможности обоснования некоторых принимаемых по делу решений вероятностными суждениями говорилось еще в докторской диссертации А.Я. Дубинского, согласно которой «обоснованность процессуальных решений не всегда может быть обеспечена наличием истинных знаний о фактических данных, в совокупности составляющих основание процессуального решения»².

¹ О достаточности вероятного вывода для вынесения ряда решений по процессуальным вопросам см.: Строгович М. С. Материальная истина и судебные доказательства в советском уголовном процессе. М., 1955. С. 229; Элькин П. С. Сущность советского уголовно-процессуального права. Л., 1963. С. 82-85; Курылев С. В. Основы теории доказывания в советском правосудии. Минск, 1969. С. 200; Лупинская П. А. Решение в уголовном судопроизводстве: теория, законодательство и практика. М., 2006. С. 69.

² Дубинский А. Я. Правовые и организационные проблемы исполнения процессуальных решений: дис. ... д-ра юрид. наук. Киев, 1984. С. 46.

Принимая во внимание, что законодатель не связывает наличие достаточных данных (оснований) с доказательствами, содержание данного основания наполняется диспозитивным характером, предполагающим возможность обоснования решений вероятностными суждениями. Поэтому процесс познания при установлении оснований для принятия таких решений имеет существенные отличия от общего процесса уголовно-процессуального познания. К их числу относится и возможность учитывать при принятии решения результаты непроцессуальных способов познания, к которым мы относим главным образом оперативно-розыскную деятельность. Однако вне зависимости от диспозитивного характера регламентируемого законом основания процессуального решения правоприменитель, следуя логике правоприменительного процесса, наделяется возможностью по своему усмотрению использовать ту совокупность данных и в той форме, которая по его внутреннему убеждению позволит обосновать вывод о необходимости совершения какого-либо процессуального действия и принятия решения о его производстве. Таковые данные могут включать в себя либо результаты ОРД, либо исключительно доказательства, т.е. сведения, полученные в строго определенной законом форме (ч. 2 ст. 74 УПК РФ), либо возможно одновременное сочетание оперативных и процессуальных сведений.

Как видно, в каждом конкретном случае правоприменителям надлежит дифференцированно подходить к выбору данных, необходимых для принятия процессуального решения, в зависимости от содержания, объема и характера установления, чтобы впоследствии оцениваемая совокупность сведений не оказалась усеченной и не повлекла за собой незаконность принятого на их основе решения и проведенного следственного действия¹.

Третьим обязательным требованием, предъявляемым законом к уголовно-процессуальным решениям, является их мотивированность (ч. 4 ст. 7 УПК РФ). Анализ норм уголовно-процессуального законодательства позволяет прийти к выводу, что требование мотивировки раскрывается лишь применительно к приговору (ст.ст. 305, 307 УПК РФ). Какого-либо общего понятия

¹ Это более подробно будет рассмотрено во второй главе диссертационного исследования.

мотивированности процессуального решения законодателем не раскрыто, что приводит к неоднозначному восприятию правоприменителем данного требования в теоретическом и практическом отношениях. Данное обстоятельство определяет необходимость более детального рассмотрения требования мотивированности процессуальных решений.

Исходя из смыслового значения, мотивированность предполагает совокупность мотивов, доводов для обоснования чего-нибудь, а мотивировать – значит привести мотивы, доводы в пользу чего-нибудь¹. Наиболее близкими и сходными по смысловому предназначению к мотивированности являются такие категории, как: доводы, причины, побуждения. В то же время в юридической литературе не достигнуто единого мнения о мотивированности процессуальных решений, а потому авторы толкуют данное требование по-разному. Одни считают, что мотивированность процессуального акта является одновременным внешним выражением его законности и обоснованности². Другие приходят к выводу о том, что мотивировка используется как специальное средство для того, чтобы обоснованность стала наглядной и выражалась в сведении фактов в определенную систему, снабжение их дополнительными суждениями³.

Наиболее полно и точно, на наш взгляд, понятие мотивированности процессуальных решений определяла П.А. Лупинская, по её мнению, мотивировка решения есть выражение его обоснованности, включающее в себя систему доводов, аргументов, соображений фактического, логического, правового характера, приводящих к определенным выводам по делу⁴.

Таким образом, следуя анализу научных подходов к определению мотивированности процессуального решения, полагаем, можно выделить два вида рассматриваемого нами свойства процессуальных решений:

1) фактические мотивы;

¹ Ожегов С. И. Указ. соч. С. 311.

² Тюхтенев С. С. Акты предварительного расследования и основные к ним требования в советском уголовном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1972. С. 24; Манаев Ю. В. Законность и обоснованность процессуальных решений следователя в советском уголовном судопроизводстве. Волгоград, 1977. С. 61.

³ Давыдов М. П. Обвинение в советском уголовном процессе. Свердловск, 1974. С. 124.

⁴ Лупинская П. А. Решения в уголовном судопроизводстве. М., 1972. С. 159.

2) юридические мотивы.

Фактические мотивы (данные) излагаются в описательной части процессуального решения. Их изложение позволяет понять, на каком основании компетентный орган (должностное лицо) сформулировал вывод о существовании или отсутствии тех либо иных обстоятельств, которые подлежат доказыванию.

Юридические мотивы также находят отражение в принимаемых процессуальных решениях, которые в соответствии с позицией Верховного Суда РФ следует разграничивать на *материально-правовые мотивы*, предназначенные для определения правильной квалификации преступления, и *уголовно-процессуальные мотивы*, которые находят выражение в приводимых компетентным органом (должностным лицом) доводах¹.

Исходя из изложенного, на первый взгляд может показаться, что мотивированность имеет очевидное сходство с обоснованностью процессуальных решений. Однако это не совсем так. Несмотря на то что данные требования по своему содержанию совпадают, их все же не следует отождествлять, поскольку основная суть мотивировки главным образом заключается в необходимости приведения всех перечисленных выше мотивов и аргументов в убедительную логическую систему, которая преследует цель не только подтвердить установленные обстоятельства, но и убедить в правильности принятого решения. Как верно отмечает Е.Н. Петухов, требование мотивированности возлагает на должностное лицо (орган) прежде всего обязанность продумать, объяснить ход и результат своих рассуждений, путь преодоления своих сомнений в достоверности того или иного доказательства, доказанности обстоятельств по делу и т.д.²

Итак, поводя итог анализу системы требований, предъявляемых законом к процессуальным решениям, мы приходим к выводу, что каждое процессуальное решение индивидуально, и это предопределяет содержание деятельности по его

¹ О судебном решении [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2003 № 23 (ред. от 23.06.2015). Доступ из СПС «КонсультантПлюс»; О применении норм главы 47¹ Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в суде кассационной инстанции [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.12.2014 № 2. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

² Петухов Е. Н., Черепанова Л. В. Обвинительный акт: монография. Барнаул: Барнаульский юридический институт МВД России, 2007. С. 59.

составлению. Думается, что именно по этой причине законодатель не дал более конкретного определения понятию процессуального решения.

В рамках рассматриваемого параграфа отдельного внимания требует исследование вопроса, связанного с классификацией процессуальных решений, которая является одним из важнейших условий дальнейшей научной разработки теоретических и практических аспектов уголовного процесса. Под классификацией принято понимать научно-методологический прием, позволяющий упорядочить знания об окружающей действительности путем распределения изучаемых предметов на взаимосвязанные классы и группы¹, ее назначение состоит в том, чтобы быть средством лучшего познания изучаемых объектов². Таким образом, классификация позволяет глубже познать правовой механизм института принятия процессуальных решений в уголовном судопроизводстве в целом, а также требования к содержанию и форме каждого решения в отдельности.

Многообразие принимаемых процессуальных решений послужило поводом для разработки в теории уголовного процесса большого количества видов их классификации, которые в зависимости от тех или иных признаков и свойств базируются на различных основаниях: 1) по субъектам, принимающим решения³ (следователь, орган дознания, прокурор и суд); 2) по кругу вопросов, подлежащих обязательному разрешению; 3) по процессуальному порядку принятия и форме изложения⁴; 4) в зависимости от процедур, предусмотренных УПК РФ⁵; 5) в зависимости от форм судебного контроля и возможности ограничения конституционных прав граждан. При этом ученые отмечают, что решения, равно

¹ См.: Методологические проблемы социального исследования / под ред. Д. Ф. Козлова. М., 1979. С. 51.

² Там же. С. 40.

³ См.: Эксархопуло А. А. Решения в криминалистике и их классификация // Расследование преступлений: вопросы теории и практики. Воронеж, 1997. С. 20-30; Правовые и организационные основы принятия решения в уголовном процессе (досудебные стадии): монография / В. Н. Григорьев, Г. А. Кузьмин. М.: Закон и право, 2003. С. 114.

⁴ Глушков А. И. Уголовный процесс. М., 2000. С. 9.

⁵ Муравин А. Б. Проблемы мотивировки процессуальных решений следователя: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Харьков, 1988. С. 8.

как и их система, могут характеризоваться сразу несколькими классификационными признаками¹.

П.А. Лупинская систематизировала решения, принимаемые на различных стадиях уголовного судопроизводства по следующему ряду признаков: по содержанию; функциональному значению; субъектам, правомочным принимать решения; времени принятия и длительности действия; процессуальному порядку постановления решения и требования к их форме; юридической силе; основаниям и условиям принятия решений². Помимо этого, автор являлась одним из разработчиков классификации по критерию деления процессуальных решений на основные и вспомогательные (дополнительные) решения. Под основными процессуальными решениями ею было предложено понимать те, которые содержат итоговую оценку обстоятельств дела, разрешающих его по существу, а во вспомогательные решения она вкладывает смысл, указывающий на создание юридической, правовой базы для вынесения основных решений. При этом П.А. Лупинская отмечала, что основные и вспомогательные решения отличаются друг от друга кругом фактических обстоятельств (предметом доказывания), которые должны быть установлены для принятия решения, и уровнем их доказанности³.

Схожего принципа систематизации процессуальных решений придерживается А.В. Смирнов, подразделяя решения на основные и вспомогательные в зависимости от целей и характера разрешения вопросов. К основным решениям он относит: 1) уголовно-процессуальные решения, касающиеся вопроса уголовной ответственности (решения об отказе в возбуждении уголовного дела, о привлечении в качестве обвиняемого, обвинительное заключение, приговор), так как данный вопрос является основным предметом уголовного процесса; 2) решения, которые определяют задачи уголовного судопроизводства, направленные на искоренение и предупреждение преступлений (представление следователя о принятии мер по устранению причин и условий совершения преступления).

¹ Григорьев В. Н., Кузьмин Г. А. Указ. соч. С. 32.

² Лупинская П. А. Законность и обоснованность решений в уголовном судопроизводстве. М., 1972. С. 33.

³ Там же. С. 27.

Вспомогательные решения А.В. Смирнов, в частности, подразделяет:

- на подготовительные (например, решение о возбуждении уголовного дела);
- операционные (решения, направленные на производство следственных действий);
- процедурные (решения о передаче дел по подследственности, о соединении и выделении дел, о признании участниками процесса)¹.

А.Я. Дубинский подразделял процессуальные решения следователя: 1) на решения по существу дела (о возбуждении или отказе в возбуждении уголовного дела, о привлечении в качестве обвиняемого и др.); 2) решения, обеспечивающие принятие процессуальных решений по существу дела (о производстве отдельных следственных действий, о применении меры пресечения и т.д.). В зависимости от этапа расследования автор также подразделяет все процессуальные решения: 1) на начальные решения; 2) решения, принимаемые в ходе расследования; 3) конечные (итоговые) решения².

Как видно, многообразие приведенных, а также иных классификаций процессуальных решений, существующих в теории уголовного процесса, обусловлено различием объема фактического основания, способами отыскания и уяснения правовых норм, подлежащих применению, порядком принятия, оформления и обоснования принятого решения³. В то же время существующие классификации очевидно непригодны для целей нашего исследования. Для того чтобы предложить сбалансированный механизм использования результатов оперативно-розыскной деятельности следователем и судом при принятии ими процессуальных решений, содержащий одновременно как гарантии принятия обоснованных решений, так и гарантии реализации прав участников уголовного судопроизводства, необходимо учесть иные характеристики решений, которые определяют невозможность, либо допустимость, либо даже

¹ См.: Смирнов А. В. Указ соч. С. 7-8.

² Дубинский А. Я. Исполнение процессуальных решений следователя: правовые и организационные проблемы. Киев, 1984. С. 53.

³ Доказывание и принятие решений в состязательном уголовном судопроизводстве: монография / отв. ред. Л. Н. Масленникова. М.: Норма: ИНФРА-М, 2017. С. 78.

предпочтительность использования при их принятии результатов ОРД и форму их использования (непосредственную или опосредованную).

С учетом проведенного нами анализа различий между оперативно-розыскной деятельностью и уголовно-процессуальной деятельностью следователя, направленной на собирание доказательств, и на основе учета потребностей, вызывающих необходимость использования в уголовном процессе результатов ОРД, полагаем возможным предложить новую классификацию процессуальных решений, в основу которой, по нашему мнению, должны быть положены три признака:

1) степень опасности допущения ошибки при принятии процессуального решения. Максимально высока такая степень опасности в случаях, когда речь идет о принятии итогового решения по уголовному делу. Довольно велика и опасность ошибки, когда речь идет о временном лишении лица свободы, избираемом в качестве меры пресечения. В таких случаях должен существовать максимум гарантий обеспечения установления действительных обстоятельств дела при принятии решения. В других случаях степень опасности ошибки значительно меньше. Например, необоснованный допрос или предъявление для опознания ограничивают права лица, вовлеченного в уголовное судопроизводство, но это ограничение существенно менее значимо для лица, чем, например, необоснованное признание виновным в совершении преступления, нарушение неприкосновенности жилища;

2) степень важности быстроты принятия процессуального решения. Некоторые процессуальные решения принимаются в ситуациях, требующих неотложных действий, когда промедление с принятием решения может привести к уничтожению доказательств или к тому, что подозреваемый скроется, или избавится от имущества, на которое возможно наложить арест. Другие решения, хотя и должны обеспечивать реализацию права на судопроизводство в разумный срок, но малочувствительны к небольшим задержкам во времени;

в) наличие возможности с наименьшими потерями исправить ошибку, допущенную при принятии решения. Здесь следует учитывать, что негативные

последствия от принятия неверного решения могут быть не только различными по характеру, но и различаться по степени сложности их исправления. Так, например, необоснованное решение о возбуждении уголовного дела может быть отменено, либо уголовное дело может быть прекращено по реабилитирующим основаниям, что повлечет за собой сравнительно небольшие потери. Решение о наложении ареста на имущество может быть принято на небольшой срок, временно, чтобы иметь возможность в более спокойной обстановке удостовериться в достаточности оснований для его принятия. Ошибка же, допущенная при постановлении приговора, не только очень опасна, но и требует много сил, средств и времени для ее исправления.

На основе этих признаков все уголовно-процессуальные решения поделены на три группы:

1) решения, при принятии которых результаты ОРД могут использоваться непосредственно в качестве фактических оснований их принятия;

2) решения, при принятии которых результаты ОРД, используются непосредственно, но только в качестве дополнительных данных о фактических основаниях, наряду с доказательствами;

3) решения, при принятии которых результаты ОРД используются, как правило, только в опосредованной форме. В этом случае результаты ОРД непосредственно могут быть использованы только для проверки законности производства ОРМ и для проверки достоверности доказательств, извлеченных из источников, на которые указывали результаты ОРД.

Первая группа процессуальных решений предлагаемой нами классификации включает в себя такие решения, которые характеризуются высокой степенью важности быстроты принятия процессуального решения и наличием возможности исправить допущенную ошибку со сравнительно небольшими потерями. При принятии таких решений результаты ОРД могут быть использованы в качестве самостоятельного фактического основания. К их числу предлагаем относить: 1) решение о возбуждении (отказе в возбуждении) уголовного дела; 2) решение о задержании подозреваемого; 3) решение о заключении подозреваемого под стражу

на срок до 10 суток, до момента его привлечения в качестве обвиняемого; 4) решения о производстве отдельных следственных действий, не требующих вынесения постановления, – осмотр (документов, предметов, жилища с согласия проживающих в нем лиц, если на то не требуется судебного решения, помещений, местности, трупов); 5) постановление о назначении судебной экспертизы и получении образцов для сравнительного исследования, постановление об освидетельствовании, постановление о проведении обыска либо выемки, в исключительных случаях, не терпящих отлагательства, постановление о производстве выемки заложенной или сданной на хранение в ломбард вещи, выемки предметов и документов, содержащих государственную тайну или информацию о вкладах, изъятие электронных носителей информации, постановление о производстве личного обыска (за исключением личного обыска задержанного подозреваемого), постановление о наложении ареста на корреспонденцию, ее осмотр и выемку в учреждениях связи, контроль и запись переговоров, постановление о получении информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами, допрос, предъявление для опознания; 6) постановление о возобновлении уголовного дела.

Вторая группа процессуальных решений, согласно предложенной нами классификации, также характеризуется высокой степенью важности быстроты принятия процессуального решения. Однако в отличие от решений, включенных в первую категорию, здесь более велика опасность ошибки, поскольку существенно ограничиваются важные права участника процесса, но такая опасность все же не достигает уровня, сравнимого с опасностью необоснованного признания лица виновным, либо есть возможность вынести «временное» решение, которое будет пересмотрено в короткий срок после его принятия. Данная категория процессуальных решений предполагает возможность использования результатов ОРД в качестве дополнительного источника информации, включаемого в объем фактического основания в совокупности с процессуальными доказательствами. К числу таких решений, по нашему мнению, относятся решения: 1) об избрании меры пресечения подозреваемому (обвиняемому) в виде заключения под стражу

до двух месяцев; 2) о продлении срока содержания под стражей; 3) о производстве следственных действий, производимых на основании судебного решения, за исключением их производства в случаях, не терпящих отлагательств.

Третья группа процессуальных решений включает в себя такие решения, которые связаны с окончательным разрешением вопроса о виновности (поскольку здесь максимально велика опасность ошибки) либо связаны с подготовкой и обоснованием этого решения. Такие решения могут быть приняты только при наличии достаточных доказательств. Результаты ОРД при принятии таких решений могут использоваться только в опосредованной форме. К таким решениям могут быть отнесены постановление о привлечении лица в качестве обвиняемого, обвинительное заключение (акт, постановление), постановление о прекращении уголовного дела, уголовного преследования, приговор, решение апелляционной, кассационной, надзорной инстанции.

Следует отметить, что предлагаемая нами классификация процессуальных решений носит условный характер, поскольку правоприменитель не связан необходимостью при принятии каких-либо решений в каждом случае использовать результаты ОРД. Представляется, что необходимость использования результатов ОРД должна вытекать из различных условий и носить обоснованный характер их применения, дабы совокупность объема фактических данных не оказалась усеченной и не повлекла нарушения предъявляемых к ним требований законности, обоснованности и мотивированности. К таким условиям прежде всего следует относить сформулированные в норме закона основания принимаемых решений, их уровень обоснованности, который должен быть достигнут на момент принятия конкретного решения; обстоятельства, подлежащие установлению по уголовному делу принимаемым решением; условия, сопутствовавшие принятию решения (например, неотложный характер); сущность (содержание) результатов ОРД, положенных в основу процессуального решения, способных в обязательном порядке обосновать вывод о необходимости его принятия.

В то же время, несмотря на условный характер предложенной нами классификации процессуальных решений, представляется, что в теоретическом

отношении она позволяет расширить научное представление о роли, значении и формах использования результатов ОРД в принятии процессуальных решений, а в практическом отношении обеспечивает логику их правоприменения.

Выводы:

1. Полномочия следователя в российском уголовном процессе с учетом особенностей его исторического генезиса следует определять как «судебно-следственные», а в качестве основной функции следователя необходимо рассматривать не обвинение, а предварительное расследование. Только признание за следователем такого положения и наделение его реальной процессуальной независимостью могут детерминировать существование у него возможностей до судебного разбирательства собирать (формировать) «готовые» доказательства и самостоятельно принимать окончательное решение по делу (в форме его прекращения).

2. Следственная и оперативно-розыскная деятельность различаются:

1. **По цели деятельности.** Цель деятельности следователя – всесторонне, полно и объективно исследовать обстоятельства дела с тем, чтобы в зависимости от результатов либо сформулировать обвинение и передать дело в суд, либо прекратить уголовное дело/уголовное преследование. Целью же ОРД является раскрытие, пресечение, предупреждение преступлений.

2. **По характеру требований к субъектам.** Для выполнения функции расследования следователь должен быть максимально независим и беспристрастен. Напротив, в силу самого характера ОРД – это деятельность активная, заинтересованная, наступательная. Лица, которые ее осуществляют не могут сохранять беспристрастность. Им не должна быть присуща независимость, напротив, их деятельность должна быть помещена под жесткий как ведомственный, так и независимый контроль.

3. **По характеру процедуры.** Именно судебное разбирательство, непосредственное исследование судом доказательств в условиях гласной, состязательной процедуры, способно дать максимальные гарантии установления

истины по делу. Поэтому деятельность следователя должна быть по возможности максимально приближена к судебной. В то же время это пожелание невозможно реализовать полностью в силу того, что на следователя одновременно возлагается и обвинительная функция, он должен действовать в целях раскрытия преступления, установления лиц, виновных в его совершении. Поэтому для уголовно-процессуальной формы досудебного производства характерно сочетание тайны предварительного следствия с открытостью, наличие у участников возможностей знакомиться с некоторыми материалами дела (существенно затрагивающими их права и законные интересы), пользоваться квалифицированной юридической помощью, обжаловать действия и решения следователя и т.д. Уголовно-процессуальная форма досудебного производства призвана дать достаточные гарантии достоверности собираемых следователем доказательств, а также гарантии защиты прав участников уголовного процесса. Процедура осуществления оперативно-розыскной деятельности в силу ее цели и задач с необходимостью должна иметь преимущественно тайный, закрытый, конфиденциальный характер. Результаты ОРД могут не содержать ссылок на первоначальный источник информации в силу его конфиденциального характера. Тайность, необходимость быстроты осуществления ОРД сильно ограничивают возможности защиты прав его участников. В итоге проверить достоверность результатов ОРД и отсутствие нарушений прав граждан при их получении, исходя из самих результатов ОРД, будет невозможно.

3. Существенные отличия между уголовно-процессуальной и оперативно-розыскной деятельностью, положение в процессе и функция следователя как беспристрастного исследователя делают недопустимым расширение перечня следственных действий, содержащегося в УПК РФ, за счет введения в УПК «негласных (тайных) следственных действий», а также исключают возможность предоставления следователю полномочий самостоятельно осуществлять негласные (тайные) следственные или оперативно-розыскные действия.

4. Несмотря на то что в ходе осуществления ОРД извлекается (получается) информация, которая может быть признана соответствующей критерию

относимости, с учетом существенных различий между оперативно-розыскной деятельностью и процессуальной деятельностью следователя результаты ОРД не могут приравниваться к доказательствам и как таковые, «в готовой форме» непосредственно использоваться для установления обстоятельств, перечисленных в ст. 73 УПК РФ, в особенности для решения вопроса о виновности.

5. Под результатами оперативно-розыскной деятельности следует понимать источники, содержащие сведения о признаках подготавливаемого, совершаемого или совершенного преступления, лицах, подготавливающих, совершающих или совершивших преступление, в том числе скрывшихся от органов дознания, следствия или суда, а также о лицах, которым могут быть известны какие-либо обстоятельства, имеющие значение для расследования, полученные в соответствии с федеральным законом об оперативно-розыскной деятельности.

6. Представленные следователю, дознавателю, суду результаты ОРД «в готовом виде», без производства следственных действий могут быть проверены лишь в части:

а) проверки законности их получения, с точки зрения соответствия их положениям ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности». При этом такая проверка будет достаточно фрагментарной, а потому не может считаться окончательной;

б) проверки соблюдения порядка их рассекречивания и передачи дознавателю, органу дознания, следователю, прокурору или в суд.

Другие способы и возможности проверки представленных результатов ОРД в «готовом виде» у следователя, органа дознания, суда отсутствуют.

7. Для того чтобы использовать информацию, являющуюся содержанием результатов ОРД, в доказывании для решения вопроса о виновности лица в инкриминируемом ему деянии необходимо установить первоисточник этой информации и извлечь ее из этого источника уже с соблюдением требований уголовно-процессуальной формы. Только такой способ позволяет полноценно проверить и оценить достоверность информации, содержащейся в результатах ОРД.

На этой основе предложено различать два способа использования результатов ОРД при принятии процессуальных решений:

а) в непосредственной форме. При этом результаты ОРД используются в том виде, в каком они были представлены после их проверки с точки зрения законности их получения и с точки зрения соблюдения условий и порядка их представления. В этой форме результаты ОРД не могут использоваться для разрешения вопроса о виновности лица в совершении инкриминируемого ему деяния;

б) в опосредованной форме, после трансформации результатов ОРД в доказательства. Такая трансформация должна представлять собой формирование доказательств, производимое на основе сведений о первоначальных источниках информации, извлеченных из результатов ОРД, то есть включать самостоятельное извлечение следователем, дознавателем или судом информации из тех источников, на которые указывают переданные результаты ОРД, ее закрепление и фиксацию (допрос свидетелей, истребование предметов и документов, осмотр и приобщение к делу вещественных доказательств, назначение экспертизы и т.д.).

Подмена опосредованной формы использования результатов ОРД непосредственным их использованием в тех случаях, когда решается вопрос о виновности, недопустима.

8. Система требований к допустимости результатов ОРД, подлежащих преобразованию в доказательства, должна включать:

а) установление первоисточника информации и извлечение информации из него;

б) наличие достаточной совокупности результатов ОРД (если на их основе может быть получена такая совокупность доказательств, которая даст возможность оценить достоверность результатов и соблюдение при проведении ОРМ прав участников);

в) возможность проверки «трансформированных» результатов ОРД в суде в условиях состязательности (с точки зрения их достоверности, соблюдения прав

участников в ходе ОРМ и с точки зрения признаков наличия/отсутствия провокации).

9. Предложена классификация процессуальных решений, в основу которой положены признаки: а) степени важности быстроты принятия процессуального решения; б) степени опасности ошибки при принятии процессуального решения; в) наличия возможности исправить эту ошибку с наименьшими потерями. На основе этих признаков все уголовно-процессуальные решения делятся на три группы:

1) решения, при принятии которых результаты ОРД могут использоваться непосредственно в качестве фактических оснований их принятия;

2) решения, при принятии которых результаты ОРД используются непосредственно, но только в качестве дополнительных данных о фактических основаниях, наряду с доказательствами;

3) решения, при принятии которых результаты ОРД используются, как правило, только в опосредованной форме. В этом случае результаты ОРД непосредственно могут быть использованы только для проверки законности производства ОРМ и для проверки достоверности доказательств, извлеченных из источников, на которые указывали результаты ОРД.

2 Механизм использования результатов оперативно-розыскной деятельности при принятии процессуальных решений

2.1 Непосредственное использование результатов оперативно-розыскной деятельности в качестве единственного источника информации при принятии процессуальных решений

Рассмотрим проблемы непосредственного использования результатов оперативно-розыскной деятельности в качестве единственного источника информации при принятии процессуальных решений на примере проблем принятия процессуального решения о возбуждении уголовного дела (отказе в возбуждении уголовного дела).

Как известно, процессуальное решение в форме постановления о возбуждении уголовного дела принимается в рамках стадии возбуждения уголовного дела. С момента вынесения этого решения компетентное должностное лицо обязано приступить к расследованию. Стадия возбуждения уголовного дела играет важную роль для уголовного процесса, представляя процессуальную гарантию от необоснованного привлечения к уголовной ответственности для одних участников уголовного судопроизводства и от необоснованного вовлечения в орбиту уголовного судопроизводства для других¹. В этой связи принятие процессуального решения в форме постановления о возбуждении (об отказе) уголовного дела либо передаче материалов проверки по подследственности представляет собой важную системную функцию указанной стадии².

В целях принятия законного и обоснованного процессуального решения, в частности, о возбуждении уголовного дела требуется установление круга обстоятельств, указывающих на наличие признаков преступления, познание

¹ Григорьев В. Н., Терехов А. Ю. Уголовное производство как средство защиты прав граждан: конституционные основы и правовой механизм реализации // Алтайский юридический вестник. 2016. № 3 (15). С. 118-124.

² См.: Смирнов А. В., Калиновский К. Б. Уголовный процесс: учебник для вузов. СПб.: Питер, 2004. С. 411; Lupinская П. А. Решения в уголовном судопроизводстве: теория, законодательство и практика. М., 2006. С. 25; Гончан Ю. А. Функции стадии возбуждения уголовного дела // Вестник Югорского государственного университета. 2007. Вып. 7. С. 33.

которых, очевидно, должно происходить посредством доказывания¹. В то же время в рамках рассматриваемой стадии сложившееся общее представление о процессе доказывания требует некоторой корректировки. В ходе данной стадии установление обстоятельств, требуемых для принятия решения о возбуждении уголовного дела, их проверка сопряжены с возможностью использования ограниченного количества процессуальных средств собирания доказательственной информации, которые перечислены в ч. 1 ст. 144 УПК РФ. Как отмечала П.А. Лупинская, такое положение дел связано с тем, что «в стадии возбуждения уголовного дела установлению подлежат лишь части обстоятельств, включенных в предмет доказывания»², а потому процессуальные средства собирания доказательственной информации в данном случае законом ограничены.

На фоне сказанного особый интерес представляют результаты ОРД, за счет использования которых на практике достаточно ощутимо расширяется объем данных, используемых для принятия решения о возбуждении уголовного дела. Особенно наглядно это прослеживается при установлении признаков преступлений, связанных с незаконным сбытом наркотических средств, где, согласно проведенному нами исследованию, результаты ОРД служат поводами к возбуждению уголовного дела (в 97,8% случаев) и одновременно практически в том же процентном соотношении образуют основание анализируемого процессуального решения³.

Стадия возбуждения уголовного дела традиционно делится на три этапа:

- 1) получение сообщения о преступлении;
- 2) проверка поступившей информации;
- 3) принятие решения по поступившему сообщению.

¹ Григорьев В. Н., Победкин А. В., Яшин В. Н., Аксенов В. В. Проверка сообщения о преступлении как форма уголовно-процессуального доказывания: монография. М.: Московский университет МВД России, 2004. С. 32.

² Лупинская П. А. Решения в уголовном судопроизводстве: теория, законодательство и практика. М., 2006. С. 90-91.

³ Результаты изучения 210 уголовных дел о незаконном сбыте наркотиков, полученные автором в период 2010-2016 гг., находившихся в архивах федеральных районных судов г. Барнаула, Горно-Алтайска, Красноярска, Новосибирска, Алтайского краевого суда, Верховного Суда Республики Алтай.

На каждом из перечисленных этапов происходит использование результатов ОРД.

Получение сообщения о преступлении.

Сообщение о преступлении может быть оформлено одним из следующих поводов для возбуждения уголовного дела: 1) заявлением о преступлении; 2) явкой с повинной; 3) сообщением о совершенном или готовящемся преступлении, полученным из иных источников; 4) постановлением прокурора о направлении соответствующих материалов в орган предварительного расследования для решения вопроса об уголовном преследовании. Кроме перечисленных поводов, в ч. 1¹ ст. 140 УПК РФ также упомянут и специальный повод, который предназначен исключительно для возбуждения уголовных дел о преступлениях, предусмотренных статьей 172¹ УК РФ.

В теории уголовно-процессуального права существует точка зрения о бессистемном характере нынешнего перечня поводов, закрепленного в УПК РФ¹. В частности, Б.Т. Безлепкин отмечает, что содержащийся в ст. 140 УПК РФ перечень поводов страдает существенными недостатками, к числу которых он относит отсутствие в нем других многочисленных официально-документальных источников информации о совершенных или готовящихся преступлениях, поступающих в правоохранительные органы из различных инстанций². Разделяя позицию Б.Т. Безлепкина, хотелось бы обратить внимание на положение п. 3 ч. 1 ст. 140 УПК РФ, которым предусмотрен такой вид повода, как сообщение о совершенном или готовящемся преступлении, полученное из иных источников. На наш взгляд, законодательная формулировка этого повода не отвечает конституционным критериям ясности и недвусмысленности правовых норм, поскольку допускает двоякое толкование. С одной стороны, по своему смысловому значению и во взаимосвязи со ст. 143 УПК РФ данная норма не исключает отнесение к иным источникам результатов ОРД. С другой же стороны,

¹ См., напр.: Уголовный процесс. Проблемные лекции / под ред. В. Т. Томина, И. А. Зиначенко. М.: Изд-во «Юрайт», 2015. С. 455; Кожкарь В. В. Теоретико-правовые формирования поводов и основания для возбуждения уголовного дела // Российский следователь. 2015. № 15. С. 30.

² Безлепкин Б. Т. Указ. соч. С. 200.

помимо результатов ОРД к иным источникам могут быть причислены информационные сигналы, поступающие, например, из средств массовой информации, размещенные в печати (статьи, заметки, письма о готовящемся или совершенном преступлении); сигналы от персонала лечебных учреждений, любых предприятий; информация, переданная по телефону, телеграфу и иным средствам связи и т.п., адресованная органам, правомочным возбуждать уголовные дела¹.

Принимая во внимание, что п. 3 ч. 1 ст. 140 УПК РФ допускает его расширительное толкование путем смешения результатов ОРД с информацией, поступающей из иных не установленных законом источников, анализируемое нормативное положение представляется несовершенным с точки зрения конкретности и ясности правовой нормы по следующим объективным причинам:

– во-первых, оперативная информация о готовящемся или совершенном преступлении является специальной, предусмотренной Федеральным законом «Об оперативно-розыскной деятельности» познавательной деятельностью органов дознания, в то время как познавательная деятельность иных источников, из которых поступает информация о преступлении, не связана с выявлением и пресечением преступлений;

– во-вторых, коль скоро получение оперативно-розыскной информации происходит посредством специально предусмотренной на то Федеральным законом «Об оперативно-розыскной деятельности» процедуры, то это обстоятельство определяет в том числе иные, в отличие от других (иных) источников информации, способы ее проверки при поступлении на рассмотрение в органы предварительного расследования².

Нельзя не отметить, что порядок использования результатов ОРД в качестве самостоятельного повода для возбуждения уголовного дела предусматривает

¹ См., напр.: Вандышев В. В. Уголовный процесс общая и особенная части: учебник / под общ. ред. В. В. Вандышева. М.: Волтерс Клувер, 2010; Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации по состоянию на 1 января 2012 г. / под общ. ред. проф. А. В. Смирнова [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

² К примеру, в науке выражено мнение о том, что информация о преступлении, полученная в результате оперативно-розыскной деятельности правоохранительных органов в процессуальной проверке не нуждается См.: Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации по состоянию на 10 июня 2008 г. / под общ. ред. к.ю.н. А. Т. Гаврилова. С. 197.

ранее упомянутая нами Инструкция¹. В ней прямо закреплено, что результаты ОРД, представляемые в форме рапорта, подготовленного в порядке ст. 143 УПК РФ, или сообщения о результатах оперативно-розыскной деятельности, могут служить поводом для возбуждения уголовного дела.

Таким образом, следуя перечисленным доводам, полагаем, целесообразно согласиться с мнением ряда ученых, высказавших идею о необходимости включить в законодательный перечень поводов для возбуждения уголовного дела еще один самостоятельный повод – результаты оперативно-розыскной деятельности². Закрепление такого повода в законодательную систему остальных поводов технически представляется возможным путем внесения в пункт 3 части 1 статьи 140 УПК РФ подп. 3.1, в котором следует изложить – *результаты оперативно-розыскной деятельности, представленные по инициативе оперативно-розыскного органа*. Внесение указанного положения, на наш взгляд, будет служить оправданным средством, для того чтобы скорректировать представление правоприменителя о результатах ОРД как о самостоятельном поводе к возбуждению уголовного дела, согласовать нормы оперативно-розыскного и уголовно-процессуального законодательства, направленные на регулирование правовых отношений, связанных с использованием результатов ОРД при принятии решения о возбуждении уголовного дела.

Кроме того, в Инструкции о порядке предоставления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд содержатся общие требования к результатам ОРД, представляемым для решения вопроса о возбуждении уголовного дела. Однако, как показывает, проведенное нами изучение уголовных дел о незаконном сбыте наркотиков, данные требования зачастую не соблюдаются. В большинстве случаев сообщение о преступлении,

¹ Об утверждении Инструкции о порядке предоставления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд: приказ МВД России № 776, Минобороны России № 703, ФСБ России № 509, ФСО России № 507, ФТС России № 1820, СВР России № 42, ФСИН России № 535, ФСКН России № 398, СК России № 68 от 27.09.2013 // Российская газета. 2013. 13 дек. № 282.

² Томин В. Т. Острые углы уголовного судопроизводства. М.: Юридическая литература, 1991. С. 116; Поляков М. П., Рыжов Р. С. Использование результатов оперативно-розыскной деятельности в уголовном процессе как правовой институт. М., 2006. С. 105-106; Рылков Д. В. Повод для возбуждения уголовного дела как необходимое условие начала производства по делу // Российский следователь. 2009. № 17. С. 8.

полученное и оформленное органом дознания в виде рапорта, не имеет единообразия по своему содержанию.

Так, при изучении уголовных дел по анализируемой категории преступлений обнаружено, что в 65% случаев в поступившем из органа дознания рапорте об обнаружении признаков преступления содержится утверждение о том, что «имело место преступное деяние». В 20% случаев отраженная в рапорте информация касается лишь признаков того либо иного преступления, которые при этом не находят подтверждения конкретными доводами. К примеру, «сведения о преступлении были получены посредством проведения оперативно-розыскных мероприятий». И только в 15% случаев в рапорте содержатся конкретные факты, подтверждающие не только наличие признаков преступления, но и обстоятельства, при которых они были обнаружены¹.

Сложившийся подход к изложению в рапорте органами дознания, осуществляющими ОРД, неоднозначной, подчас фрагментарной информации о признаках обнаруженного преступления нам представляется неверным. Это связано с тем, что подготовленный по итогам проведения оперативно-розыскной деятельности рапорт заключает в себе двойственную природу. Согласно п. 3 ч. 1 ст. 140 УПК РФ и ст. 143 УПК РФ в их системной взаимосвязи рапорт органа дознания, в котором содержится сообщение о преступлении, следует рассматривать как способ оформления повода для возбуждения уголовного дела. Одновременно с этим рапорт служит документом, посредством которого происходит процедура передачи материалов, полученных в рамках оперативно-розыскной деятельности. Об этом свидетельствует положение, отраженное в п. 16 Инструкции, где закреплено, что если представление рапорта сопровождается приложением к нему материалов, документов либо иных объектов, полученных при проведении ОРМ (что практически всегда так и бывает), то информация об этом должна найти отражение и в самом содержании рапорта.

¹ Результаты изучения 210 уголовных дел о незаконном сбыте наркотиков, полученные автором в период 2010-2016 гг., находившихся в архивах федеральных районных судов г. Барнаула, Горно-Алтайска, Красноярска, Новосибирска, Алтайского краевого суда, Верховного Суда Республики Алтай.

В целях обеспечения полноты содержащейся в рапорте информации об обнаружении признаков преступления предлагаем внести в Инструкцию о порядке предоставления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд требования, которым должен отвечать рапорт, содержащий сообщение о преступлении. По нашему мнению, он должен включать: 1) дату и вид проведенного оперативно-розыскного мероприятия, по итогам которого были выявлены признаки совершенного преступления; 2) указание на то, когда и кем ОРМ санкционировалось; 3) информацию о признаках обнаруженного преступления, включая время, место и обстоятельства его обнаружения; 4) сведения о лице (лицах), совершившем преступное деяние, если оно (они) известно, по возможности сведения об очевидцах преступления; 5) сведения о местонахождении возможных следов преступления, документов, предметов, веществ с описанием их индивидуальных свойств и признаков (цвет, вид, форма, количество и пр.); 6) данные о должностном лице, составившем рапорт, его подпись.

Проверка поступившей информации.

Данный этап направлен на получение сведений о наличии или отсутствии необходимых оснований для возбуждения уголовного дела. Исходя из анализа ч. 2 ст. 140 УПК РФ, нетрудно заметить, что основания для возбуждения уголовного дела законодатель связывает с двумя категориями, а именно «достаточные данные» и «признаки преступления». При этом содержание категории «достаточные данные» в уголовно-процессуальном законодательстве осталось нераскрытым. П.А. Лупинской было отмечено, что вообще достаточность данных для принятия решения должна определяться, во-первых, тем, дают ли они в своей совокупности возможность установить фактические обстоятельства, которые необходимы для принятия конкретного процессуального решения, составляют ли его фактическое основание; во-вторых, позволяют ли они сделать вывод об этих фактических основаниях на том уровне знаний о них, который регламентирован законом. При этом для одних решений требуется подтверждение совокупностью доказательств утверждения о совершении лицом определенных действий и

обстоятельств, при которых эти действия совершены (к примеру, привлечение лица в качестве обвиняемого). Для других же решений, таких как возбуждение уголовного дела, достаточно, чтобы имеющиеся данные давали основание для предположения об определенных действиях (бездействии) лиц¹. Аналогичной позиции придерживается, по-видимому, и Президиум Верховного Суда Российской Федерации, указавший в своем постановлении о том, что круг и содержание достаточных данных должны свидетельствовать, что компетентный государственный орган (должностное лицо) располагает сведениями, позволяющими обосновать решение о возбуждении уголовного дела либо об отказе в таковом. Причем в каждом конкретном случае вопрос о достаточности данных, необходимых для принятия анализируемого решения, должен определяться должностным лицом по своему внутреннему убеждению с учетом всей совокупности собранных (представленных органом дознания) материалов². В своем постановлении Президиум Верховного Суда РФ также отметил, что достаточность фактических данных может одновременно рассматриваться как по их совокупности, так и по качеству **отдельных данных** (выделено нами), которые позволяют сделать обоснованное предположение (выдвижение версии) о совершении или подготовке к совершению деяния, указывающего на признаки того или иного состава преступления.

Очевидно, что к таковым отдельным данным можно причислять и результаты ОРД, поскольку они обладают достаточно высоким информационным потенциалом о признаках подготавливаемого, совершаемого или совершенного противоправного деяния. Особенно это прослеживается при возбуждении уголовных дел о незаконном сбыте наркотиков, в целях выявления и пресечения которых орган дознания проводит оперативно-розыскные мероприятия, результаты которых в дальнейшем используются в качестве основания для возбуждения уголовного дела. Полученные нами результаты эмпирического исследования наглядно демонстрируют, что наиболее часто в рассматриваемом

¹ См.: Лупинская П. А. Решения в уголовном судопроизводстве: теория, законодательство, практика. М., 2010. С. 149-150.

² Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 23 июля 2004 г. № 231с15 // БВС РФ. 2004. № 11.

отношении используются результаты следующих оперативно-розыскных мероприятий: 87,9% – проверочная закупка, 69,5% – оперативный эксперимент, 68,2% – прослушивание телефонных переговоров, 54,3% – оперативное внедрение, 30,6% – контролируемая поставка, 10% – иные ОРМ.

Полагаем, что представленные нами результаты анализа правоприменительной деятельности очевидно подтверждают, что, помимо предусмотренных уголовно-процессуальным законом средств установления достаточных данных, указывающих на признаки преступления, их формирование может происходить и иным образом, в частности путем проведения оперативно-розыскных мероприятий. Такая ситуация, как нами ранее упоминалось, может возникнуть в силу таких обстоятельств, когда одними лишь процессуальными средствами невозможно установить признаки тщательно скрываемых преступлений. В этой связи достаточно обоснованным представляется подход к формированию объема достаточных данных для принятия решения по вопросу о возбуждении уголовного дела, предполагающий двухуровневую систему: 1) в зависимости от того, какие фактические основания предусматривает закон и 2) какие фактические обстоятельства имеются в реальной жизненной ситуации¹.

Думается, что именно последний уровень как раз и предполагает те условия, при которых может возникнуть вопрос об использовании результатов ОРД. Допустимая возможность использования результатов ОРД при принятии процессуального решения о возбуждении уголовного дела признается отдельными учеными. К примеру, В.В. Кальницкий и Ю.А. Николаев утверждают, что «уголовно-процессуальный закон связывает принятие процессуального решения о возбуждении уголовного дела не с доказательствами, а с данными любого характера, в том числе и оперативно-розыскными»². В то же время использование результатов ОРД при принятии решения о возбуждении уголовного дела должно носить сбалансированный характер. Иными словами, как отмечает А.В. Смирнов,

¹ Доказывание и принятие решений в состязательном уголовном судопроизводстве: монография / отв. ред. Л.Н. Масленникова. М. Норма : ИНФРА – М., 2017. С. 86.

² См.: Кальницкий В. В., Николаев Ю. А. Возбуждение уголовного дела в системе уголовно-процессуальной и оперативно-розыскной деятельности // Вопросы применения Федерального законодательства «Об оперативно-розыскной деятельности». Омск, 1998. С. 32.

в каждом случае необходим избирательный подход, зависящий от особенности составов преступления¹.

В целях принятия законного и обоснованного решения о возбуждении уголовного дела необходимо, чтобы результаты всех действий в рамках рассматриваемой стадии отвечали требованиям достоверности и достаточности полученной информации². Между тем для органов предварительного расследования, составляет большую сложность оценить с точки зрения законности примененные органом дознания познавательные приемы, направленные на обнаружение признаков преступления, тем более если речь идет о таких ОРМ, которые проводятся в рамках ведомственного санкционирования и в условиях негласного характера.

Изученная нами практика возбуждения уголовных дел о незаконном сбыте наркотиков наглядно демонстрирует, что для обнаружения признаков данного состава преступления органы дознания чаще всего проводят такое негласное оперативно-розыскное мероприятие, как проверочная закупка наркотических средств (далее – ПЗН), предусмотренная п. 4 ч. 1 ст. 6 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности». А потому именно результаты этого ОРМ чаще всего и составляют ту совокупность данных, на основе которых принимается решение о возбуждении уголовного дела (преследования), а также используются в последующей стадии уголовного судопроизводства в качестве основных доказательств вины.

Между тем, поскольку анализируемое ОРМ проводится под контролем оперативных служб, во время которого происходит совершение преступления, то на первый план выдвигается проблема, связанная с возможностью проверки поступивших от органов дознания материалов на предмет правомерности всех проведенных ими действий, прежде всего в целях отграничения документирования фактически совершенного преступления от возможной

¹ См.: Смирнов А. В. Достаточные фактические основания уголовно-процессуальных решений (стадии возбуждения уголовного дела и предварительного расследования): автореф. дис... канд. юрид. наук. Л., 1984. С. 15.

² Лазарева В. А. Доказывание в уголовном процессе: учебно-практическое пособие. М.: Высшее образование, 2009. С. 181.

провокации преступления. Кроме того, предварительная проверка поступившей информации должна позволить обнаружить проблемы, связанные с наличием ошибок формального характера, допускаемых органами дознания при составлении оперативных документов в процессе и по итогам проведенных ОРМ. При этом несвоевременное обнаружение обозначенных недостатков в момент проверки и оценки поступивших от органа дознания результатов ОРД неизбежно может оказать пагубное влияние на законность принимаемого решения о возбуждении уголовного дела, а в случае его принятия повлечь за собой незаконное уголовное преследование лица, в отношении которого оно будет возбуждено.

Таким образом, исследуя данную проблему, следует принимать во внимание две исходные предпосылки:

1) ранее нами уже была установлена ограниченность возможности следователя по проверке «готовых» результатов ОРД, характерная для использования их при принятии решения в непосредственной форме¹;

2) место решения о возбуждении уголовного дела в предложенной нами классификации процессуальных решений. Оно определено прежде всего с учетом того, что данное решение по делам о преступлениях, связанных с незаконным оборотом наркотиков, с учетом их особенностей (как правило, проведена проверочная закупка наркотиков, сбытчик наркотиков задержан (фактически лишен свободы)) принимается в условиях неотложности, что препятствует проверке результатов ОРД путем их трансформации в доказательства). В то же время степень опасности допущения ошибки при решении вопроса о возбуждении уголовного дела, конечно, меньше, чем при принятии окончательного решения по делу, и такая ошибка в принципе легче поддается исправлению. Необходимо учитывать и то, что в связи с ограниченностью познавательных средств, которые возможно использовать на этапе решения вопроса о возбуждении уголовного дела, что должно восприниматься как допустимый некий процент неправильных

¹ См. об этом также: Григорьев В. Н., Новиков А. В., Прохорова Е. А., Слабкая Д. Н. Актуальные проблемы возбуждения уголовного дела: учебное пособие. М.: Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2016. С. 68.

решений. В то же время, неверное, решение о возбуждении уголовного дела может привести к существенным неблагоприятным последствиям для лица, в отношении которого оно возбуждается, так как этим актом он ставится в положение подозреваемого. Между тем в юридической литературе обоснованно отмечено, что правовой статус подозреваемого негативно проявляется в жизни лица как в силу негативного его восприятия обществом, так и в связи с тем, что с его приобретением связан ряд негативных последствий для реализации прав в выборе профессии и сферы занятий, в сфере государственной и правоохранительной службы, педагогической деятельности, государственных наград, места жительства и свободы передвижения и т.д. Причем многие такие ограничения действуют если не бессрочно, то по крайней мере значительное время после прекращения уголовного преследования¹. Кроме того, необходимо принимать во внимание и особенности ведомственных показателей отчетности, в силу которых необходимость прекращения уголовного дела по реабилитирующим основаниям (являющаяся необходимым способом исправления возможной ошибки, допущенной при возбуждении уголовного дела) воспринимается на практике крайне негативно.

С учетом этого мы видим своей целью предложить формы и способы для повышения эффективности проверки следователем на этом этапе представленных результатов ОРД.

Прежде всего здесь необходимо отметить, что проблема отграничения правомерной проверочной закупки наркотиков от провокации преступления является одной из наиболее острых в правоприменительной деятельности проблем при расследовании уголовных дел по анализируемой категории преступлений. Как отмечает А.Е. Чечетин, в этой связи «Европейский суд наиболее глубоко рассмотрел данные вопросы в своих решениях, в которых дал оценку конкретным действиям российских оперативно-розыскных служб с позиций международных стандартов обеспечения прав личности и указал на

¹ Григорьев В. Н. Альтернативный правовой механизм обеспечения прав подозреваемого // Вестник Томского государственного университета. Право. 2016. № 3 (21). С. 28-33.

системные проблемы российской уголовной юстиции в борьбе с незаконным оборотом наркотиков»¹.

Не исследуя здесь данную проблему подробно, необходимо отметить, что Европейский суд по правам человека (далее – ЕСПЧ) сформулировал и предложил критерии отграничения провокации от правомерного поведения. В их числе можно выделить:

– критерий объективного подозрения. Его суть заключается в возможности определения того, могло ли соответствующее преступление быть совершено без вмешательства властей. Иначе говоря, существовали ли объективные подозрения в том, что лицо задействовано в преступной деятельности или предрасположено к совершению преступления;

– критерий «этапа преступной деятельности», согласно которому необходимо определить, «присоединились» ли оперативные сотрудники к совершаемому преступлению в целях его документирования либо спровоцировали его;

– критерий добровольности, в рамках которого подлежит решению вопрос о том, вынуждалось ли лицо к совершению преступления;

– критерий осуществления надлежащего надзора за производством соответствующих оперативных мероприятий. Европейский суд подчеркивает необходимость наличия ясного и предсказуемого порядка получения разрешения на проведение оперативно-розыскных мероприятий, а также осуществления за ними надлежащего надзора со стороны суда или иного независимого органа².

Причем необходимо отдельно оговорить, что в Постановлении по делу «Веселов против РФ» ЕСПЧ пришел к выводу, что в России имеется системная проблема, заключающаяся в отсутствии ясной и предсказуемой процедуры получения санкции на проверочные закупки, а также в отсутствии независимого контроля (судебного или прокурорского) за обоснованностью и порядком

¹ Чечетин А. Е. Обеспечение прав личности при проведении проверочных закупок наркотиков // Вестник Сибирского юридического института ФСКН России. 2015. № 2 (19). С. 19.

² Подробнее о критериях разграничения провокации и правомерного оперативного мероприятия см.: Трубникова Т.В. Отграничение провокации от правомерного оперативно-розыскного мероприятия в практике ЕСПЧ и судов РФ // Уголовный процесс. 2012. № 12. С. 44-52.

проведения ОРМ. Сравнив нашу систему с практикой иных государств-участников, Европейский суд установил, что в 21 из 22 государств, практику которых он обобщил, проведение проверочной закупки и подобных негласных мероприятий находится под независимым контролем¹.

В науке уголовного процесса и в открытых научных изданиях по оперативно-розыскной деятельности² также высказана категоричная позиция о запрете возможного привлечения лица к уголовной ответственности за деяние, совершенное им в результате провокации преступления³. Б.В. Волженкин в своей работе четко сформулировал практически те же самые критерии отграничения провокации от правомерного оперативно-розыскного мероприятия⁴, которые позже предложил нам Европейский суд по правам человека, указав на необходимость их реализации правоприменителями.

Нельзя не отметить тот факт, что важным для нашей страны шагом, направленным на укрепление гарантий прав личности при проведении ПЗН, стало принятие Федерального закона от 24 июля 2007 г. № 211-ФЗ, дополнившего ч. 8 ст. 5 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности». Согласно данному нормативному предписанию, соответствующим органам (должностным лицам) при осуществлении оперативно-розыскных мероприятий запрещается подстрекать, склонять, побуждать граждан в прямой или косвенной форме к совершению противоправных действий. Иными словами, как указывал в своем решении Конституционный Суд РФ, совершать действия, провоцирующие граждан, в частности, на незаконный оборот наркотиков⁵.

¹ Постановление ЕСПЧ по делу «Веселов и другие против Российской Федерации» от 2 октября 2012 г. (жалобы № 23200/10, 24009/07 и 556/10). [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Дубоносов Е. С. Оперативно-розыскная деятельность: учебник и практикум для прикладного бакалавриата. 5-е изд., перераб. и доп. М. Юрайт, 2016; Маркушин А. Г. Оперативно-розыскная деятельность: учебник и практикум для академического бакалавриата. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2016. 301 с.; Радачинский С. Н. Провокация преступления как комплексный институт уголовного права: проблемы теории и практики: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Н. Новгород, 2011. 51 с. и др.

³ Трубникова Т. В. Запрет на использование данных, полученных в результате провокации преступления, как один из элементов права на судебную защиту, и гарантии его реализации в уголовном процессе РФ // Вестник Томского государственного университета. Право. 2015. № 2 (16). С. 109.

⁴ Волженкин Б. В. Допустима ли провокация как метод борьбы с коррупцией? // Российская юстиция. 2001. № 5. С. 43-45.

⁵ См.: Определения Конституционного Суда РФ от 19 февраля 2009 г. № 91-О-О и от 26 января 2010 г. № 81-О-О. [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

Пленумом Верховного Суда Российской Федерации в Постановлении № 14 от 15 июня 2006 г. «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» (далее – Постановление № 14) среди иных вопросов были даны разъяснения, касающиеся условий законности проведения проверочной закупки наркотиков. Кроме того, отмечено, что «...результаты ОРД должны быть получены в соответствии с требованиями закона и свидетельствовать о наличии у виновного умысла на совершение преступления, сформировавшегося независимо от деятельности сотрудников оперативных подразделений, а также о проведении лицом всех подготовительных действий, необходимых для совершения противоправного деяния».

Кроме того, Верховный Суд РФ в своем «Обзоре практики по уголовным делам о преступлениях, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных, сильнодействующих и ядовитых веществ» (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 27 июня 2012 г.)¹ практически воспроизвел критерии отграничения провокации преступления от правомерной проверочной закупки наркотиков и указал на то, что судам в их практике следует учитывать решения Европейского суда по правам человека, в которых рассматривался вопрос о нарушении пункта 1 статьи 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее – Конвенция). В частности, Верховный Суд РФ при этом сослался на Постановления ЕСПЧ по делам: «Худобин против Российской Федерации» от 26.10.2006, «Ваньян против Российской Федерации» от 15.12.2005, «Банникова против Российской Федерации» от 04.11.2010.

В то же время введенные законодателем запреты на провокацию преступлений, а также существующие по этому вопросу разъяснения Пленума и Президиума Верховного Суда РФ, позиции, выраженные Конституционным Судом РФ, Европейским судом по правам человека, к сожалению, не искоренили существующие проблемы. ЕСПЧ по-прежнему делает выводы о нарушении прав

¹ Обзор судебной практики Верховного Суда РФ по уголовным делам о преступлениях, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных, сильнодействующих и ядовитых веществ: утв. Президиумом Верховного Суда РФ 27 июня 2012 г. [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

личности при проведении в РФ проверочных закупок наркотиков, указывая на системные проблемы российской уголовной юстиции в борьбе с незаконным оборотом наркотиков.

По этой причине, прежде чем приступить к использованию результатов ОРД в качестве основания принимаемого решения о возбуждении уголовного дела, в целях обеспечения его законности и обоснованности следователю (дознавателю) необходимо проверить и оценить эти результаты на предмет допустимой возможности применения в таковом качестве. Для этого следует удостовериться в том, что порядок назначения и проведения проверочных закупок исключал возможность подстрекательства. В то же время мы уже отметили, что на этапе проверки сообщения о преступлении отсутствуют реальные возможности установить в полном объеме все нарушения, допущенные органами дознания в ходе ОРМ, предшествовавших возбуждению конкретного уголовного дела.

Максимальная возможность установления достаточных оснований проведения ПЗН, его процедуры и характера его воздействия на лицо, в отношении которого это мероприятие проводилось, складывается в стадии предварительного расследования (при трансформации результатов ОРД в доказательства), а в еще большей степени в состязательной процедуре при рассмотрении дела в суде. Причем в ряде случаев объективно проверить результаты ОРД с точки зрения соответствия их правовым позициям ЕСПЧ не представляется возможным и в суде в случае, если органы, осуществлявшие ОРД, не представили следователю и в суд достаточную совокупность материалов (например, отсутствуют аудиозаписи предшествующих телефонных переговоров закупащика со сбытчиком, отсутствует аудио- и видеозапись самой проверочной закупки, не раскрыта личность осведомителя, что исключает его допрос в суде (в том числе в условиях, обеспечивающих его конфиденциальность)). Это в значительной степени связано, еще раз подчеркнем, с отсутствием независимого контроля за проведением ОРМ «проверочная закупка», а также с отсутствием у оперативных работников достаточного понимания тех критериев, с применением которых в дальнейшем должна оцениваться их деятельность.

С учетом анализа изученной судебной-следственной практики нами выделены те явные нарушения в действиях оперативных сотрудников при проведении, документировании и представлении результатов ПЗН, которые следователи должны были и могли выявить еще на этапе проверки сообщения о преступлении с учетом имеющихся у них способов проверки результатов ОРД, используемых в непосредственной форме, не допуская вынесения незаконного решения о возбуждении уголовного дела.

1. Согласно правилу, закрепленному в ч. 7 ст. 8 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», проверочная закупка проводится на основании постановления, утвержденного руководителем органа, осуществляющего ОРД. Результаты нашего исследования показали, что на практике нередко имеют место случаи, когда постановление о проведении проверочной закупки наркотиков утверждалось должностным лицом, не наделенным соответствующими полномочиями. По нашему мнению, обнаружение такого недостатка при оформлении документа, которым санкционируется ПЗН, должно служить своеобразным «тревожным звонком» для следователей в момент проверки поступивших от органа дознания результатов ОРМ. Как указывает А.Е. Чечетин, «произвольное понижение ранга должностного лица, санкционирующего ПЗН, приводит к снижению ответственности исполнителей и создает условия для злоупотреблений»¹. При этом, анализируя жалобы, поступающие на рассмотрение Конституционного Суда РФ, А.Е. Чечетин также приводит достаточно иллюстративные примеры подобных злоупотреблений. В числе таковых им отмечены факты вынесения постановления о проверочной закупке наркотических средств уже после ее фактического проведения, отсутствие в постановлениях сведений об объектах проводимых мероприятий, их месте и времени, а также наличие случаев фальсификации при проведении ПЗН².

¹ Чечетин А.Е. Обеспечение прав личности при проведении проверочных закупок наркотиков // Вестник Сибирского юридического института ФСКН России. 2015. № 2 (19). С. 19.

² Кассационное определение Верховного Суда РФ от 15 марта 2006 г. № 56-005-1 Юсп.

В этой связи в целях своевременного предотвращения принятия незаконного решения о возбуждении уголовного дела, основанного на результатах проверочной закупки, полученных с нарушением Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», следователям при поступлении оперативных материалов, отражающих результаты проверочной закупки, надлежит убедиться в том, что постановление о проведении этого ОРМ было вынесено должностным лицом, уполномоченным на то законом. По смыслу разъяснений Конституционного Суда РФ к руководителям, обладающим правом утверждения постановлений о проведении оперативно-розыскного мероприятия ведомственного санкционирования, относятся начальники, их заместители по соответствующему направлению деятельности¹. В том случае, если будет обнаружено, что постановление о проведении ПЗН подписано иным должностным лицом помимо перечисленных выше, то действия сотрудников, проводивших ОРМ, и полученные результаты должны быть расценены как незаконные². Логика таких действий соответствует позиции Конституционного Суда РФ, согласно которой утверждение постановления соответствующим руководителем выступает условием обеспечения законности и обоснованности проведения этого ОРМ, результаты которого могут содержать объективные (формальные) признаки преступления³.

2. При изучении постановления, которым санкционируется проведение проверочной закупки наркотических средств, следователям следует обращать пристальное внимание на содержание его описательно-мотивировочной части, где изложены основания проведения данного оперативно-розыскного мероприятия. Этот момент весьма важен, поскольку исходит из вышеупомянутого критерия обоснованного подозрения, суть которого заключается в том, что решение о

¹ Определение Конституционного Суда РФ от 21.06.2011 № 803-О-О [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс»; Определение Конституционного Суда РФ от 29.05.2014 № 1199-О [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

² Гармаев Ю. П., Шашин Д. Г. Особенности криминалистической методики расследования и поддержания государственного обвинения по уголовным делам о незаконном сбыте наркотиков: монография. М., 2009. С. 67; Четин А. Е. Обеспечение прав личности при проведении проверочных закупок наркотиков // Вестник Сибирского юридического института ФСКН России. 2015. № 2 (19). С. 24.

³ Определение Конституционного Суда РФ от 23.12.2014 № 2980-О [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

проведении ПЗН должно сопровождаться наличием достаточных данных, свидетельствующих о том, что конкретное лицо, в отношении которого планируется проведение ОРМ, причастно к распространению наркотиков. Наше исследование показало, что зачастую в описательной части таких постановлений приводится лишь имя или кличка объекта планируемого мероприятия, а сведения о предполагаемой причастности его к преступной деятельности вообще могут отсутствовать. Такие упущения следует признавать недопустимыми, так как проверочная закупка наркотиков является планируемым ОРМ, а потому, прежде чем принять решение о ее проведении, органу дознания надлежит осуществить тщательную к ней подготовку. Подготовка должна включать в себя установление информации о возможной причастности лица к незаконному обороту наркотиков, свидетельствуя, что лицо занимается их регулярным сбытом, а не является рядовым потребителем, способным оказать лишь посредничество в приобретении наркотиков. Выяснению подлежат также данные о личности разрабатываемого лица, что представляется возможным путем проведения комплекса таких ОРМ, как наведение справок, наблюдение, отождествление личности либо получение информации от осведомителей. В случае отсутствия информации о лице, в отношении которого проводилась проверочная закупка наркотиков, очевидно, что на последующих стадиях уголовного судопроизводства могут возникать сложности, связанные с дальнейшей возможностью его идентификации, если такая информация, положим, была представлена не в полном объеме либо вообще отсутствует. Более того, в соответствии с правовыми позициями ЕСПЧ, разъяснениями Верховного Суда РФ, изложенными в п. 7.2 «Обзора судебной практики по уголовным делам о преступлениях, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных, сильнодействующих и ядовитых веществ», отсутствие у органов дознания к моменту проведения ПЗН достаточных оснований подозревать лицо в распространении наркотических средств должно расцениваться как результат вмешательства с их стороны, повлекший за собой провокацию преступления¹.

¹ Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации «Обзор судебной практики по

На основании изложенного представляется, что постановление о проведении проверочной закупки должно содержать максимально подробную информацию о лице (лицах), в отношении которого (которых) она проводится (проводилась), и информацию о предполагаемой его (их) причастности к распространению наркотиков. Это позволит не только обеспечить обоснованность причин и целей анализируемого ОРМ, но и определит возможность дальнейшего использования его результатов в качестве достаточных оснований, необходимых для принятия решения о возбуждении уголовного дела. Разумеется, нами не исключены ситуации, когда установление полного объема личных данных в отношении заподозренного лица (круга лиц) получить по объективным причинам затруднительно либо вообще не представляется возможным. Однако тогда в постановлении должны быть указаны хоть какие-то признаки лица (лиц), в отношении которого проводится (проводилась) ПЗН (возраст, место проживания, имя, номер телефона и т.п.). Таким образом, в случаях поступления в органы расследования материалов проверочной закупки наркотиков для последующего принятия на их основе решения о возбуждении уголовного дела следователю в момент их проверки и оценки надлежит уделить пристальное внимание наличию достаточности содержащихся в результатах ОРД сведений, обосновывающих необходимость ПЗН в отношении конкретного лица (круга лиц).

3. Особое внимание обращает на себя проблема, связанная с повторной проверочной закупкой, ее обоснованностью и законностью проведения и использования результатов этого ОРМ в уголовном процессе, в частности, при решении вопроса о возбуждении уголовного дела. По меткому замечанию С.В. Шошина, «в оперативно-розыскной деятельности надлежит четко проводить границу между выявлением эпизода противоправной деятельности и фактическим соспособствованием его появлению, его провокацией»¹.

уголовным делам о преступлениях, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных, сильнодействующих и ядовитых веществ» (утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 27 июня 2012 г.) [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

¹ Шошин С. В. Некоторые проблемы констатации провокации при доказывании в современном российском уголовном процессе // Уголовная юстиция. 2016. Томск. № 1(7). С. 102.

Между тем, не вдаваясь здесь в более подробный анализ обозначенной проблематики¹, отметим, что при обнаружении среди представленных результатов ОРД материалов, свидетельствующих о проведении органами дознания неоднократных проверочных закупок, следователям необходимо иметь в виду, что их проверка и оценка должны основываться как минимум на проверке наличия постановлений по каждому задокументированному факту сбыта. Причем такие постановления в каждом случае должны быть обоснованы и мотивированы новыми основаниями и целями, а также должны быть утверждены руководителем органа, осуществляющего ОРД. К числу новых целей для проведения повторного ОРМ, по мнению Верховного Суда РФ², могут относиться пресечение и раскрытие организованной преступной деятельности, установление всех ее соучастников, выяснение преступных связей наркосбытчиков, установление каналов поступления наркотиков. Кроме того, это могут быть случаи, когда в результате первоначального ОРМ не были достигнуты поставленные цели (например, сбытчик не явился на изначально запланированную с ним встречу ввиду того, что догадался о сущности данной инициативы).

4. Одной из распространенных ошибок органов, осуществляющих ОРД, является неправильное наименование вида оперативно-розыскного мероприятия, которым документируется сбыт наркотиков. К примеру, достаточно часто в практической деятельности встречаются документы, именующие произведенное ОРМ как «контрольная закупка», «закупка наркотиков под контролем» либо «проверочная покупка», что, на наш взгляд, является недопустимым. При таких обстоятельствах следователям надлежит иметь в виду, что в соответствии с п. 4 ч. 1 ст. 6 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» предусмотрен именно такой вид ОРМ, как «проверочная закупка». При обнаружении анализируемой ошибки, руководствуясь указанным нормативным

¹ Более подробно проблема, связанная с проведением повторных проверочных закупок, будет рассмотрена в параграфе 3 второй главы диссертационного исследования.

² Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации «Обзор судебной практики по уголовным делам о преступлениях, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных, сильнодействующих и ядовитых веществ» (утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 27 июня 2012 г.) [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

положением, следователи, прежде чем принять решение о возбуждении уголовного дела, вправе потребовать от органа дознания ее устранения либо отказать в возбуждении уголовного дела, если устранение такой ошибки невозможно (неверное наименование допущено в постановлении о проведении проверочной закупки).

5. При поступлении в органы предварительного расследования результатов проверочной закупки наркотиков важно обращать внимание на наличие в постановлении о проведении этого мероприятия даты его вынесения и срока, на период которого оно действует. По результатам изученных уголовных дел было выявлено, что на практике встречаются случаи, когда постановление выносилось после фактического проведения ОРМ (6%). Причем данный факт нередко можно обнаружить при ознакомлении с актом проверочной закупки, дата составления которого может быть значительно более ранней, чем дата постановления о проведении ПЗН. В таких ситуациях особую значимость приобретает правовая позиция Конституционного Суда РФ, согласно которой вынесение и утверждение постановления о проведении проверочной закупки наркотических средств должно быть, исходя из особенностей ее проведения, предварительным и заблаговременным, поскольку ее проведение невозможно до вынесения уполномоченным лицом соответствующего постановления, утвержденного в установленном порядке¹.

6. Как показало наше исследование, достаточно часто в деятельности органов дознания встречаются ошибки, связанные с процедурой представления результатов ОРД органам предварительного расследования. К числу таких ошибок следует относить отсутствие в представляемых результатах ОРД постановления, предусмотренного ч. 4 ст. 11 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» либо неправильное его оформление. Так, нередко в его наименовании допускаются неточности, к примеру: «постановление о

¹ Определение Конституционного Суда РФ от 22.11.2012 № 2062-О [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «Консультант Плюс».

направлении результатов ОРД по подследственности...», «постановление о передаче...» и т.п.¹

В случаях обнаружения перечисленных недостатков следователям надлежит руководствоваться п. 9 Инструкции, согласно которому представление результатов ОРД уполномоченным должностным лицам (органам) для осуществления проверки и принятия процессуального решения в порядке статей 144 и 145 УПК РФ, а также для приобщения к уголовному делу осуществляется именно на основании постановления о предоставлении результатов ОРД органу дознания, следователю или в суд.

7. В момент ознакомления следователя с результатами материалов проверочной закупки пристальное внимание ему необходимо уделить содержанию резолютивной части постановления о представлении результатов ОРД, обратив внимание, в частности, на наличие в нем перечня документов (предметов), которые непосредственно подлежат фактической передаче. Данный перечень должен отражать полную информацию о предоставляемых документах (предметах). Наличие такого перечня в постановлении о представлении результатов ОРД обязательно, поскольку, во-первых, это предусмотрено Инструкцией, а во-вторых, позволяет минимизировать риск утраты результатов ОРД в момент их фактической передачи.

Изучение уголовных дел о незаконном сбыте наркотиков позволяет выделить ошибки, которые выражаются в ненадлежащем закреплении и оформлении материальных объектов, полученных в рамках ОРМ. Например, не фиксируются упаковка наркотиков, их цвет, форма, не указываются номера денежных купюр, отсутствуют реквизиты печатей на упаковке и подписи участвующих лиц, при предоставлении фонограммы, изготовленной по результатам проверочной закупки, не прилагается бумажный носитель записи переговоров и т.п. Представляется, что при проверке результатов ОРД следователю необходимо обращать внимание на перечисленные недостатки. Такая

¹ Результаты изучения уголовных дел о незаконном сбыте наркотиков, полученные автором за период 2010-2016 гг., находящиеся в архивах федеральных районных судов г. Барнаула, Горно-Алтайска, Красноярска, Новосибирска, Алтайского краевого суда, Верховного Суда Республики Алтай.

необходимость связана с предполагаемой возможностью использования результатов ОРД в качестве доказательств в следующей за возбуждением уголовного дела стадии, о чем указано в ч. 1² ст. 144 УПК РФ.

В тех случаях, если среди оперативных материалов будут обнаружены неустранимые ошибки, повлекшие нарушение норм УПК РФ, Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» и иных подзаконных нормативных актов, регламентирующих порядок вовлечения результатов ОРД в сферу уголовного процесса, следователь вправе отказать в их приобщении к материалам предварительной проверки, возвратив обратно в орган дознания. Схожей точки зрения придерживается В.Т. Томина, рекомендуя следователям составлять мотивированное постановление с изложением в нем причины отказа принятия результатов ОРД. Автор также указывает, что при необходимости компетентное должностное лицо вправе направить в орган, осуществляющий ОРД, поручение с указанием на недостатки, подлежащие устранению¹. Думается, что второй вариант исхода ситуации целесообразен в тех случаях, когда есть возможность законным способом устранить выявленные следствием ошибки.

Таким образом, в распоряжении следователя имеются определенные возможности по проверке законности результатов ОРД, содержащих в себе сведения о признаках преступления, хотя их не вполне достаточно, с учетом отсутствия независимого контроля за деятельностью органов, осуществляющих ОРД. Прежде чем высказать свое мнение относительно возможности устранения в РФ этой системной проблемы, рассмотрим еще один вопрос, требующий отдельного осмысления.

Это вопрос, связанный с использованием результатов ОРД в качестве основания для задержания лица по подозрению в совершении преступления. Как показало наше исследование, ученые и практики проявляют повышенный интерес к обозначенной проблематике главным образом по той причине, что положения УПК РФ, регламентирующие уголовно-процессуальное задержание, прямо не предусматривают возможности обосновывать его данными ОРД, а необходимость

¹ Уголовный процесс. Проблемные лекции / под ред. В. Т. Томина, И. А. Зинченко. М.: Изд-во «Юрайт», 2015.

использования информации, полученной оперативным путем, обусловлена потребностями органов для защиты публичных интересов в сфере борьбы с преступностью. Кроме того, положения УПК РФ не предусматривают возможности задержания лица до возбуждения уголовного дела, однако по делам о незаконном обороте наркотиков еще до возбуждения уголовного дела, сразу по окончании проверочной закупки нередко возникает настоятельная необходимость в лишении свободы сбытчика и проведении его личного обыска.

Рассматривая первую из двух обозначенных проблем, необходимо заметить, что единственной предпосылкой использования результатов ОРД в качестве основания для задержания подозреваемого принято считать ч. 2 ст. 91 УПК РФ. В ней законодатель указывает на возможность задержания при наличии иных данных, дающих основание подозревать лицо в совершении преступления. В то же время, как можно заметить, в тексте закона содержание правовой категории «иные данные» осталось не раскрыто, и это порождает наличие неоднозначной трактовки данного понятия в науке уголовного процесса и правоприменительной практике. Исходя из анализа изученных нами теоретических источников, можно выделить три различных подхода ученых к пониманию категории «иные данные» применительно к основаниям задержания. Согласно первому подходу, правовая категория «иные данные» искажает смысл оснований, позволяющих подозревать лицо в совершении преступления, по которому оно может быть задержано, а потому ей не место в УПК РФ¹. Второй подход основан на том, что содержащееся в ч. 2 ст. 91 УПК РФ указание на категорию «иные данные» подразумевает, что основанием для задержания могут стать исключительно доказательства процессуальной природы, подтверждающие причастность подозреваемого к совершению преступления². Наконец, третий подход основан на расширительном толковании понятия «иные данные» как законодательного дозволения,

¹ Жажицкий В. Оперативно-розыскная деятельность и уголовное судопроизводство // Российская юстиция. 2001. № 3. С. 46; Ковтун Н. Н. Задержание подозреваемого: новые грани старых проблем // Российская юстиция. 2002. № 10. С. 46.; Мельников В. Ю. Использование результатов оперативно-розыскной деятельности как основания для задержания заподозренного лица // Российский следователь. 2005. № 11. С. 6-10.

² Кальницкий В. В. Следственные действия: учебное пособие. Омск, 2003. 72 с.; Смирнов А. В., Калиновский К. Б. Уголовный процесс: учебник / под общ. ред. проф. А. В. Смирнова. 4-е изд., перераб. и доп. М.: КНОРУС, 2008. С. 239.

нацеливающего должностных лиц в правоприменительной деятельности использовать в качестве фактологической основы задержания не только сведения процессуального характера, но и сведения, полученные оперативным путем, содержащиеся в источниках, допускающих их проверку в соответствии с УПК РФ¹.

Мы согласны с мнением, допускающим использование результатов ОРД при принятии решения о задержании. Такой подход привлекателен тем, что в ч. 2 ст. 91 УПК РФ законодатель не конкретизирует источник «иных данных». Поэтому, думается, такими источниками вполне могут быть и результаты ОРД, тем более по делам о незаконном сбыте наркотиков, именно они чаще всего содержат в себе сведения, дающие основание подозревать лицо в совершении преступления.

На неопределенность понимания понятия «иные данные» указывают и результаты проведенного нами анкетирования. Так, по итогам анкетирования следователей 47,6% респондентов к «иным данным» причисляют результаты ОРД, в том числе и сведения, которые, к примеру, могли быть получены путем производства ревизий либо инвентаризаций, из средств массовой информации, из показаний лиц, не являющихся очевидцами и т.д. В то же время 20,1% следователей считают, что результаты ОРД не могут образовывать основание решения о задержании².

Диаметрально иную позицию в рассматриваемом вопросе занимают адвокаты. Их анкетирование показало, что они вообще не усматривают правовой основы для применения оперативно-розыскной информации в целях задержания подозреваемого, а потому почти в 54,3% случаев ими обжалуется законность принятого решения о применении рассматриваемой меры принуждения, если его фактическим основанием явились результаты ОРД³.

Условно на три группы разделились и мнения опрошенных нами судей. Так,

¹ Петрухин И. Л. Человек и власть (в сфере борьбы с преступностью). М.: Юристъ, 1999. С. 265; Сурихин П. Л. Задержание лица по подозрению в совершении преступления // Уголовный процесс. М.: Изд. Дом «Арбитражная практика», 2005. № 7. С. 11-22.

² См. приложение №1 к диссертации. Результаты экспертного опроса респондентов по актуальным вопросам исследования.

³ См. приложение №1 к диссертации. Результаты экспертного опроса респондентов по актуальным вопросам исследования.

первая группа судей (24,5%), равно как и адвокаты, задержание, производимое на основе результатов ОРД, считают неправомерным процессуальным действием, так как уголовно-процессуальное законодательство не содержит прямых указаний о такой возможности. Вторая группа опрошенных судей убеждена в том, что результаты ОРД могут стать основанием решения о задержании подозреваемого, но исключительно в совокупности с процессуальными доказательствами и при условии их взаимного сочетания (42,6%). И наконец, третья группа судей признает возможным использование результатов ОРД в качестве самостоятельного основания задержания подозреваемого, но при условии, что следователем будет произведена их надлежащая проверка до того, как будет принято решение о необходимости задержания лица и составления об этом соответствующего протокола (32,9%)¹.

Исходя из полученных нами результатов анкетирования, видно, что неоднозначность в толковании категории «иные данные» порождает неоднозначность ее правоприменения, а потому, как нам представляется, необходимо, чтобы толкование данного понятия было предложено Пленумом Верховного Суда РФ. Сейчас же вопрос об использовании результатов ОРД в качестве основания анализируемой меры принуждения пока остается неразрешенным. Судя по всему, именно по этой причине в 43,2% из общего числа изученных нами протоколов задержания, в которых результаты ОРД явились фактическим основанием задержания, не содержалось ссылок, указывающих на то, что у следователя (дознателя) к моменту принятия решения о задержании подозреваемого имелись какие-либо основания и мотивы применения к нему этой меры принуждения. В данных протоколах фигурировало лишь указание на то, что лицо «задержано по подозрению в сбыте наркотиков». Что касается остальных изученных нами протоколов задержания, то почти в 56,8% случаев фактические основания хотя и нашли свое отражение, но, к сожалению, изложенные в них данные носили фрагментарный характер, не позволяющий однозначно

¹ См. приложение №1 к диссертации. Результаты экспертного опроса респондентов по актуальным вопросам исследования.

определить, имелось ли действительное подозрение в отношении задержанного в том, что он совершил преступление¹. Показательно в этом вопросе надзорное определение Верховного Суда РФ, вынесенное по итогам рассмотрения жалобы осужденного Гайнанова Р.Ш., в которой он оспаривал законность и обоснованность состоявшихся в отношении него решений и просил об их пересмотре, указывая, в частности, на незаконность его задержания по подозрению в наркоторговле, поскольку фактическим основанием этого решения послужила оперативная информация о том, что в кругу друзей он ранее употреблял наркотики. Изучив материалы дела, Верховный Суд РФ пришел к выводу, что на момент принятия данного решения каких-либо иных сведений, подтверждающих предполагаемую противоправную деятельность подозреваемого, его причастность к незаконному сбыту наркотиков, в оперативной информации действительно не содержалось, а потому задержание заявителя было признано необоснованным и незаконным². Из анализируемого определения, полагаем, можно сделать вывод о том, что Верховный Суд РФ в целом не отрицает возможности использования результатов ОРД в качестве фактического основания задержания лица по подозрению в совершении преступления, поскольку в надзорном определении не высказывается об этом прямого запрета. В то же время в целях правомерного использования результатов ОРД при задержании подозреваемого необходимо, чтобы содержащиеся в них данные были способны подтверждать предполагаемую причастность подозреваемого к совершенному преступлению. Более того, правомерность использования результатов ОРД в качестве самостоятельного основания для задержания подозреваемого должна отражаться в возможности их проверки в соответствии с УПК РФ. Как представляется, обозначенные правовые условия,

¹ Результаты изучения уголовных дел о незаконном сбыте наркотиков, полученные автором за период 2010-2016 гг., находящихся в архивах федеральных районных судов г. Барнаула, Горно-Алтайска, Красноярска, Новосибирска, Алтайского краевого суда, Верховного Суда Республики Алтай.

² Определение Верховного Суда РФ от 05.11.2013 № 46-Д13-23 [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс». Сам по себе рапорт сотрудника органа внутренних дел о том, что лицо занимается незаконным сбытом наркотических средств, который ничем иным не подтвержден, а также не исследован судом, не может служить достаточным основанием для вывода о том, что осужденный занимается незаконным сбытом наркотических средств и совершил бы данное преступление без вмешательства оперативного сотрудника.

допускающие возможность обосновывать результатами ОРД решение о задержании, особенно важны, так как призваны служить гарантией его законности и обоснованности.

Таким образом, исходя из вышеизложенного, результаты ОРД могут быть использованы в непосредственной форме в качестве самостоятельного фактического основания принимаемого должностным лицом решения о задержании, однако необходимо, чтобы разрешение этого вопроса было предложено в постановлении Пленума Верховного Суда РФ.

Вторая проблема, которую необходимо обсудить, применительно к вопросам задержания лиц, производимого в результате подозрения их в совершении незаконного сбыта наркотиков при осуществлении проверочной закупки, – это проблема обеспечения законности и реализации прав лиц, подвергнутых фактическому лишению свободы передвижения.

Мы полагаем, что при указанных обстоятельствах имеет место начальный этап процессуального задержания (ст.ст. 91, 92 УПК РФ), так как по смыслу положений, закрепленных в п. 11 ст. 5 УПК РФ, ч. 3 ст. 128 УПК РФ, в их системном единстве начало течения срока задержания исчисляется с момента фактического лишения свободы передвижения лица, подозреваемого в совершении преступления. В то же время задержание как мера процессуального принуждения не входит в перечень тех процессуальных действий, которые допустимо осуществлять на этапе проверки сообщения о преступлении, для ее осуществления требуется наличие постановления о возбуждении уголовного дела, которого на момент проведения ОРМ еще нет. В этой связи сотрудники органов дознания при проведении проверочной закупки наркотических средств вынуждены применять к лицам, совершившим преступление, фактическое лишение свободы, мотивируя и обосновывая его при этом положениями другого, не уголовно-процессуального законодательства.

Так, к примеру, распространенной практикой является, когда во время проведения ПЗН при вышеуказанных обстоятельствах сотрудники органа дознания в отношении наркосбытчиков составляют протокол об

административном правонарушении (ст. 6.8 или ст. 6.9 КоАП РФ). Одновременно с этим происходит процедура задержания с поличным сбытчика в порядке, установленном административным производством (ст.ст. 27.3, 27.4, 27.5 КоАП), после чего последний подвергается процедуре личного досмотра (ст.ст. 27.7, 27.9 КоАП), во время которой изымаются наркотические средства или денежные купюры, что также сопровождается составлением соответствующих протоколов. В некоторых случаях, как показывает практика, может быть применен административный арест (ст. 3.9 КоАП).

Встречаются в практике случаи, когда сотрудники органа дознания, фактически лишая свободы передвижения задержанного с поличным по подозрению в распространении наркотиков лица, ссылались при этом на ст. 48 Федерального закона «О наркотических средствах и психотропных веществах» (5,2%) либо на положения, закрепленные в Федеральном законе «Об оперативно-розыскной деятельности» (3%)¹. Между тем реализация данного нормативного положения возможна лишь при условии установления на конкретной территории особого административно-правового режима контроля за незаконным оборотом наркотиков². Во всех остальных случаях представляется, что применение данного нормативного положения является недопустимым.

Что касается ссылок на нормы Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» при осуществлении задержания с поличным в ходе проверочной закупки, то такая практика, на наш взгляд, является противоречивой, поскольку в данном законе не содержится правовых предписаний, которые позволяли бы при проведении ОРД применять эту меру принуждения.

Между тем, акцентируя внимание на наиболее распространенном способе задержания, происходящем в условиях административного порядка, когда очевидны наличие признаков уголовно-наказуемого деяния, а не административного правонарушения, следует отметить, что такая негативная

¹ Результаты изучения уголовных дел о незаконном сбыте наркотиков, полученные автором в период 2010-2016 гг., находящихся в архивах федеральных районных судов г. Барнаула, Горно-Алтайска, Красноярска, Новосибирска, Алтайского краевого суда, Верховного Суда Республики Алтай.

² Определение Конституционного Суда РФ от 16.04.2009 № 392-О-О [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс»; Определение Конституционного Суда РФ от 22.04.2010 № 532-О-О [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс». Документ официально опубликован не был.

практика сложилась неслучайно. Помимо того, как было уже отмечено, что в УПК РФ отсутствует установленная возможность осуществления задержания до возбуждения уголовного дела, характер такой процедуры задержания обусловлен преследованием должностными лицами органов дознания и следствия собственных целей. А именно, пока административно задержанный находится под арестом, у следователя и сотрудников оперативных подразделений появляется дополнительная возможность провести необходимые действия, направленные на получение сведений причастности задержанного к совершению преступления, одновременно с этим происходит получение правовых оснований для принятия решения о возбуждении уголовного дела.

В тех же случаях, когда к задержанному лицу не применялся административный арест, то, как показало наше исследование, должностные лица органа дознания, осуществляющие ОРД, могут в течение значительного времени удерживать лицо без какого-либо правового основания, сохраняя в тайне лишение его свободы, без доступа к нему адвоката, в целях получения от него признательных показаний и использования его как источника оперативной информации для установления канала поступления наркотических средств. Лишь спустя определённое время после этого, вопреки ст. 22 Конституции РФ и ст. 5 Европейской Конвенции, лицо, которое было фактически лишено свободы в связи с подозрением его в совершении преступления, доставляется к следователю, и только с этого момента начинает исчисляться срок его процессуального задержания в порядке, установленном УПК РФ. Такое положение дел связано в том числе с произвольным толкованием следователями понятия «момент фактического задержания», которое при указанных обстоятельствах смешивается с моментом доставления лица в органы предварительного расследования, от чего и происходит отсчет времени задержания и оформление протокола. Изложенное подтверждается изученными нами протоколами задержания подозреваемых. При их изучении было установлено, что более чем в 45,6% случаев указанное следователем время фактического задержания совпадало со временем составления самого протокола. Хотя при ознакомлении с материалами проверочной закупки

следователям, как правило, сразу становится известно о том, что фактически лицо было задержано намного раньше указанного в составленном ими протоколе задержания времени, но при этом данное обстоятельство ими не учитывалось.

Стоит указать, что еще одна высветлившаяся проблема, связанная с законодательной недоработкой четко установленного в УПК РФ периода времени с момента фактического задержания лица до доставления его в правоохранительные органы для составления протокола задержания в порядке ст.ст. 91, 92 УПК РФ, ранее исследовалась в науке. Так, В.Ю. Мельников указал, что в современном законодательстве между *физическим* и юридическим задержанием образуется временной интервал, измеряемый часами, представляющий собой абсолютно «правовую пустоту»¹, поскольку лицо с момента его захвата и до момента доставления к следователю находится вне поля правового регулирования. Из этого следует, что данная законодательная недоработка нередко приводит к нарушению конституционного права на неприкосновенность личности, что подтверждается изученной нами практикой.

Между тем некоторые ученые настаивают на том, что фактическое задержание все же начинается с момента, когда задержанный был передан следователю, дознавателю². В связи с этим ими высказано предложение о необходимости внесения изменений в п. 15 ст. 5 УПК РФ и дополнения ст. 92 УПК РФ ч. 1.1: «Срок задержания исчисляется с момента доставления лица к следователю, дознавателю, в орган дознания после возбуждения уголовного дела»³. Обозначенная точка зрения нам представляется дискуссионной. Оппонируя ей, полагаем уместным выразить свое несогласие словами И.Л. Петрухина, который справедливо отмечал следующее: «Разве не насмешкой будет выглядеть при этом утверждение, что в течение времени, затраченного на доставление, человек не считается задержанным, а приобретает такой статус лишь после доставления в правоохранительные органы? Кроме того, он лишается права

¹ Мельников В. Ю. Меры принуждения в уголовном процессе России: монография. М., 2011. С. 24.

² Смирнов А. В., Калиновский К. Б. Комментарий к уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации. СПб.: Питер, 2004. С. 242; Цоколова О. И. Меры уголовно-процессуального принуждения, состоящие в изоляции подозреваемого, обвиняемого: монография. М.: ВНИИ МВД России, 2008. С. 39-57.

³ См.: Цоколова О. И. Указ. соч.

на возмещение ущерба, причиненного незаконным задержанием на месте и доставлением, а при длительных сроках доставления этот ущерб может быть значительным. И наконец, совершенно несправедливо не включать время доставления (особенно когда оно велико) в общий срок задержания, а затем в меру пресечения в виде содержания под стражей и в меру уголовного наказания в виде лишения свободы. Подозреваемый не виноват в том, что его долго доставляли в органы дознания, и "списывать" на него этот срок несправедливо»¹.

Исходя из изложенного, нами разделяется позиция тех ученых, которые, следуя логике законодателя, убеждены в том, что фактическое задержание – это физический захват лица², срок которого должен исчисляться с того момента, когда задержанный действительно был лишен возможности свободно передвигаться (ч. 3 ст. 128 УПК РФ). Ведь именно с этого момента у лица, задержанного с поличным в ходе ОРМ, должна возникать возможность в полном объеме пользоваться своими правами, гарантированными Конституцией РФ. К числу таковых конституционных прав, как нами упоминалось, следует относить не только право на свободу и личную неприкосновенность (ст. 22 Конституции РФ), но и, что очень важно, право воспользоваться помощью адвоката с момента фактического задержания (ст. 48 Конституции РФ, п. 3 ч. 4 ст. 46, п. 3 ч. 3 ст. 49 УПК РФ). Об этом свидетельствуют правовые позиции Конституционного Суда РФ, согласно которым право на получение квалифицированной юридической помощи адвоката (защитника) гарантируется лицу независимо от его формального процессуального статуса, если правомочными органами власти в отношении этого лица предприняты меры, которыми реально ограничиваются свобода и личная неприкосновенность, включая свободу передвижения, – удержание официальными властями, принудительный привод или доставление в органы дознания и следствия, содержание в изоляции без каких-либо контактов, а также

¹ Петрухин И. Л. Человек и власть (в сфере борьбы с преступностью). М.: Юристъ, 1999. С. 288.

² Круглов И. В., Бопхоев Х. В. Фактическое задержание и доставление лица, задержанного по подозрению в совершении преступления // Российский следователь. 2005. № 5. С. 2-5; Коротков А. П. 900 ответов на вопросы прокурорско-следственных работников по применению УПК РФ: комментарий. М.: Изд-во «Экзамен». 2004. С. 165-166; Уголовно-процессуальное право: учебник / под общ. ред. В. И. Рохлина. СПб.: Изд-во «Юридический центр Пресс». 2004. С. 191.

какие-либо иные действия, существенно ограничивающие свободу и личную неприкосновенность¹.

В то же время, возвращаясь к изначально обозначенной проблеме административного задержания в условиях, когда очевидны признаки преступления, представляется, что такая практика, невзирая на отсутствие в УПК РФ возможности применения этой меры принуждения до принятия решения о возбуждении уголовного дела, сама по себе должна вызывать серьезные сомнения. Оперативно-розыскная деятельность органов дознания, направленная на выявление, пресечение и раскрытие преступлений, не регулируется административным законодательством. Проводимая органом дознания проверочная закупка наркотиков, по итогам которой сбытчик чаще всего фактически задерживается с поличным, может осуществляться только при наличии сведений о подготовке и совершении преступления, но никак не административного правонарушения. Изложенное обосновывает вывод о том, что практика применения административно-процессуальных принудительных мер в момент фактического задержания лица при наличии признаков совершенного им преступления носит неправомерный характер, так как в перечисленных случаях происходит ненадлежащее процессуальное оформление задержания и его результатов, которые теряют способность объективно удостоверить юридически значимые обстоятельства.

В целях разрешения складывающейся ситуации в научной литературе неоднократно высказывалось предложение о том, что назрела необходимость закрепить в законе возможность осуществления задержания лиц, в отношении которых проводится проверка в порядке ст.ст. 144-145 УПК РФ еще до принятия решения о возбуждении уголовного дела². Указанное предложение, возможно, и имеет некоторый практический смысл, однако, по мнению ряда специалистов,

¹ См., напр.: Постановление Конституционного Суда РФ от 27 июня 2000 г. // Российская газета. 2000. 4 июля.

² Жогин Н. В., Фаткуллин Ф. Н. Предварительное следствие. М.: Юридическая литература, 1965. С. 21-23; Михайленко А. Р. Возбуждение уголовного дела в советском уголовном процессе. Саратов, 1975. С. 124-125; Мичурин О. В. О некоторых проблемах проверки сообщений о преступлении // Проблемы предварительного следствия и дознания: сборник научных трудов. М.: ВНИИ МВД России, 2004. С. 52; Назаров С. Задержание – «иное» процессуальное действие // Российская юстиция. № 7. 2003. С. 21-23; Абдрахманов Р. С. Понятие уголовно-процессуального задержания // Российский следователь. 2014. № 5. С. 18 и др.

отражает логическое противоречие, заложенное в самой конструкции уголовно-процессуальной стадии возбуждения уголовного дела¹. Так, наличие возбужденного уголовного дела является важным условием применения указанной меры процессуального принуждения². Следовательно, если допустить применение задержания до возбуждения уголовного дела, то тогда наряду с этим (помимо освидетельствования)³ пришлось бы допускать личный обыск, а также допрос подозреваемого. Однако все это, как известно, может повлечь лишение акта возбуждения уголовного дела самостоятельного юридического значения⁴.

С приведенными утверждениями трудно не согласиться, как и с тем, что главное предназначение стадии возбуждения уголовного дела – быть гарантией от необоснованного применения мер государственного принуждения при расследовании по уголовным делам⁵. Поэтому в уголовно-процессуальном порядке задержание возможно лишь после возбуждения уголовного дела или одновременно с ним. В этой связи в случае фактического задержания лица, незаконно сбывшего наркотическое средство либо предпринявшего попытку его сбыта, необходимо безотлагательно решать вопрос о возможности в кратчайшие сроки возбудить уголовное дело, проверив при этом наличие повода и основания для этого возбуждения. Однако чтобы вынести решение о возбуждении уголовного дела все оперативные материалы, согласно сложившейся практике, должны быть переданы следователю, которому предстоит их для начала

¹ См.: Чувилев А. А. Привлечение следователем и органом дознания лица в качестве подозреваемого по уголовному делу: учебное пособие. М.: МВШ МВД СССР, 1982. С. 18-23; Уголовный процесс России: учебник / А. С. Александров, Н. Н. Ковтун, М. П. Поляков, С. П. Сереброва; науч. ред. В. Т. Томин. М.: Юрайт-Издат, 2003. С. 243; Бушная Н. В. Проблемы применения мер процессуального принуждения в стадии предварительного расследования: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2005. С. 23.

² См.: Гуткин И. М. Взаимосвязь уголовного права и процесса. Л., 1982. С. 65-67; Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / под общ. ред. В. В. Мозякова. М., 2002. С. 220; Безлепкин Б. Т. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный). М., 2002. С. 127; Булатов Б. Б. Государственное принуждение в уголовном судопроизводстве: монография. Омск: Омская академия МВД России, 2003. С. 48; Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (Постатейный) по состоянию на 30 июля 2010 г. / под общ. ред. А. П. Рыжакова [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

³ О внесении изменений в статьи 62 и 202 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]: федеральный закон от 04.03.2013 № 23-ФЗ (ред. от 28.12.2013). Доступ из СПС «КонсультантПлюс»; Освидетельствование и ряд других следственных действий, производство которых допустимо на этапе проверки сообщения о преступлении.

⁴ Пристанков Д. Процессуальные гарантии // ЭЖ-Юрист. 2005. № 19. С. 48.

⁵ Ляхов Ю. А. Правовое регулирование стадии возбуждения уголовного дела: монография. М.: Приор-издат, 2005. С. 11.

рассмотреть, провести необходимые проверочные действия, лишь после этого появляется объективная возможность возбудить уголовное дело. Между тем в силу ограниченности во времени, совершение всех перечисленных действий повлечет за собой лишние временные затраты и организационно-технические трудности, связанные с неизбежной отсрочкой задержания на период оценки следователем материалов, представленных органом дознания, и осуществления проверочных действий по сообщению о преступлении, что, с одной стороны, дает возможность подозреваемому скрыться и принять меры к уничтожению или сокрытию доказательств, а с другой стороны, вынуждает следователя удерживать заподозренное в совершении преступления лицо различными способами, зачастую незаконными.

Для разрешения и предотвращения изложенных обстоятельств в случаях, когда возбуждению уголовных дел предшествует длительная оперативная разработка, в науке было высказано предложение о привлечении следователя во внутриведомственном рабочем порядке к планированию ОРМ, а также к консультированию оперативных сотрудников по вопросам закрепления результатов ОРМ и предварительной оценке с точки зрения наличия в них данных, достаточных для возбуждения уголовного дела¹. Несмотря на рациональность данной идеи, она была воспринята положительно не многими учеными. Другие же авторы придерживаются убеждения о том, что при планировании и проведении такого ОРМ, как проверочная закупка, участие следователя как консультанта недопустимо². Аналогичная позиция присутствует и среди большинства (76,1%) опрошенных нами должностных лиц, осуществляющих ОРД, которые заявили, что в ходе проводимой оперативной разработки по причине конспиративности

¹ Зуев С. Уголовное преследование по делам о преступлениях, совершаемых организованными группами и преступными сообществами (преступными организациями): монография. Челябинск, 2010. С. 68; Ковалев В. Н. Возбуждение уголовных дел в связи с незаконным оборотом наркотиков по результатам ОРД // Научный вестник Омской академии МВД России. 2009. № 1 (32). С. 29-32.

² Костылева Г. В., Сурыгина Н. Е., Корнева Л. С. Правовые основания и документальное оформление изъятия наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов из незаконного оборота до возбуждения уголовного дела: методические рекомендации. М.: ВНИИ МВД России, 2008. С. 9.

следователи для предварительной оценки материалов ими практически не привлекаются¹.

Рассматривая данную проблему, на наш взгляд, необходимо признать наличие сильных аргументов у сторонников каждой из этих позиций. В самом деле, с одной стороны, имеется настоятельная необходимость в том, чтобы следователь мог ориентировать органы, осуществляющие ОРД, относительно возможной квалификации деяния, необходимости получения информации из наиболее достоверного источника; относительно достаточности объема результатов ОРД для принятия решения о возбуждении уголовного дела и в целях извлечения из них достаточного количества доказательственной информации в процессе будущей трансформации в доказательства. С другой стороны, нам понятны и опасения противников данной позиции. Мы уже обосновали в первой главе настоящей работы наличие коренных различий между следственной и оперативно-розыскной деятельностью, исключающих возможность соединения полномочий по их осуществлению в одном органе. Кроме того, рассмотрение следователя в качестве привлеченного консультанта (помощника) органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, несовместимо с его положением как лица, выполняющего судебные полномочия, с необходимостью обеспечения его процессуальной независимости и беспристрастности, с его обязанностью исследовать обстоятельства дела всесторонне, полно и объективно.

В то же время мы выше уже обратили внимание на системную проблему отсутствия в РФ независимого контроля за оперативно-розыскной деятельностью. Различные авторы предлагают поручить осуществление контроля за оперативно-розыскной деятельностью различным органам. Так, Ю.В. Астафьев в своей работе указал на то, что такой контроль должен осуществляться судом². Т.В. Трубникова полагает более правильным передать осуществление такого контроля в руки

¹ См. приложение №1 к диссертации. Результаты экспертного опроса респондентов по актуальным вопросам исследования.

² Астафьев Ю. В. Оперативный эксперимент и провокация: критерии разграничения // Пятьдесят лет кафедре уголовного процесса УрГЮА (СЮИ): материалы международ. науч.-практич. конференции. Екатеринбург, 2005. Ч. 1. С. 51-57.

органов прокуратуры¹. Мы полагаем, что ни тот, ни другой вариант не оптимальны.

Поручение соответствующих полномочий прокуратуре неприемлемо, поскольку прокуратура как орган, осуществляющий уголовное преследование, не может рассматриваться в качестве независимого органа. Суд же тем более не должен осуществлять такой контроль. Вовлечение суда на этапе осуществления оперативно-розыскной деятельности в проверку достаточности оперативной информации для принятия соответствующего решения, в контроль за ходом процедуры осуществления оперативно-розыскного мероприятия окажет катастрофические последствия на независимость и беспристрастность суда при рассмотрении им уголовного дела. Единственно допустимый здесь вариант – это отграничение «судей за следствием и оперативно-розыскной деятельностью» от судей, осуществляющих разрешение уголовного дела по существу, то есть введение института следственного судьи, что, в свою очередь, как нам представляется, будет неверным шагом, исходя из исторически сложившейся структуры российского предварительного расследования. Следственный судья тогда будет конкурировать со следователем, полномочия которого, как мы уже указали выше, носят судебно-следственный характер. Такая мера возможна лишь в случае коренной реорганизации нашего предварительного расследования, сведения его, по существу, к полицейскому дознанию или к неформальной, непроцессуальной деятельности. Только в этом случае в такой системе найдется место для следственного судьи, фигура которого не совпадает с фигурой следователя.

Напротив, усиление процессуальной самостоятельности, укрепление независимости следователя, выведение его из числа участников, действующих на стороне обвинения, признание за следователем в качестве основной функции расследования – все эти меры, реализация которых и без того представляется нам необходимой, приведут к тому, что такой независимый следователь будет

¹ Трубникова Т. В. Запрет на использование данных, полученных в результате провокации преступления, как один из элементов права на судебную защиту и гарантии его реализации в уголовном процессе РФ // Вестник Томского государственного университета. Право. 2015. № 2 (16). С. 109-127.

способен стать той оптимальной фигурой, которая сможет осуществлять именно тот действенный, независимый контроль за оперативно-розыскной деятельностью, введения которого и ожидает ЕСПЧ.

Поручение следователю контроля за деятельностью органов, осуществляющих ОРД, даст ему возможность своевременно и полно проверять результаты ОРД, исключая возможность возбуждения уголовных дел в случае совершения провокации преступления или при наличии других нарушений закона, требовать от органов, осуществляющих ОРД, собирания достаточного объема результатов ОРД, а также решит вопрос со своевременным возбуждением уголовных дел по таким материалам, предоставив тем самым задержанному лицу гарантии реализации его права на свободу и личную неприкосновенность, на доступ к адвокату, его право на защиту.

Если же (пока) до начала возникновения уголовно-процессуальных отношений обеспечить участие следователя при планировании и закреплении результатов ОРМ не представляется возможным, то выход из данной ситуации видится в том, чтобы должностное лицо органа дознания самостоятельно принимало решение о возбуждении уголовного дела в соответствии с ч. 2 ст. 40 УПК РФ, ст. 146 УПК РФ и ч. 1 ст. 157 УПК РФ.

Между тем анализ изученных нами материалов уголовных дел, а также результаты анкетирования должностных лиц, осуществляющих ОРД, позволяют сделать вывод, что на практике такое право ими практически не реализуется, а значит и нормы, его закрепившие, остаются бездействующими. Причиной тому является нечеткость положения, закрепленного в ч. 2 ст. 41 УПК РФ, согласно которой «не допускается возложение полномочий по проведению дознания на то лицо, которое проводило или проводит по данному уголовному делу оперативно-розыскные мероприятия». Это положение по-разному толкуется правоприменителями, которые нередко распространяют данное правило на институт неотложных следственных действий.

В уголовно-процессуальной науке также не содержится однозначной позиции по истолкованию анализируемого нормативного положения. К примеру,

некоторые ученые, рассматриваемую норму воспринимают в качестве категоричного запрета, не допускающего возложения полномочий по проведению дознания на то лицо, которое проводило (проводит) по данному уголовному делу ОРМ, в соответствии со ст.ст. 6-12 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности». Этот запрет наряду с дознавателями авторы распространяют на начальника органа дознания и начальника подразделения дознания¹.

Между тем обращает на себя внимание позиция А.В. Смирнова, в соответствии с которой «запрет на возложение полномочий по проведению дознания на то лицо, которое проводило или проводит по данному уголовному делу ОРМ, касается лишь дознавателей, на которых возложены обязанности по производству предварительного расследования в порядке, установленном главой 32 УПК РФ, и не распространяется на оперативных сотрудников органов дознания при проведении неотложных следственных действий согласно положениям ст. 157 УПК РФ»². Данная позиция нам представляется убедительной и точной, особенно в тех случаях, когда орган дознания еще до возбуждения уголовного дела вынужден производить фактическое задержание лица, действия которого содержат признаки преступления. Основываясь на указанной позиции, можно, на наш взгляд, утверждать, что должностные лица, осуществляющие ОРД, вправе реализовать процессуальные полномочия, возложенные на них ст. 157 УПК РФ, в соответствии с которыми в пределах своей компетенции они могут самостоятельно принимать решение о возбуждении уголовного дела и производить неотложные следственные действия. Понимая все потенциальные практические сложности для оперативных сотрудников в решении вопроса о возбуждении уголовного дела и одновременно с этим применении к застигнутому

¹ Постатейный науч. практ. комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / авт. предисл. П. В. Крашенинников; гл. ред. А. Т. Гаврилов. М.: Библиотечка «Российской газеты», 2009. С. 76; Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / отв. ред. В. И. Радченко; научн. ред. В. Т. Томин, М. П. Поляков. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт-Издат, 2006. С. 151; Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (Постатейный) / под общ. ред. Б. Т. Безлепкина. 13-е изд., перераб. и доп. [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

² Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (Постатейный) по состоянию на 1 января 2012 г. / под общ. ред. проф. А. В. Смирнова [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

с личным при проведении ОРМ лицу меры принуждения в виде задержания, предлагаемое нами решение представляется оправданным средством. Высказанные нами предложения соответствуют установленному УПК РФ порядку применения меры процессуального принуждения, предусмотренной ст. 91 УПК РФ, не противоречат положениям, закрепленным в ч. 2 ст. 40, ч. 1 ст. 157 УПК РФ, а также позволяют обеспечить гарантии реализации прав и законных интересов лиц, задержанных по подозрению в совершении преступления.

2.2 Использование результатов оперативно-розыскной деятельности в качестве дополнительных данных при принятии процессуальных решений

Рассмотрим сейчас группу процессуальных решений, в которых результаты ОРД используются непосредственно, однако лишь в качестве дополнительных данных о фактических основаниях, в совокупности с доказательствами. К числу таких решений относятся те, которыми существенно ограничиваются основные конституционные права и свободы лиц, вовлеченных в сферу уголовного судопроизводства, и на которые распространяется судебный контроль. Согласно УПК РФ такие процессуальные решения могут быть приняты на основе «достаточных данных» либо «достаточных оснований», что позволяет говорить о возможности использования в обозначенном направлении результатов ОРД, так как они обладают достаточно большим познавательно-информативным потенциалом о лице, совершившем преступление. В науке и правоприменительной деятельности не сложилось единого подхода о том, какая совокупность сведений может обосновывать анализируемые процессуальные решения. Чаще всего встречаются мнения о том, что основаниями процессуальных решений, которыми существенно ограничиваются права, и свободы участников уголовного судопроизводства могут стать исключительно доказательства, т.е. совокупность сведений, полученных в строго определенной законом форме (ч. 2 ст. 74 УПК РФ). Однако такая категоричность в рассматриваемом вопросе нам представляется не продуктивной. К решению

вопроса обоснования процессуальных решений, ограничивающих конституционные права, необходимо подходить избирательно с точки зрения качественного и количественного критериев используемых данных. В одних случаях это могут быть исключительно доказательства, в других же случаях может возникать целесообразность в том, чтобы дополнить имеющуюся совокупность процессуальных сведений результатами ОРД. В этой связи стоит согласиться с мнением М.Э. Каац о том, что оптимизация процедуры использования оперативно-розыскной информации в уголовном судопроизводстве должна являться одним из очевидных резервов повышения эффективности деятельности правоохранительных органов и быть основана на комплексном, профессиональном взаимодействии оперативно-розыскного и уголовно-процессуального инструментария в тех случаях, когда это необходимо¹.

Другой вопрос, каковы пределы соразмерности использования сведений, полученных процессуальным путем, и результатов ОРД? При каких условиях необходимо использовать результаты ОРД? Каков механизм использования результатов ОРД при принятии процессуальных решений, ограничивающих конституционные права, для того, чтобы оно (решение) отвечало требованиям законности, обоснованности и мотивированности?

Ответы на данные и иные вопросы, возникающие в рамках предмета настоящего исследования, мы попытаемся отыскать при анализе процессуальных решений о заключении обвиняемого (подозреваемого) под стражу и о производстве обыска и выемки в жилище, принимаемых при расследовании уголовных дел о незаконном сбыте наркотиков.

Как показало наше исследование, по делам о незаконном сбыте наркотиков более чем в 76,8% случаев избирается мера пресечения в виде заключения под стражу². Необходимость в избрании этой меры пресечения чаще всего обосновывается тем, что наркосбыт относится к категории тяжких преступлений

¹ Каац М. Э. Использование оперативно-розыскной информации в уголовном судопроизводстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Тюмень, 2008. С. 4.

² Результаты изучения уголовных дел о незаконном сбыте наркотиков, полученные автором в период 2010-2016 гг., находящихся в архивах федеральных районных судов г. Барнаула, Горно-Алтайска, Красноярска, Новосибирска, Алтайского краевого суда, Верховного Суда Республики Алтай.

и, оставаясь на свободе, подозреваемый (обвиняемый) может продолжить заниматься преступной деятельностью, а также воспрепятствовать дальнейшему ходу расследования (к примеру, по установлению канала поступления наркотических средств и т.п.).

Между тем Верховный Суд РФ указал, что заключение под стражу – это наиболее строгая, ограничивающая свободу личности мера пресечения, а потому ее следует применять только при невозможности применения иной, более мягкой меры пресечения и исключительно по судебному решению (ст. 108 и 109 УПК РФ)¹. В случае действительной невозможности беспрепятственного осуществления уголовного судопроизводства без применения в отношении обвиняемого (подозреваемого) анализируемой меры пресечения следователь (дознаватель) в рамках состязательной процедуры обязан обратиться в суд с ходатайством, предоставив в его обоснование имеющиеся сведения, указывающие на наличие оснований для ее избрания. Используемая при этом совокупность сведений не должна вызывать сомнений в обоснованности сформированного подозрения в отношении тех лиц, к которым она избирается. Наличие обоснованного подозрения является важным условием для оценки судом законности и обоснованности решения об избрании анализируемой меры пресечения.

Нельзя не сказать о том, что впервые о наличии обоснованного подозрения при заключении под стражу было сказано в решении ЕСПЧ от 1990 г. по делу «Фокс, Кэмпбелл и Хартли против Соединенного Королевства». В названном решении, в частности, отмечалось, что существование обоснованного подозрения заранее предполагает наличие фактов или сведений, способных убедить объективного наблюдателя в том, что лицо могло совершить конкретное правонарушение. Применительно к Российской Федерации в постановлении «Пичугин против Российской Федерации» ЕСПЧ также указал, что

¹ Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации «Обзор судебной практики рассмотрения судами ходатайств об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу и о продлении срока содержания под стражей» (утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 18 января 2017 г.) [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

«обоснованность» подозрения является важной частью гарантии защиты от произвольного задержания или заключения под стражу, закрепленной в подп. «с» п. 1 ст. 5 Конвенции о защите прав человека и основных свобод. Это требует наличия определенных фактов или информации, которые убедили бы объективного наблюдателя в том, что заинтересованное лицо могло совершить преступление, хотя то, что может считаться разумным, должно зависеть от всех обстоятельств дела¹.

Правовые позиции ЕСПЧ были восприняты Верховным Судом РФ, который разъяснил, что избрание в качестве меры пресечения заключения под стражу допускается только после проверки судом обоснованности подозрения в причастности лица к совершенному преступлению. Обоснованное подозрение предполагает наличие именно тех достаточных данных, которые бы гарантированно подтверждали причастность лица к совершению преступления и которые должны проверяться исходя из оснований, перечисленных в ст. 91 УПК РФ, одновременно свидетельствуя о реальной возможности совершения обвиняемым (подозреваемым) действий, указанных в ст. 97 УПК РФ².

Однако, исходя из анализируемого постановления Пленума Верховного Суда РФ, можно заметить, что, к сожалению, в нем остались без ответа принципиальные вопросы о том, какого характера должна быть информация, свидетельствующая о наличии и отсутствии фактических обстоятельств? Допустимо ли обосновывать процессуальные решения об избрании меры пресечения информацией, полученной в результате оперативно-розыскной деятельности, либо в каждом случае это должны быть исключительно доказательства?

Постановка перечисленных вопросов обусловлена содержанием положений, закрепленных в ч. 1 ст. 108 УПК РФ, согласно которым при избрании меры пресечения в виде заключения под стражу в постановлении судьи должны быть

¹ Постановление ЕСПЧ от 23.10.2012 [Электронный ресурс]. URL: <http://roseurosud.org/evropejskij-sud-po-pravam-cheloveka/sajt-evropejskogo-suda>.

² См. п. 2 постановления Пленума Верховного Суда РФ № 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога» от 19 декабря 2013 г. [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

указаны конкретные фактические обстоятельства, на основании которых судья принимает такое решение. Такими обстоятельствами не могут являться данные, не проверенные в ходе судебного заседания, в частности, результаты ОРД, представленные в нарушение требований ст. 89 УПК РФ.

Исходя из анализа приведенных положений, можно прийти к выводу о том, что его содержание неоднозначно и весьма противоречиво. Между тем уголовно-процессуальное законодательство должно содержать достаточно четкие основания для избрания анализируемой меры пресечения, которые бы исключали возможность незаконного и необоснованного ограничения такого важного социального блага, как право на свободу и личную неприкосновенность.

Однако при буквальном толковании ч. 1 ст. 108 УПК РФ складывается впечатление, что законодатель определяет принципиальную возможность использования результатов ОРД в качестве обоснования необходимости принятия решения о заключении под стражу, тем самым расширяя законодательное поле применения результатов ОРД в уголовном процессе, помимо их использования в доказывании. В то же время содержащаяся в рассматриваемом положении ссылка на ст. 89 УПК РФ, которая, в свою очередь, сама является отсылочной нормой, позволяет утверждать, что ч. 1 ст. 108 УПК РФ имеет неопределенный характер, не отвечающей конституционным требованиям к содержанию правовых норм. Свидетельством тому служат правовые заключения палат Федерального Собрания, подготовленные еще в 2008 г. на проект ФЗ № 12297-5, которым была введена анализируемая норма. Так, Комитет Государственной Думы по конституционному законодательству и государственному строительству в своем правовом заключении определил, что ч. 1 ст. 108 УПК РФ позволяет толковать ее следующим образом: «...в соответствии со статьей 89 УПК РФ результаты оперативно-розыскной деятельности, не отвечающие требованиям, предъявляемым к доказательствам, не могут ни при каких обстоятельствах быть

использованы в процессе доказывания, независимо от того, проверены они или нет в ходе судебного заседания»¹.

Одновременно с этим заключением совершенно иначе рассматриваемую норму интерпретировал Комитет Совета Федерации по правовым и судебным вопросам. По мнению этого профильного Комитета, формулировка ч. 1 ст. 108 УПК РФ допускает возможность следующего толкования: «результаты ОРД, представленные в нарушение требований ст. 89 УПК РФ и проверенные в судебном заседании, могут являться обстоятельствами, на основании которых судья может принять решение об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу»².

Принимая во внимание, что оба профильных Комитета изначально вкладывали разный правовой смысл в одну и ту же норму права, это дополнительно подтверждает вывод о том, что ее законодательную формулировку вряд ли можно признать отвечающей критерию определенности, что, в свою очередь, оказывает негативное влияние на правоприменительную деятельность в рассматриваемом вопросе. Наглядным подтверждением сказанному является проведенное нами изучение более 400 ходатайств об избрании анализируемой меры пресечения по делам о незаконном сбыте наркотиков (составленных за период 2015-2016 гг.), в основание которых были положены результаты ОРД, указывающие на необходимость избрания меры пресечения в виде заключения под стражу. Причем в 45,3% случаев из общего количества изученных ходатайств результаты ОРД использовались следствием без предварительного процессуального закрепления (рапорты оперативных сотрудников, результаты ОРМ)³. Примечательно, что некоторые суды общей юрисдикции в ходе рассмотрения таких ходатайств не подвергали содержащиеся в них оперативные

¹ Официальный сайт Государственной Думы Российской Федерации. URL: <http://www.duma.gov.ru> (дата обращения: 15.11.2015).

² Официальный сайт Государственной Думы Российской Федерации. URL: <http://www.duma.gov.ru>. (дата обращения: 15.11.2015).

³ Результаты изучения постановлений о возбуждении ходатайств об избрании меры пресечения в порядке ст. 108 УПК РФ и постановлений суда об их удовлетворении (отказе) при расследовании уголовных дел о незаконном сбыте наркотиков, полученные автором за период 2010-2016 гг., находящихся в архивах федеральных районных судов г. Барнаула, Горно-Алтайска, Красноярска, Новосибирска, Алтайского краевого суда, Верховного Суда Республики Алтай.

данные проверке, а формировали на их основе свое убеждение о наличии достаточности фактических оснований, позволяющих прийти к решению о заключении (продлении) и содержании подозреваемого (обвиняемого) под стражей. Более того, в своих решениях в форме постановления суды подтверждали необходимость избрания меры пресечения, ограничиваясь лишь общими фразами («имеющиеся материалы», «представленные материалы»). Распространенность данной судебной практики не могла быть оставлена без внимания высшим судебным органом. Так, в ходе обобщения судебной практики Пленум Верховного Суда РФ отметил, что некоторые суды общей юрисдикции не всегда с достаточной полнотой исследуют основания, подтверждающие необходимость анализируемой меры пресечения¹.

Изложенное можно проиллюстрировать следующим практическим примером. Н. обвинялся следствием в незаконном сбыте наркотиков, совершенном группой лиц по предварительному сговору. На основании ходатайства следователя о необходимости заключения Н. под стражу постановлением суда в отношении него была избрана данная мера пресечения. Решая вопрос о заключении под стражу, суд первой инстанции свое постановление обосновал исключительно оперативными сведениями, указывавшими на то, что Н. якобы имеет намерение выехать в Республику Казахстан. Не соглашаясь с данным судебным решением, Н. обжаловал его в суд кассационной инстанции, мотивируя тем, что постановление суда является незаконным и необоснованным. В свою очередь, кассационный суд при изучении заявленной жалобы и проверке материалов, положенных в основание обжалуемого Н. решения, среди оперативных материалов обнаружил отсутствие постановления руководителя оперативно-розыскного органа о передаче следователю рапорта, в котором содержалась вышеобозначенная оперативная информация. Это привело к тому, что суд второй инстанции кассационным определением исключил из постановления о заключении под стражу ссылки на

¹ Пленум Верховного Суда Российской Федерации // Бюллетень № 2 2014 года. Сайт ВС РФ URL: http://www.vsrfr.ru/vscourt_detale.php?id=9175 (дата обращения: 10.10.2016).

результаты ОРД как на доказательства намерения Н. скрыться от правоохранительных органов. Таким образом, суд кассационной инстанции посчитал, что при принятии решения о заключении Н. под стражу вопреки требованиям ч. 1 ст. 108 УПК РФ нижестоящий суд не вправе ссылаться на результаты ОРД, полученные (представленные) в нарушение требований ст. 89 УПК РФ, как на данные, подтверждающие обстоятельства избрания указанной меры процессуального пресечения¹.

Схожие случаи, связанные с недостаточностью судебной проверки и оценки результатов ОРД, наблюдаются и при принятии решений о продлении срока содержания обвиняемого под стражей. Полагаем, такая негативная практика складывается в силу того, что следователи, обосновывая ходатайства об избрании (продлении) меры пресечения в виде заключения под стражу результатами ОРД, нередко используют оперативные материалы, которые имеют фрагментарный характер, выражающийся в отсутствии необходимой документации, при наличии которой у судебного органа представилась бы возможность осуществить их надлежащую проверку с целью установления наличия обоснованного подозрения. В свою очередь, суды, продолжая удовлетворять подобные ходатайства, обосновывая свои решения одними лишь результатами ОРД и на одном доверии к ним, проявляют формальное отношение к законности и обоснованности принимаемого решения о заключении под стражу, лишая обвиняемого (подозреваемого) возможности опровергнуть собранные в отношении него сведения или же предоставить обоснованные возражения по их содержанию.

Исходя из изложенного, можно заключить, что реализация ч. 1 ст. 108 УПК РФ представляет для правоприменителей определенную сложность в вопросе допустимости использования результатов ОРД, что приводит к неоднозначному толкованию содержащихся в ней требований. В итоге следователи и судьи испытывают затруднения в определении допустимых пределов обоснованности результатами ОРД принимаемых решений об избрании анализируемой меры

¹ Обзор практики применения судами Ямало-Ненецкого автономного округа меры пресечения в виде заключения под стражу за 12 месяцев 2011 г. URL: http://oblsud.ynao.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=205 (дата обращения: 10.12.2013).

пресечения, что нередко влечет за собой незаконное ограничение права лица на свободу и личную неприкосновенность, гарантированного ст. 22 Конституции РФ.

Среди ученых также нет единого подхода к вопросу о том, какая совокупность данных допустима для избрания меры пресечения в виде заключения под стражу. Так, к примеру, Н. Воронцовой в рамках исследуемого вопроса удалось разделить мнения ученых на две основные группы. В первую из них вошли те, кто полагает, что для избрания анализируемой меры пресечения могут быть использованы данные, которые имеют предположительный, вероятностный характер (П.И. Люблинский, Э.Ф. Куцова, А.Л. Цыпкин, Ю.Д. Лившиц). Во вторую группу входят ученые, считающие, что при решении вопроса о заключении под стражу необходима исключительно совокупность доказательств, подтверждающих наличие обоснованного подозрения в силу их высокой степени достоверности (С.А. Касаткина, М.С. Строгович, В.А. Михайлов, И.Л. Петрухин, В.В. Смирнов, Л.Б. Хацукова)¹.

Изучив и проанализировав научные подходы ряда из перечисленных ученых, нам представляется, что их мнения не лишены дискуссионности. Так, в первом случае, несмотря на очевидность того, что уровень знаний, свидетельствующих о наличии и отсутствии фактических обстоятельств, необходимых для избрания меры пресечения в виде заключения под стражу, является предположительным и не требующим установления всех обстоятельств события совершенного преступления, это не исключает необходимости подтверждения имеющихся данных, в том числе процессуальной информацией. Необходимость в этом усматривается в целях повышения процессуальных гарантий законности и обоснованности принятого решения о заключении обвиняемого (подозреваемого) под стражу.

В свою очередь, второй подход нам также представляется несовершенным, поскольку допускает сужение круга данных, которыми может быть обосновано процессуальное решение об избрании меры пресечения в виде заключения под

¹ См.: Воронцова Н. Основания применения мер пресечения по новому УПК // Российский следователь. 2002. № 9. С. 10.

стражу только такими сведениями, которые были получены в строго определенной уголовно-процессуальным законом форме (ч. 2 ст. 74 УПК РФ).

Между тем, как показывает изученная нами практика, об обоснованности подозрения может свидетельствовать следующая номинальная совокупность данных: процессуальные документы (постановление о возбуждении уголовного дела, протокол задержания подозреваемого, постановление о привлечении лица в качестве обвиняемого и др.); документы, характеризующие личность (справки о судимости, характеристики с мест работы, учебы и пр.); сведения, указывающие на причастность обвиняемого (подозреваемого) к совершению преступления (заключение экспертов, протоколы допросов свидетелей, вещественные доказательства, рапорты (справки), полученные от органа дознания по результатам ОРД).

В складывающихся правовых реалиях правоприменителям следует учитывать позиции вышестоящих судебных органов, которые дают разъяснения при возникновении затруднений толкования и применения, анализируемых законодательных норм. Так, согласно правовой позиции ЕСПЧ необходимость применения меры пресечения в виде заключения под стражу должна подтверждаться и оцениваться с учетом ряда конкретных релевантных факторов, которые в своей совокупности способны подтвердить наличие оснований избрания меры пресечения¹.

Принимая во внимание, что релевантность в общем смысле означает соответствие документа заявленным ожиданиям, а конкретность может быть определена как ясность, недвусмысленность, мы приходим к выводу о том, что результаты ОРД в целом способны образовать совокупность данных, на основании которых может быть избрана мера пресечения в виде заключения под стражу. Для этого необходимо, чтобы результаты ОРД не вызывали сомнения в достоверности и законности их получения и позволяли осуществить их надлежащую проверку (в условиях состязательного судебного разбирательства),

¹ Постановление ЕСПЧ от 08.11.2005 // Бюллетень Европейского суда по правам человека. Российское издание. 2006. № 7. С. 57-99.

прежде чем использовать в качестве одного из фактических оснований решения, принимаемого в порядке ст. 108 УПК РФ.

Проверка достоверности результатов ОРД и законности их получения, на наш взгляд, может осуществляться посредством проведения соответствующих следственных действий, например назначения и производства судебных экспертиз, допроса лиц, запечатленных на фотографиях либо иных цифровых носителях, допроса должностных лиц, проводивших те или иные ОРМ. Если результаты ОРД были получены при проведении негласных ОРМ, связанных с ограничением конституционных прав граждан на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений, а также с проникновением в жилище против воли проживающих в нем лиц (кроме случаев, установленных ФЗ), то проверяется как наличие формального основания, т.е. разрешения на проведение таких мероприятий, так и их фактическая обоснованность¹.

Также в целях формирования единого представления о возможности использования результатов ОРД в рассматриваемом направлении уголовно-процессуальной деятельности, для выработки единообразной правоприменительной деятельности следует скорректировать содержание ч. 1 ст. 108 УПК РФ, которая допускает необоснованно расширительное толкование в рассматриваемом отношении и, соответственно, создает произвольное ее применение на практике. Уточнение законодательного положения представляется возможным посредством исключения из него двойного отрицания (двух частиц «не») и изложения законодательной формулировки в следующей редакции: «При избрании меры пресечения в виде заключения под стражу в постановлении судьи должны быть указаны конкретные, фактические обстоятельства, на основании которых судья принял такое решение. Такими обстоятельствами могут являться данные, проверенные в ходе судебного заседания, в частности результаты

¹ О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия: постановление Пленума Верховного Суда от 31.10.1995 № 8 // Бюллетень Верховного Суда РФ. № 2. 1996.

оперативно-розыскной деятельности, представленные в соответствии с требованиями статьи 89 настоящего Кодекса»¹.

При этом возможность использования результатов ОРД в рассматриваемом направлении уголовно-процессуальной деятельности предполагается в совокупности с процессуальной информацией, т.е. с доказательствами и по большому счету в качестве дополнительной информации к доказательствам, подкрепляющей обоснованность принимаемого решения. В случаях же, когда принятие решения о заключении под стражу происходит в условиях процессуального цейтнота (к примеру, в конце срока задержания подозреваемого), а быстро получить дополнительные доказательства (например, результаты судебной экспертизы), подтверждающие обоснованность подозрения, не представляется возможным, такое решение может быть принято в большей степени на основе результатов ОРД. Используемые в качестве фактического основания для избрания меры пресечения результаты ОРД должны отличаться своей убедительностью, а также позволять осуществить их проверку на предмет законности получения. При этом решение о заключении под стражу, фактическое основание которого в наибольшей степени образуют результаты ОРД, целесообразно принимать лишь в отношении подозреваемого и на ограниченный срок (например, на срок до 10 суток, до предъявления ему обвинения). Рекомендуемый период времени при наличии указанных обстоятельств послужит обеспечением принципа разумного срока избираемой меры пресечения в порядке ст. 108 УПК РФ, а также позволяет следователю собрать дополнительные доказательства, обосновывающие необходимость дальнейшего продления этой меры пресечения. Следует отметить, что сходную позицию занял и Европейский суд по правам человека. В своем Постановлении по делу «Александр Макаров против Российской Федерации» ЕСПЧ рассмотрел конкретную ситуацию, когда суд обосновал свой вывод о том, что обвиняемый может скрыться, данными, содержащимися в справке ФСБ, осуществлявшей оперативно-розыскное

¹ Пашаева Э. Х. Законодательные новеллы правового регулирования заключения под стражу // Юристы-Правовед: научно-теоретический и информационно-методический журнал / гл. ред. Г. Ф. Барковский. Ростов-на-Дону: Изд-во «Ростовский юридический институт МВД РФ». 2010. № 1. С. 54-57.

сопровождение дела, включающей оперативную информацию о наличии рисков того, что обвиняемый скроется, в силу чего в свете тяжести обвинений и серьезной информации, предоставленной сотрудниками ФСБ, судебные власти обоснованно решили, что существовал риск того, что заявитель скроется от правосудия. Поэтому продление срока содержания заявителя под стражей **на короткий период времени** (выделение наше) изначально было обосновано и давало обвинению время для проверки информации, предоставленной сотрудниками ФСБ, и сбора доказательств, подтверждающих эту информацию. Однако по прошествии времени простое наличие информации без всяких подтверждающих ее доказательств неизбежно становилось все менее и менее приемлемым фактором¹.

Очевидно, что обозначенные нами предложения невольно актуализируют проблему практики уголовного судопроизводства, которая связана с усложнением процедуры избрания меры пресечения в порядке ст. 108 УПК РФ. Ведь необходимость дополнительного вынесения следователем постановления о возбуждении перед судом ходатайства о продлении срока содержания под стражей и рассмотрения его вновь судом неизбежно повлечет за собой лишние временные затраты и организационно-технические трудности. Однако одно несомненно, что такой порядок будет соответствовать обеспечению общеправовых ценностей, установленных на международно-правовом и конституционном уровнях.

Особое внимание в ходе проводимого нами исследования обращено на использование результатов ОРД при принятии процессуальных решений о производстве таких следственных действий, которыми существенно ограничиваются конституционные права и свободы граждан, вовлеченные в сферу уголовного судопроизводства. В число таких следственных действий входят: обыск, производимый в жилище, и личный обыск, сопряженный с ограничением личной неприкосновенности; осмотр жилища при отсутствии согласия

¹ Постановление ЕСПЧ от 12.03.2009 по делу «Александр Макаров (Aleksandr Makarov) против Российской Федерации» (жалоба № 15217/07) [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

проживающих в нем лиц; выемка в жилище. Однако в рамках настоящего параграфа мы остановимся лишь на некоторых перечисленных следственных действиях.

Изучение уголовных дел о незаконном сбыте наркотиков свидетельствует, что в ходе их расследования обыск в жилище, а также личный обыск (за исключением личного обыска задержанного подозреваемого) являются одними из наиболее распространённых следственных действий (86,5%)¹. Однако законом установлена достаточно сложная процедура их производства, предусматривающая не только жесткие границы ведомственного и судебного контроля за проведением обыска в жилище и личного обыска, но и соблюдение определенных правовых предпосылок, к которым, в частности, относятся их условия и основания. Названные правовые предпосылки соотносятся между собой как единое целое, где условия определяют обстоятельства, обуславливающие необходимость производства анализируемых следственных действий (к примеру, исключительные случаи ч. 5 ст. 165 УПК РФ), от которых, в свою очередь, напрямую зависят формальные и фактические основания их производства².

Закрепляя формальные основания производства обыска в жилище и личного обыска, в ч. 2 и 3 ст. 182 и ч. 1 ст. 184 УПК РФ законодатель достаточно четко и недвусмысленно определил, что к таковым относятся постановление следователя либо судебное решение, принимаемое в порядке, установленном ст. 165 УПК РФ. В то же время в отношении фактических оснований обыска в жилище и личного обыска законом не в полной мере остался раскрыт комплекс требований, предъявляемых к обоснованности процессуальных решений об их производстве. Конструкция ч. 1 ст. 182 УПК РФ такова, что основанием производства обыска является наличие достаточных данных полагать, что в каком-либо месте или у какого-либо лица могут находиться орудия преступления, предметы, документы и

¹ Результаты изучения уголовных дел о незаконном сбыте наркотиков, полученные автором в период 2010-2016 гг., находящихся в архивах федеральных районных судов г. Барнаула, Горно-Алтайска, Красноярска, Новосибирска, Алтайского краевого суда, Верховного Суда Республики Алтай.

² Правовая позиция о соотношении условий и оснований следственных действий изложена в работе тридцатилетней давности С. А. Шейфера, в которой ученый отмечал, что предусмотренная законом совокупность условий дает следователю право провести то или иное процессуальное действие, образует правовые основания его производства. См.: Шейфер С. А. Следственные действия. Система и процессуальная форма. М., 1981. С. 60-62.

ценности, которые могут иметь значение для уголовного дела. Исходя из буквального толкования этого нормативного положения, можно сделать вывод, что закон не связывает обоснование решения о производстве обыска исключительно с доказательствами, а потому представляется, что постановление об обыске может быть обосновано и наличием оперативных данных, указывающих на местонахождение искомых обстоятельств.

Между тем мнения ученых по этому вопросу разделились на две группы. Одни авторы убеждены в том, что результаты ОРД не могут обосновывать решение о производстве обыска, так как содержащееся в ч. 1 ст. 182 УПК РФ понятие «достаточные данные» связывает его основание исключительно с наличием доказательств¹.

Вторая группа ученых, наоборот, склонна полагать, что к числу оснований для производства обыска в совокупности с доказательствами могут относиться и результаты ОРД, которые, по их мнению, играют роль дополнительной информации, если процессуальных средств недостаточно для установления фактических оснований производства обыска либо когда наличие оперативных данных обусловлено необходимостью их применения в тактических целях².

Позиция первой группы ученых представляется нам чрезмерно категоричной, особенно в тех случаях, когда необходимость производства обыска может возникнуть на первоначальном этапе предварительного расследования, а доказательств, позволяющих принять об этом соответствующее процессуальное решение, как правило, может оказаться еще недостаточно. В связи с этим более убедительными выглядят доводы о возможности использования результатов ОРД в качестве второстепенного компонента, образующего в совокупности с доказательствами фактическое основание процессуального решения о

¹ Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства. СПб., 1986; Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу РСФСР / отв. ред. И. Л. Петрухин. М.: Проспект, 2000; Научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / под ред. В. М. Лебедев, В. П. Божьев. 3-е изд., перераб. и доп. Юрайт-Издат, 2007.

² Баев О. Я. Тактика следственных действий. Воронеж, 1992; Жбанков В.А., Девяткина Е.М. Производство обыска и выемки органами дознания Государственного Таможенного Комитета России: учебное пособие. М., 2000; Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (Постатейный) / под общ. ред. Б. Т. Безлепкина. 11-е изд., перераб. и доп. [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс»; Смагоринский Б. П. Следственные действия. М., 1994.

производстве обыска в жилище либо личного обыска. Причем использование результатов ОРД в обозначенном качестве предполагается в непосредственной форме. Вместе с тем такое использование результатов ОРД представляется возможным лишь в тех ситуациях, когда следователь располагает необходимым количеством времени, позволяющим запланировать процедуру подготовки к проведению обыска на срок, терпящий отлагательства. Как известно, в рамках такой подготовительной процедуры к производству обыска следователем (дознавателем), судом должны быть произведены следующие действия: подготовка проекта постановления о проведении обыска в жилище; получение согласия на его проведение у руководителя следственного органа; обращение в суд за получением разрешения на проведение данного следственного действия; судебное разбирательство, в котором происходит рассмотрение ходатайства следователя и по итогам его рассмотрения принимается конечное процессуальное решение. В то же время не секрет, что на совершение всех вышперечисленных действий может уйти свыше 24 часов, так как только на судебное решение в соответствии с ч. 2 ст. 165 УПК РФ отводятся целые сутки. Следует отметить, что у следователя не всегда и отнюдь не во всех ситуациях есть возможность пройти обозначенную организационно-процессуальную процедуру для того, чтобы получить судебное решение на производство личного обыска либо обыска в жилище. В этой связи не все ученые-процессуалисты с удовлетворением воспринимают закрепленный в российском законодательстве судебный контроль над производством отдельных следственных действий. Так, В.В. Кальницкий высказывается категорически против получения судебного решения на производство следственных действий, поскольку находит эту процедуру излишней¹. Схожей позиции придерживается В.М. Быков, утверждая, что судебный контроль создает преграды для производства современного следственного действия, тем самым снижая его эффективность². Небезынтересным представляется и тот факт, что аналогичное по сути отношение

¹ Кальницкий В. В. «Санкционирование» и проверка судом законности следственных действий в ходе досудебного производства не эффективны // Уголовное право. 2004. № 1. С. 73.

² Быков В. М. Актуальные проблемы уголовного судопроизводства. Казань: Познание, 2010. С. 210.

к вопросу нецелесообразности получения судебного решения для производства определенного законом круга следственных действий выразили судьи Верховного Суда РФ. По их мнению, со временем практика внесет коррективы в действующее уголовно-процессуальное законодательство, согласно которым следователь будет иметь право на проведение любого следственного действия, затрагивающего личную жизнь человека и гражданина, без судебного решения¹.

Между тем пока такие изменения в действующем законодательстве не произошли, в соответствии с ч. 5 ст. 165 УПК РФ следователь вправе при наличии случая, не терпящего отлагательства самостоятельно принимать процессуальное решение о производстве личного обыска либо обыска в жилище. По делам о незаконном сбыте наркотиков исключительными можно считать случаи, когда есть риск опасения «утечки» оперативно-розыскной информации, в результате чего искомые следы преступления (к примеру, наркотики) могут быть уничтожены или сокрыты от следствия².

Практика показывает, что чаще всего об исключительности случая и настоятельной необходимости производства обыска в жилище либо личного обыска указывают результаты ОРД, которые используются следователем в непосредственной форме их выражения в качестве основания принимаемого решения. Как представляется в данных правовых реалиях, неожиданность производства обыска, фактическим основанием которого послужили результаты ОРД, может стать гарантией его эффективности в обнаружении необходимых доказательств по делу. Судя по всему, именно по этой причине более 70% из числа опрошенных нами следователей положительно ответили на вопрос о правомерности производства обыска в количественном соотношении в большей степени на основе данных, полученных оперативным путем³.

¹ Практическое пособие. Практика применения Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. Актуальные вопросы судебной практики, рекомендации судей Верховного Суда РФ по применению уголовно-процессуального законодательства на основе новейшей судебной практики. URL: <http://www.vs-ra.org/library>.

² Более подробно о случаях, нетерпящих отлагательства при производстве обыска в жилище, см.: Об организации предварительного следствия в Следственном комитете Российской Федерации: приказ Следственного комитета РФ от 15 января 2011 г. № 2.

³ См. приложение №1 к диссертации. Результаты экспертного опроса респондентов по актуальным вопросам исследования.

Между тем изложенное вовсе не означает того, что в основу решения о производстве неотложного обыска в жилище могут быть положены данные, каким-либо образом способные снизить его процессуальное значение. Прежде чем принять такое решение, должностному лицу надлежит убедиться в том, что имеющиеся в распоряжении результаты ОРД содержат в своей совокупности убедительные сведения о возможном местонахождении лиц, скрывающихся от органов предварительного следствия и суда; искомых объектов, имеющих значение для уголовного дела и подлежащих изъятию (ч. 1 ст. 81 УПК РФ); о других фактах и обстоятельствах, которые позволяют определить объем и последовательность проведения следственного действия. Таким образом, если используемые результаты ОРД соответствуют (не вступают в противоречие) установленным по делу обстоятельствам и не вызывают сомнений в достоверности и законности их способа получения, они могут использоваться в качестве основания решения о производстве обыска в жилище¹.

Обоснованность принимаемого решения о проведении обыска выражается в его мотивировке, о чем предусмотрено в ч. 4 ст. 7 УПК РФ. Касаясь производства анализируемого следственного действия в условиях исключительного случая, нами обнаружено, что практики не всегда придают значение необходимости приведения соответствующих мотивов, повлекших принятие этого процессуального решения, тем самым, нарушая правило, установленное ч. 4 ст. 7 УПК РФ. По нашему мнению, такая практическая недоработка является серьезным упущением, поскольку может крайне негативно отразиться не только на законности принятого процессуального решения, но и на результатах производимого следственного действия, а также в целом на процессе доказывания по уголовному делу.

Типичным примером, характеризующим вынесение следователем решения о производстве неотложного обыска, в котором отсутствовали данные, подтверждающие исключительность условий его проведения, является уголовное дело, расследуемое в отношении О. Так, основанием для производства

¹ Кальницкий В. В. Указ. соч. С. 25-26.

безотлагательного обыска в жилище О. послужили результаты проверочной закупки, в ходе которой был подтвержден факт совершения им незаконного сбыта наркотических средств. Во время обыска в жилом помещении О. были обнаружены и изъяты наркотические средства. Однако по результатам проверки материалов обыска суд выявил, что в постановлении следователя отсутствовали данные, подтверждающие исключительность случая проведения обыска в жилом помещении. В этой связи судом был сделан вывод о том, что постановление следователя о производстве неотложного обыска основано на гипотетических предположениях, что является недопустимым, поскольку любое иное суждение, положенное в основу процессуального решения, должно быть мотивированным. В результате данное следственное действие было признано незаконным, а полученные по итогам его производства доказательства недопустимыми¹.

Как видно, данный пример не только дает возможность убедиться в том, что судебная практика в целом с удовлетворением воспринимает результаты ОРД в качестве фактического основания решения о производстве обыска в исключительных случаях, так как в своем решении суд не ставил под сомнение правомерность их использования. Но и одновременно с этим приведенный пример демонстрирует, что содержащаяся в ч. 1 ст. 182 УПК РФ категорию «достаточные данные» целесообразно рассматривать с позиции наличия сведений, способных подтвердить необходимость производства обыска, а также способных аргументировать неотложный характер его проведения.

Следует отметить, что категория достаточных данных, позволяющих принимать решение о производстве обыска, подвергалась тщательному анализу судьями Верховного Суда РФ, которыми были даны рекомендации и обозначены критерии, нацеливающие правоприменителя изначально на то, чтобы он смог определить степень достаточности сведений, способных образовать фактологическую основу анализируемого процессуального решения. Для этого используемые сведения, во-первых, должны свидетельствовать о том, что

¹ Архив Кировского районного суда г. Томска. Уголовное дело № 2-261/2012 URL: <http://rospravosudie.com> (дата обращения: 01.07.2013).

проведение предполагаемого действия по делу даст определенный результат; во-вторых, имеющиеся в распоряжении должностного лица сведения должны указывать на необходимость существенного ограничения конституционных прав в интересах судопроизводства¹.

Критерии степени достаточности данных, необходимых для принятия решения о производстве обыска, прослеживаются и в решениях ЕСПЧ, согласно которым совокупность таких данных должна быть достаточной для того, чтобы сделать вывод о наличии связи между расследуемым преступлением и местом, в котором должностное лицо намеревается произвести обыск. На степень достаточности информации также должны указывать сведения, отражающие точное место проведения обыска и предметы, подлежащие изъятию².

Вышеизложенное позволяет заключить, что результаты ОРД при определенных условиях способны соответствовать вышеперечисленным критериям степени достаточности данных, позволяющих принять решение о производстве обыска в исключительных случаях, не терпящих отлагательства. В тех ситуациях, когда проведение анализируемого следственного действия носит плановый характер, а также по делу имеются собранные доказательства, следователю (дознавателю) целесообразно использовать результаты ОРД в качестве второстепенного компонента, образующего в совокупности с доказательствами фактическое основание процессуального решения о производстве обыска.

Принимая во внимание, что по своему характеру и задачам обыск во многом сходен с выемкой, то в этом случае сформулированные нами выводы о возможности использования результатов ОРД могут распространяться и на принятие решения о производстве выемки.

¹ Практика применения Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: практическое пособие: в 2 ч. / В. А. Давыдов, В. В. Дорошков, Н. А. Колоколов и др.; под ред. В. М. Лебедева. 7-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2016. Ч. 1. 231 с. [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

² Постановление Европейского суда по правам человека от 07.06.2007 г. [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс»; Постановление Европейского суда по правам человека от 15.07.2003 г. [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

2.3 Опосредованное использование результатов оперативно-розыскной деятельности при принятии процессуальных решений

Приговор, являясь разновидностью процессуальных решений, занимает среди них особое место, так как выступает основным актом правосудия, в котором в наиболее полной форме реализуется процессуальная функция суда – функция разрешения уголовного дела. В этой связи приговор является итоговым процессуальным решением по делу (п. 53.2 ст. 5 УПК РФ).

В 1 главе настоящей работы мы отнесли приговор к числу тех процессуальных решений, которые, будучи связаны с разрешением вопроса о виновности, могут быть приняты только при наличии достаточных доказательств, и обосновали, что результаты ОРД для обоснования таких решений могут использоваться только в опосредованной форме.

Приговор, как и любое процессуальное решение, должен соответствовать закрепленному в ч. 4 ст. 7 УПК РФ принципу законности, выражающемуся в соблюдении требований законности, обоснованности, мотивированности, а также требованию справедливости (ст. 297 УПК РФ). При разрешении уголовного дела суду надлежит исследовать все представленные сторонами доказательства, проверить и оценить их. В контексте приговора мотивированность одновременно воплощает в себе выражение обоснованности¹. Это означает, что выводы суда, изложенные в описательно-мотивировочной части приговора, постановленного в общем порядке судебного разбирательства, должны быть основаны на тех доказательствах, которые были непосредственно исследованы в судебном заседании.²

Существенное значение в рассматриваемом вопросе имеют прецедентные решения ЕСПЧ, основанные на толковании норм Конвенции о защите прав человека и основных свобод. В частности, в Постановлении ЕСПЧ по делу «Ван де Хурк против Нидерландов» от 19 апреля 1994 г. международным судебным

¹ См.: Lupinskaya P. A. Указ соч. С. 6.

² Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.11.2016 № 55 «О судебном приговоре» [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

органом было обращено внимание судов на то, что в итоговых по делу решениях им необходимо ссылаться именно на доказательства, которые кладутся в основу принимаемого решения. Как видно из изложенного, обозначенная правовая позиция ЕСПЧ главным образом подразумевает, что в содержании приговора вывод о виновности (невиновности) подсудимого должен быть обоснован исключительно сведениями, которые при рассмотрении уголовного дела были признаны судом доказательствами. Данная правовая позиция ЕСПЧ нашла свое отражение в ряде положений действующего уголовно-процессуального законодательства (ч. 2 ст. 74 УПК РФ и ст. 307 УПК РФ), из которых также следует, что приговор должен быть основан исключительно на доказательствах, предусмотренных действующим законодательством, перечень которых носит исчерпывающий характер. В иных случаях несоблюдение процессуальной формы (вида) фиксации доказательств должно вызывать сомнение в законности принятого судом решения.

Пленум Верховного Суда РФ в своем Постановлении «О судебном приговоре» (п. 6) указал, в частности, что: «в описательно-мотивировочной части приговора, ...надлежит дать оценку всем исследованным в судебном заседании доказательствам, как уличающим, так и оправдывающим подсудимого. При этом излагаются доказательства, на которых основаны выводы суда по вопросам, разрешаемым при постановлении приговора, и приводятся мотивы, по которым те или иные доказательства отвергнуты судом. Если какие-либо из исследованных доказательств суд признает не имеющими отношения к делу, то указание об этом должно содержаться в приговоре»¹.

При этом согласно п. 8 того же постановления Пленума, «с учетом положений статьи 74 и части 1.2 статьи 144 УПК РФ о том, какие сведения могут признаваться доказательствами по уголовному делу, суд в описательно-мотивировочной части приговора не вправе ограничиться перечислением доказательств или указанием на протоколы процессуальных действий и иные

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.11.2016 № 55 «О судебном приговоре» [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

документы, в которых они отражены, а должен раскрыть их основное содержание. Следует избегать приведения в приговоре изложенных в указанных протоколах и документах сведений в той части, в которой они не относятся к выводам суда и не требуют судебной оценки. В силу требований статьи 75 УПК РФ о недопустимости использования доказательств, полученных с нарушением закона, суд, установив такое нарушение, должен мотивировать свое решение о признании доказательства недопустимым и о его исключении из числа доказательств, указав, в чем именно выразилось нарушение закона»¹.

Это означает, что из приговора суда должно быть понятно, что именно суд принял в качестве относимых и допустимых доказательств по уголовному делу, а какие исследованные доказательства он отверг в связи с их неотносимостью или недопустимостью, а также в нем должна содержаться оценка достоверности каждого доказательства (уличающего или оправдывающего). При этом суд должен изложить содержание доказательства, а не просто указать его источник. Нами в ходе исследования было изучено 300 приговоров по уголовным делам о незаконном сбыте наркотиков. Это означает, что, казалось бы, у нас в распоряжении должна быть солидная база, позволяющая судить о том, рассматривают ли суды результаты ОРД в качестве доказательств, как они определяют их относимость и допустимость, проверяют их достоверность, и каким образом сведения, содержащиеся в результатах ОРД, трансформируются на практике в относимые и допустимые доказательства.

Изучение практики показало, что процесс исследования результатов ОРД и их оценки представляет для судей большую сложность. Возможно, это связано с отсутствием в действующем уголовно-процессуальном законодательстве четких правовых предписаний, устанавливающих возможность использования результатов ОРД при постановлении приговора.

Среди изученных нами 300 приговоров по уголовным делам о незаконном сбыте наркотиков почти во всех приговорах имелись ссылки на результаты ОРД.

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.11.2016 № 55 «О судебном приговоре» [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

Так, по изученным делам результаты проверочной закупки использовались в 94,6% изученных нами приговоров, оперативное внедрение – 64,8%, прослушивание телефонных переговоров – 48,2%, контролируемая поставка – 29,7%, оперативный эксперимент – 19,3%, иные ОРМ – 10,9%.

Исходя из данных эмпирического исследования, можно прийти к выводу, что постановленные судами приговоры по делам о незаконном сбыте наркотиков в подавляющем большинстве основаны на результатах ОРД и производных из них доказательствах (допросы оперативных сотрудников, принимавших участие в момент документирования преступной деятельности лица (лиц); вещественные доказательства, иные документы).

В то же время проведенный нами анализ практики показал, что при постановлении приговоров по делам о незаконном сбыте наркотиков судьи допускают неточности при описании результатов ОРД, которые были исследованы в судебном разбирательстве. Так, судьи допускали следующие формулировки:

– «вина подсудимого подтверждается письменными материалами уголовного дела, исследованными в ходе судебного следствия» – 64,2%. При этом под такими материалами имелись в виду, по-видимому, оперативно-служебные документы, отражающие результаты ОРД, представленные следователю в порядке, установленном Инструкцией;

– «вина подсудимого подтверждается другими доказательствами, исследованными судом» – 31,6%. В данном случае под другими доказательствами судом также подразумевались результаты ОРД;

– «результаты ОРД явились основой, на которой сформированы доказательства» – 14,2%.

Анализируя изученные нами судебные приговоры, мы не смогли не обратить внимание и на такой их недостаток, как загромождение описательно-мотивировочной части приговора перечислением документов, которые не имеют доказательственной ценности. К таким документам мы отнесли: рапорты, в которых отражается организационный характер деятельности органов дознания, осуществляющих ОРД, сопроводительные письма (сообщения), распоряжения

начальников органов дознания, многочисленные акты, составленные при проведении оперативно-розыскных мероприятий и иные оперативно-служебные документы. Причем, как показало наше исследование, перечисленные документы почти в 48,6% случаев включались в общую совокупность подтверждающих вину подсудимого доказательств (общим списком, без изложения их содержания и связи с инкриминируемым обвинением).

Как выяснилось в результате проводимого нами интервьюирования судей, к изложению в приговоре списка вышеперечисленной документации они прибегают не случайно. По их мнению, такая необходимость продиктована тем, чтобы наглядно прослеживалась правомерность действий органа дознания, которым были получены результаты ОРД, послужившие впоследствии доказательствами виновности обвиняемого, на основе которых суд постановил приговор (т.е. в целях оценки законности получения результатов ОРД), хотя в приговоре это и не было прямо сказано. Во всех остальных случаях присутствие в итоговом судебном решении ссылок на оперативно-розыскную документацию, имеющую организационный характер, можно объяснить лишь тем, что судьи посчитали необходимым включать в приговор все то, что представил следователь в подтверждение виновности обвиняемого, не определяя относимость и доказательственную ценность представленных суду документов.

Таким образом, судьи допускали неоднозначные формулировки при описании исследованных и оцененных результатов ОРД, вместо описания содержания, формы выражения и определения силы конкретного доказательства, предлагая неопределенное указание на некие «письменные материалы», в лучшем случае давая их «списочное» описание. Подобные недостатки в судебной деятельности указывают на нарушение судом принципа законности при постановлении приговора.

Возникает вопрос, почему же судьи, используя результаты ОРД при постановлении приговора, не описывают их в приговоре, не указывают, какие именно сведения, почерпнутые из каких конкретных источников, послужили доказательствами по данному делу, и почему суд счел их достоверными, как того

требуют положения уголовно-процессуального закона, и на что ориентирует судей Пленум Верховного Суда РФ? Мы считаем возможным предположить, что в значительной степени такой «неопределенный» характер ссылки в приговоре на использованные результаты ОРД связан с тем, что судьи испытывают затруднения при определении доказательственной силы результатов ОРД, не имеют четкого представления о том, в каких формах возможно использовать результаты ОРД при принятии окончательного судебного решения по уголовному делу. Попробуем рассмотреть некоторые проблемы, возникающие в связи с использованием в судебном разбирательстве результатов ОРД и предложить пути их решения.

1. Использование результатов ОРД для разрешения вопроса о виновности.

Следует отметить, что некоторые правила использования результатов оперативно-розыскных мероприятий в качестве доказательств по уголовному делу предложил судьям Пленум Верховного Суда РФ в уже упомянутом постановлении. Согласно п. 9 этого постановления, «суду следует иметь в виду, что использование в качестве доказательств по уголовному делу результатов оперативно-розыскных мероприятий возможно только в том случае, когда такие мероприятия проведены для решения задач, указанных в статье 2 Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ "Об оперативно-розыскной деятельности", при наличии оснований и с соблюдением условий, предусмотренных статьями 7 и 8 указанного Федерального закона, а полученные сведения представлены органам предварительного расследования и суду в установленном порядке и закреплены путем производства соответствующих следственных или судебных действий. Например, произведенные аудио- и видеозаписи, изъятые предметы и документы должны быть осмотрены и приобщены к делу; обнаруженные вещества – подвергнуты экспертным исследованиям; лица, участвовавшие в проведении оперативно-розыскных мероприятий, – при необходимости допрошены в качестве свидетелей.

В случае признания полученных на основе результатов оперативно-розыскной деятельности доказательств недопустимыми они не могут быть

восполнены путем допроса сотрудников органов, осуществлявших оперативно-розыскные мероприятия».

Из этого разъяснения можно понять, что Верховный Суд РФ:

1) полагает необходимым, чтобы все результаты ОРД были проверены судом с точки зрения законности их получения и соблюдения установленного порядка представления органам предварительного расследования и суду;

2) считает возможным использование результатов ОРД только в опосредованной форме, полагает, что доказательства должны быть получены «на основе результатов оперативно-розыскной деятельности».

И с тем, и с другим положением, полагаем, необходимо безоговорочно согласиться. В самом деле, для решения вопроса о виновности/невиновности подсудимого в совершении преступления результаты ОРД могут быть использованы только в опосредованной форме.

В то же время предложенные Пленумом Верховного Суда РФ разъяснения относительно возможных способов трансформации результатов ОРД в доказательства не вполне определены, вызывают большое количество вопросов.

Так, например: мы согласны с Пленумом Верховного Суда РФ в том, что произведенные аудио- и видеозаписи, изъятые предметы должны быть осмотрены и приобщены к делу. Ранее мы уже указывали в параграфе 2 первой главы, что, на наш взгляд, и с аудио-, и с видеозаписями, произведенными в ходе оперативно-розыскных мероприятий, следует работать как с вещественными доказательствами¹, хотя некоторые авторы полагают, что аудиозаписи, в отличие от видеозаписей, следует рассматривать как иные документы (и работать с ними соответственно)². Следует согласиться, на наш взгляд, и с позицией, согласно которой для подтверждения законности получения следователем (дознавателем) полученного в результате оперативно-розыскного мероприятия предмета достаточно постановления о представлении результатов оперативно-розыскной

¹ См. об этом также: Доля Е.А. Результаты оперативно-розыскной деятельности не могут стать содержанием доказательств в уголовном процессе // Государство и право. – 2013. – № 5. – С.37 – 38.

² Шейфер С. А. Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования. М.: «Норма», 2008. С. 123.

деятельности и сопроводительного письма руководителя органа, ее осуществляющего, о направлении этих материалов следователю (дознавателю). Производство выемки в этом случае лишено смысла и не вызывается необходимостью, поскольку все материалы уже находятся у следователя и попали к нему в установленном порядке¹.

В то же время неясно, что имеет в виду Пленум, когда говорит об «изъятых документах». Если исходить из буквального толкования соответствующей фразы, понимая под ними документы, изъятые в ходе оперативно-розыскного мероприятия, например при обследовании помещений, то все в порядке: существенное значение здесь будет иметь сам факт обнаружения документа в определенном месте или у конкретного лица, а потому оправданна работа с ним именно как с вещественным доказательством. Однако возникает вопрос, как быть с документами, которые были составлены по запросу оперативно-розыскных органов, либо с документами (актами, справками), составленными в ходе осуществления ОРМ и отражающими их ход и результаты. Приобщение такого рода документов в качестве вещественных доказательств, как представляется, является совершенно неоправданным, позволяя «обходным путем» придавать силу доказательств результатам ОРД, доказательствами не являющимся. Думается, что документы, которые были составлены по запросу оперативно-розыскных органов, должны быть вновь самостоятельно получены по запросу следователя или суда и должны выступать в качестве «иного документа». Если рапорты, справки, меморандумы и пр. составлены сотрудниками органа, осуществляющего ОРД, на основе информации, полученной из каких-либо источников (вне зависимости от того, были ли информаторы, например, установлены и допрошены, были ли истребованы и приобщены документы, из которых оперативный сотрудник сделал вывод, включенный в справку), то такие «документы» вообще не могут рассматриваться в качестве доказательства, а могут быть использованы при решении вопроса о виновности только для целей

¹ Нагоева М. А. Использование результатов ОРД в ходе предварительного расследования // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 1-1; URL: <https://www.science-education.ru/ru/article/view?id=19631> (дата обращения: 10.03.2017).

установления первоначального источника соответствующих сведений. Когда же речь идет об актах, составленных в ходе (по результатам) осуществления ОРМ (например, акт досмотра, акт проверочной закупки), такие акты, как мы уже отметили ранее, могут рассматриваться (с точки зрения своей формы) как «иной документ», однако поскольку оперативно-розыскная деятельность осуществляется в свободной форме, фиксация ее в каком-либо документе не может создавать самостоятельного доказательства виновности. Поэтому, например, акт проверочной закупки не может использоваться для подтверждения самого факта закупки. Для подтверждения данного факта должны быть допрошены его участники, исследованы аудио- и видеозаписи, отражающие подготовку и проведение закупки.

Вызывает вопросы и произведенное Пленумом Верховного Суда РФ противопоставление: предметы и документы должны быть осмотрены и приобщены к делу; обнаруженные вещества – подвергнуты экспертным исследованиям. Представляется, что все перечисленные объекты должны быть отнесены к числу вещественных доказательств, и работа с ними должна быть построена на основе единых правил: все они должны быть приняты, осмотрены, приобщены к делу. Более того, видео- и аудиозаписи тоже, как правило, должны быть подвергнуты экспертным исследованиям для проверки наличия/отсутствия в них признаков монтажа. Исключения из этого правила могут быть допущены только в тех ситуациях, когда сторона защиты не возражает относительно достоверности содержащихся в них сведений, а у суда отсутствуют другие основания для того, чтобы усомниться в их подлинности и свободе содержащейся в них информации от искажений.

Представляется, что Верховный Суд РФ неверно ориентирует правоприменителей, указывая, что лица, участвовавшие в проведении оперативно-розыскных мероприятий, допрашиваются в качестве свидетелей **при необходимости**. Такой допрос в силу несоответствия результатов ОРД требованиям к доказательствам должен производиться обязательно. Причем, как

мы уже обосновали ранее, мы согласны с теми авторами¹, которые полагают недопустимым использование вместо показаний, данных в суде первоисточником информации, показаний оперативных сотрудников, даваемых ими «с чужих слов», в том числе и в тех случаях, когда оперативные сотрудники отказываются указать источник информации, либо если конфиденциальный сотрудник отказался дать согласие на разглашение данных о своей личности. Возникает вопрос, как же должна разрешаться такая ситуация?

Полагаем, что при ее разрешении следует учитывать как общественные интересы, так и права и законные интересы различных участников.

Так, публичный интерес, направленный на установление истины, как мы уже сказали, исключает возможность дачи показаний оперативным сотрудником с чужих слов, поскольку достоверность соответствующей информации, свобода ее от искажений в этом случае становятся в принципе непроверяемыми. В то же время лицо, на конфиденциальной основе сотрудничающее с оперативно-розыскными органами, имеет право на соблюдение в тайне данных о его личности, а также на государственную защиту в том случае, если он согласится дать показания. Государство (в лице оперативно-розыскного органа) одновременно имеет интерес как к тому, чтобы доказать виновность лица, совершившего преступление, так и к тому, чтобы сохранить конфиденциального осведомителя. Наконец, сторона защиты, как правило, заинтересована в том, чтобы конфиденциальный осведомитель был допрошен, причем чаще всего сторона защиты заинтересована в том, чтобы ознакомиться с данными о личности свидетеля и иметь возможность участвовать в его допросе в открытом судебном заседании. В этих условиях баланс частных и публичных интересов видится в следующем:

¹ Печников Г. А., Назаров С. Д., Шинкарук В. М. Значение результатов ОРД для объективно-истинного и состязательного типов уголовного процесса // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2014. № 1 (28). С. 188-192; Зорин, Р. Г., Сувитко О. Т. Совершенствование правового регулирования использования результатов ОРД в качестве доказательств и их источников в уголовном судопроизводстве // Научный вестник Омской академии МВД России. 2014. № 4 (55). С. 39-43; Кучин О. С. Об актуальности использования результатов ОРД в доказывании // Вестник ЮУрГУ. 2005. № 25, С. 41-45.

1) конфиденциальный осведомитель имеет право отказаться разглашать информацию о себе. В этом случае он не подлежит допросу в суде (или следователем). Он может согласиться дать показания на условиях конфиденциальности и в условиях, затрудняющих установление его личности. В этом случае вопрос о возможности его допроса в данных условиях будет решаться судом. Однако, если суд примет решение, что нет достаточных оснований для сохранения его конфиденциальности в ходе его допроса, ему законом должно быть предоставлено право отказаться от дачи показаний;

2) оперативно-розыскные органы могут выбирать, какой из интересов является более важным в конкретной ситуации: сохранение конфиденента в тайне (и снижение возможности доказать вину обвиняемого), или участие конфиденента в качестве свидетеля по делу. Однако они не могут подменять его показания какими-либо другими источниками сведений. Например, предоставляется совершенно неприемлемым предложение, согласно которому вместо допроса конфиденциального сотрудника, отказавшегося от раскрытия данных о нем, можно представить тайно сделанную запись беседы с ним¹;

3) суд обязан разрешить вопрос о возможности сохранения в тайне сведений о личности свидетеля с учетом позиций сторон и позиции лица, являющегося источником информации. В этих целях судья должен конфиденциально, вне условий судебного заседания поговорить с данным лицом, чтобы на основании беседы с ним (и с учетом позиции сторон) принять собственное решение по данному вопросу.

Такое решение ситуации, как нам кажется, учитывает интересы всех участников и способно снизить распространенность ситуации, когда в качестве конфиденциальных свидетелей на регулярной основе дают показания в суде одни и те же лица.

2. Использование результатов ОРД для проверки доказательств, полученных путем трансформации (опосредования) результатов ОРД.

¹ Кучин О. С. Об актуальности использования результатов ОРД в доказывании // Вестник ЮУрГУ. 2005. № 25, С. 41-45.

Можно представить себе ситуацию, в которой, например, показания участников проверочной закупки будут противоречить друг другу, будут относиться к другому временному периоду, нежели тот, о котором идет речь в акте проверочной закупки. В таком случае, на наш взгляд, акт проверочной закупки может быть использован в доказывании. Но он может использоваться (и служить для проверки доказательств) лишь постольку, поскольку в нем содержится информация, позволяющая судить о законности и обстоятельствах проведения мероприятия (время, место, участники). Аналогичной позиции относительно доказательственного значения подобных документов придерживаются и другие ученые. Однако и этого ограничения, как нам представляется, недостаточно. Суды склонны, как мы уже показали «неформально» относиться к результатам ОРД. Поэтому Верховному Суду РФ следует, как представляется в постановлении Пленума, четко определить, в частности, ограничения использования различных результатов ОРД. В частности, существует опасность того, что суды, если они смогут свободно использовать акты, составленные сотрудниками ОРД, будут использовать их вопреки их назначению – не для проверки возникших противоречий, а вместо первоначальных доказательств (показаний свидетелей, данных видеофиксации). Поэтому, полагаем, использование данного вида документов должно быть дополнительно ограничено. По нашему мнению, его использование в доказывании может быть допущено только по ходатайству стороны защиты.

Полагаем, что это же решение может быть распространено и на другие ситуации, связанные с необходимостью проверки доказательств, полученных путем трансформации (опосредования) результатов ОРД. Думается, что в этом случае результаты ОРД должны использоваться преимущественно в опосредованной форме. Однако нельзя исключить и их использования в непосредственной форме. Но в такой форме результаты ОРД могут быть использованы при проверке доказательств, полученных на основе результатов ОРД, только по инициативе стороны защиты.

3. Использование результатов ОРД для разрешения вопроса о допустимости доказательств.

Как ранее уже упоминалось, использование результатов ОРД по уголовным делам о незаконном сбыте наркотиков, а именно полученных по итогам проведения такого ОРМ как проверочная закупка, сопряжено с проблемой отграничения правомерного ОРМ, от провокации преступления. Проблема провокации при проведении ОРМ достаточно широко проявляется при рассмотрении уголовных дел судами в условиях состязательности, когда сторона защиты практически в каждом случае пытается оспорить полученные на основе результатов ПЗН доказательства, вызвав у суда сомнения в их достоверности или допустимости или и в том, и в другом сразу. Представляется необходимым отметить, что ЕСПЧ считает недопустимой тактику защиты, одновременно утверждающей, что имела место провокация преступления, и оспаривающей достоверность данных ОРД, полученных в результате ее проведения. По его мнению, говорить о провокации преступления возможно лишь тогда, когда сам факт покупки-продажи наркотиков действительно имел место, и оспаривается тот факт, что само решение лица принять участие в нем было добровольным, а не возникло в результате деятельности правоохранительных органов¹.

Однако, если сторона защиты сделала заявление о том, что имела место провокация, суд должен проверить это заявление, опираясь на критерии, предложенные Европейским судом по правам человека. В случае же установления признаков провокации при проведении оперативных мероприятий на суд возлагается обязанность по принятию соответствующих мер, направленных на восстановление нарушенных в процессе ОРД прав и законных интересов физических и юридических лиц (путем признания недопустимыми доказательств, сформированных на основе таких результатов ОРД). Важно подчеркнуть и то, что в деле «Лагутины и другие против России» главную вину за нарушение прав заявителей ЕСПЧ возложил даже не на органы дознания, проводившие ОРД, а на

¹ Решение ЕСПЧ от 06.05.2014 по делу «Виктор Васильевич Валкадов против Российской Федерации» (жалоба № 25730/06) [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

суды, не исполнившие свою обязанность проведения эффективной судебной проверки действий правоприменителей, тем самым лишив заявителей единственной гарантии против полицейской провокации. Принимая во внимание значимость негласных операций для исхода уголовного преследования и высокий риск провокации, ЕСПЧ также указал на обязанность российских судов убедиться в том, что порядок назначения и проведения проверочной закупки исключал возможность подстрекательства, поскольку судебная проверка довода о подстрекательстве составляет единственное эффективное средство установления оснований для негласных операций и позволяет удостовериться в том, что во время операций закупщики действовали «пассивным образом», а бремя доказывания отсутствия подстрекательства возлагается на сторону обвинения.

В этой связи судам необходимо руководствоваться прецедентными решениями Конституционного Суда РФ, а также разъяснениями Верховного Суда РФ, изложенными в Постановлении Пленума от 21 июня 2013 г. № 21, где определено, что правовые позиции ЕСПЧ, которые содержатся в окончательных постановлениях суда, принятых в отношении Российской Федерации, являются обязательными для судов (п. 2). А доказательства по делу являются недопустимыми как в случае их получения в нарушение положения процессуального законодательства Российской Федерации, так и в случае их получения с нарушением Конвенции о защите прав человека и основных свобод или Протокола к ней в толковании Европейского суда (п. 11)¹.

Между тем, как нами было отмечено, анализ опубликованной судебной практики по уголовным делам о незаконном сбыте наркотиков показывает, что конвенциональные положения и позиции международного судебного органа, отражаемые в принимаемых судами решениях, отнюдь не всегда ими учитываются при разрешении уголовных дел, в частности, о незаконном сбыте наркотиков, чему содействует неопределенность разъяснений, предлагаемых Верховным Судом РФ.

¹ О применении судами общей юрисдикции Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г. и Протоколов к ней [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21 июня 2013 г. № 21. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

Так, Пленумом Верховного Суда Российской Федерации в Постановлении № 14 от 15 июня 2006 г. «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» (далее – Постановление № 14) были даны разъяснения, касающиеся условий законности проведения проверочной закупки наркотиков. Кроме того, отмечено, что «...результаты ОРД должны быть получены в соответствии с требованиями закона и свидетельствовать о наличии у виновного умысла на совершение преступления, сформировавшегося независимо от деятельности сотрудников оперативных подразделений, а также о проведении лицом всех подготовительных действий, необходимых для совершения противоправного деяния»¹.

Исходя из анализа перечисленных разъяснений, представляется, что, с одной стороны, они задали определенный ориентир для должностных лиц, осуществляющих ОРД, нацеливая их на обязанность производить сбор сведений в процессе документирования преступной деятельности наркоторговцев, подтверждающих наличие умысла на незаконный оборот наркотиков и совершение действий, связанных с подготовкой к этому преступлению. С другой стороны, весьма лаконичное изложение содержащихся в Постановлении № 14 разъяснений и отсутствие четких критериев разграничения правомерного ОРМ от подстрекательства не повлекли ожидаемых благоприятных последствий в решении проблемы провокации преступления при проведении ОРД.

В своем постановлении по делу «Веселов и другие против России» ЕСПЧ, в частности, отметил, что, несмотря на установленный законодателем запрет на провокацию преступлений при проведении ОРД, никакие законодательные или нормативные инструменты не дают определения или толкования данного термина или каких-либо практических указаний, каким образом ее избегать (§ 103)².

¹ О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 июня 2006 г. № 14 (с изм. и доп., внесенными постановлением Пленума от 23 декабря 2010 г. № 31). URL: http://www.vsrp.ru/Show_pdf.php?Id=7258 (дата обращения: 21.02.2014).

² Постановление ЕСПЧ от 02.10.2012 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.echr.coe.int> (дата обращения: 08.01.2014); Чететин А. Е. Проверочная закупка наркотиков в решениях Европейского суда по правам человека // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2014. № 2. С. 139.

Доводы ЕСПЧ, изложенные в анализируемом постановлении, заставили высший судебный орган вновь попытаться разрешить проблему провокации преступлений при проведении проверочной закупки наркотиков. Определенный позитивный шаг в данном направлении был сделан Верховным Судом РФ в «Обзоре судебной практики по уголовным делам о преступлениях, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных, сильнодействующих и ядовитых веществ», утвержденном Президиумом ВС РФ от 27 июня 2012 г.¹ Содержащиеся в нем разъяснения затронули случаи, в которых доказательства, полученные на основе оперативных данных, подлежат признанию недопустимыми. К таковым случаям суд причисляет и провокацию сбыта. Примечательно, что в Обзоре дано толкование такому понятию, как «провокация сбыта», под которой следует понимать подстрекательство, склонение, побуждение в прямой или косвенной форме к совершению противоправных действий, направленных на передачу наркотических средств сотрудниками правоохранительных органов (или лицам, привлеченным для проведения ОРМ).

В п. 7.1 анализируемого Обзора более широко стало истолковано требование законности, предъявляемое к проведению проверочной закупки. В частности, указано на необходимость вынесения постановления, утвержденного руководителем органа, осуществляющего ОРД, а также что «для проведения указанного ОРМ требуются данные, свидетельствующие о незаконной деятельности лица, в отношении которого планируется провести закупку, а также следует закрепить эти данные, придать им такую процессуальную форму, которая позволит в будущем признать их доказательствами по делу». Особое внимание обращает на себя п. 7.2 Обзора, в котором Верховный Суд РФ одобрил практику судов, признающих наличие провокации в действиях сотрудников органов дознания, не располагающих к моменту проведения проверочной закупки

¹ Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации «Обзор судебной практики по уголовным делам о преступлениях, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных, сильнодействующих и ядовитых веществ» (утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 27 июня 2012 г.) [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

наркотиков достаточными основаниями подозревать лицо в распространении наркотических средств, что является результатом вмешательства с их стороны.

Для устранения причин, способствовавших развитию неоднородной практики по рассмотрению судами уголовных дел о незаконном сбыте наркотиков, в Обзоре приведены примеры, в которых наглядно обозначены признаки провокации, позволяющие разрешить вопрос о разграничении правомерного поведения при проведении ОРМ и противоправного поведения. По мнению ученых, принципиальность этого разграничения заключается не только в том, от кого исходила инициатива сбыта наркотиков, но и в том, совершило бы лицо такое деяние при других обстоятельствах или же поведение лица, участвовавшего в ОРМ, и созданная им ситуация способствовали или вызвали решимость совершения им преступления. Если же лицо без какого-либо внешнего побуждения замыслило, совершало либо совершает конкретные преступные действия, то последующая деятельность сотрудников органа дознания по его разоблачению – правомерное оперативно-розыскное мероприятие¹.

Следует отметить, что в своих разъяснениях Президиум Верховного Суда РФ вновь обратил внимание нижестоящих судов на необходимость учитывать в их деятельности практику Европейского суда по правам человека. В первую очередь речь идет о тех решениях, в которых рассматривался вопрос о нарушении п. 1 ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод.

Постановлением Пленума ВС РФ № 30 от 30 июня 2015 г. были внесены изменения в Постановление № 14 от 15 июня 2006 г. «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами». И хотя содержащиеся в названном постановлении разъяснения по большому счету коснулись вопросов материального права, согласно обновленной редакции в п. 14 «оперативно-розыскные мероприятия, направленные на выявление,

¹ Гармаев Ю. П. Источники методики расследования преступлений в сфере внешнеэкономической деятельности // Вестник криминалистики. М.: Спарк, 2003. Вып. 1 (5). С. 22-29; Вагин О. А. Конституционные проблемы оперативно-розыскной деятельности (научный доклад) // Конституционно-правовые проблемы оперативно-розыскной деятельности: сборник мат-лов Всероссийского круглого стола (3 ноября 2011 г.) / сост. К. Б. Калиновский. СПб.: Петрополис, 2012 [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

предупреждение, пресечение и раскрытие преступления, а также выявление и установление лица, его подготавливающего, совершающего или совершившего, могут проводиться только при наличии у органа, осуществляющего ОРД, сведений об участии лица, в отношении которого осуществляется такое мероприятие, в подготовке или совершении противоправного деяния».

Позиции ЕСПЧ отражаются в ряде актов высших судебных органов по конкретным делам. Так, например, 16 апреля 2013 г. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ по результатам надзорной жалобы вынесла определение, которым пересмотрела приговор Первомайского районного суда г. Омска от 15 октября 2009 г. и последующих судебных постановлений, которыми был осужден гр. Болдыш А.Ю. за покушение на незаконный сбыт наркотических средств в особо крупном размере. Согласно приговору преступления осужденным были совершены 13, 16 и 18 июля 2009 г., а доказательства его вины добыты в результате проведения серии проверочных закупок сотрудниками УФСКН. Примечательно, что при оценке решения районного суда в последующих инстанциях в Омском областном суде законность проведения повторных проверочных закупок сомнению не подвергалась. И лишь высший судебный орган Российской Федерации тщательно исследовал доказательства, полученные на основе результатов повторных проверочных закупок, и пришел к выводу о нарушениях законности при их проведении. В обоснование своих выводов суд указал на отсутствие оснований для проведения повторных ОРМ и, ссылаясь на решения Европейского суда по правам человека, признал действия оперативных сотрудников, инициировавших сбыт наркотиков гр. Болдышем А.Ю., провокационными. При этом в определении отмечено, что согласно ст. 6 Конвенции «О защите прав человека и основных свобод» от 4 ноября 1950 г. из требований справедливого суда вытекает, что общественные интересы в борьбе против наркоторговли не могут оправдать использование доказательств, полученных в результате провокации органов полиции. Ссылаясь на ст. 75 УПК РФ, суд признал доказательства, полученные по данному делу в

результате проведения повторных проверочных закупок наркотиков, недопустимыми.

Однако анализ опубликованной и изученной судебной практики за последние 3 года, к сожалению, позволяет признать, что не все судьи в своей деятельности руководствуются разъяснениями Верховного Суда РФ, а также правовыми позициями ЕСПЧ, изложенными в принятых ими решениях.

Так, проведенным нами исследованием (согласно нашей экспертной оценке) установлено, что 68,3% поступающих в суды первой инстанции уголовных дел о незаконном сбыте наркотиков по-прежнему не содержит достаточной совокупности доказательств, которые в полной мере могли бы подтверждать обстоятельства того, что к моменту принятия решения о проведении проверочной закупки в распоряжении органа дознания имелись сведения о том, что лицо приступило к осуществлению наркосбыта или подготавливалось к нему. Как представляется, отсутствие таких данных не может позволить дать положительную оценку законности действий должностных лиц, проводивших проверочную закупку наркотиков. Небезынтересен и тот факт, что большинством судов первой инстанции данные обстоятельства также остаются проигнорированными. Такой вывод строится на основе изученных нами приговоров, в содержание которых, помимо доказательств, включались ссылки на оперативные документы, составленные непосредственно в момент проведения проверочной закупки (акты проверочной закупки, наркотические средства, выданные закупщиком), и показания должностных лиц, утверждавших, что ОРМ они проводили на основании «ранее полученной оперативной информации». Причем, несмотря на то, что показания должностных лиц, проводивших проверочную закупку, ничем более не подтверждались, в 87,9% случаев от числа изученных нами приговоров они служили одним из распространённых видов доказательств, подтверждающих виновность подсудимого.

Нами было изучено более 250 приговоров судов первой инстанции по делам указанной категории за период 2010-2016 гг. Из них в 45,7% случаев проверка и оценка законности повторных проверочных закупок наркотиков и их результатов

производились судами тщательно – с учетом норм не только отраслевого российского законодательства, но и Конвенции «О защите прав человека и основных свобод», правовых позиций ЕСПЧ, которыми они руководствовались в целях постановления законного, обоснованного и справедливого приговора. Во всех остальных случаях приговоры содержали лишь ссылки на нормы действующего федерального законодательства без учета признаваемых Российской Федерацией международно-правовых норм и позиций, выраженных ЕСПЧ в ряде принятых им решений по рассмотрению жалоб о нарушении права на справедливое судебное разбирательство. Нам представляется, что в вопросах проверки и оценки результатов ОРД на предмет их допустимости и возможности использования при постановлении приговора судам целесообразно придерживаться единой практики, руководствуясь при этом не только нормами федерального законодательства, но также нормами международного права.

Неоднородность судебной практики в анализируемом вопросе проявляется и в том, что в ряде случаев на основе решений кассационной и надзорной судебных инстанций по пересмотру приговоров делается вообще вывод о запрете проведения повторных проверочных закупок наркотиков, а равно и запрете на использование результатов этих ОРМ при постановлении приговора. Между тем подобное толкование судебных решений не соответствует позиции Верховного Суда РФ, изложенной в вышеназванном обзоре по вопросам судебной практики по делам о незаконном обороте наркотических средств, и не способствует повышению эффективности противодействия наркопреступлениям оперативно-розыскными средствами и методами.

С учетом этого представляется необходимым рассмотреть ряд конкретных проблем, возникающих при исследовании судами вопросов о допустимости доказательств, сформированных на основе результатов ОРД.

1. Свидетельские показания должностных лиц, производивших ОРМ, являются возможным способом проверки законности ОРМ, поэтому вопрос об их допустимости исследовался в научной литературе. В этой связи было высказано предложение о том, что в силу заинтересованности в результатах рассмотрения

дела такие показания судам следует признавать недопустимыми, поскольку их использование влечет нарушение гарантированных Конституцией РФ прав и свобод человека и гражданина и установленного в УПК РФ порядка собирания доказательств¹. На наш взгляд, обозначенная точка зрения достаточно дискуссионна ввиду того, что каких-либо ограничений, связанных с возможностью допроса должностных лиц, осуществляющих ОРД, пусть даже заинтересованных в рассмотрении дела, уголовно-процессуальный закон не содержит. В соответствии со ст. 56 УПК РФ свидетелем может являться любое лицо, которому стали известны какие-либо обстоятельства, имеющие значение для расследования и разрешения уголовного дела, и которое вызвано для дачи показаний к следователю либо в суд.

Полагаем, что допустимость свидетельских показаний, полученных от должностных лиц, осуществляющих ОРД, может быть поставлена под сомнение лишь в тех случаях, когда они не находят своего подтверждения другими исследованными в судебном заседании доказательствами. Об этом было указано Верховным Судом РФ еще в 2008 г. в надзорном определении, вынесенном по жалобе Воронина Н.В., в которой оспаривалась законность постановленного в отношении него приговора. Так, по утверждениям Воронина, основанием для его осуждения явилась провокация со стороны сотрудников правоохранительных органов, которые не имели законных оснований для проведения в отношении него ОРМ. По итогам проверки материалов уголовного дела Воронина Судебной коллегией в числе иных нарушений было установлено, что суд первой инстанции не принял во внимание отсутствие в имеющихся материалах ОРД и в постановлении об их рассекретивании конкретных сведений о том, что осужденный занимался сбытом наркотических средств или готовился к нему. В результате Верховный Суд РФ посчитал, что простые утверждения свидетелей – сотрудников УФСКН – о том, что у органа дознания имелась информация об

¹ Чурилов Ю. Допустимое свидетельство вины // Эж-Юрист. 2008. № 3 [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс»; Бражников Е. Г. Показания следователя как свидетельство вины // Сайт Федеральной службы Российской Федерации по контролю за оборотом наркотиков [Электронный ресурс]. URL: <http://maikopskyr.adg.sudrf.ru>.

участии Воронина в наркоторговле, не могут быть приняты во внимание и служить достаточным основанием для постановления обвинительного приговора¹.

2. В деле «Лагутины и другие против России» ЕСПЧ отметил, что во всех уголовных делах, в которых сотрудники оперативных подразделений ссылались на секретную информацию из нераскрытых источников, якобы уличающую заявителей в сбыте наркотиков, судам главным образом надлежало установить наличие такой информации до первого контакта между негласным сотрудником и подозреваемым, оценить содержание этой информации и решить, должна ли она быть раскрыта защите. При известных обстоятельствах дел довод о подстрекательстве не мог быть рассмотрен без истребования *всех имеющихся оперативных материалов*, уличающих заявителей. Как подчеркнул ЕСПЧ, уклонение судов в рассмотрении обозначенных вопросов скомпрометировало исход судебного слушания, которое в целом не соответствовало фундаментальным гарантиям справедливого судебного разбирательства².

Возникает вопрос о том, что делать, если такие материалы носят секретный характер. В работах ученых высказываются различные точки зрения по этому вопросу, порой весьма оригинального характера. Так, Ю.А. Гармидов высказал предложение, согласно которому в том случае, если оперативные материалы имеют секретный характер, можно не представлять их в суд. Однако с ними должен ознакомиться прокурор, который по результатам ознакомления с ними подготавливает заключение, подлежащее исследованию в суде в качестве доказательства³. Представляется, что такое предложение не может быть поддержано, так как мнение одной из сторон по делу не может приобрести статус доказательства и исключить непосредственное изучение судом материалов, на которых оно основано. Поэтому отказ в рассекретивании данных (и отказ от их

¹ Определение Верховного Суда РФ от 14.03.2013 № 13-Д13-6 [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

² Постановление ЕСПЧ от 24 апреля 2014 г. (жалобы № 6228/09, 19123/09, 19678/07, 52340/08 и 7451/09) [Электронный ресурс]. URL: <http://cmiskp.echr.coe.int/tkp197/search.asp?skin=hudoc-en> (дата обращения: 07.04.2015).

³ Гармидов Ю. А. Некоторые особенности и проблемы использования результатов оперативно-розыскного мероприятия «проверочная закупка» в уголовном процессе // Вестник Калининградского юридического института МВД России. 2011. № 4. С. 54-58.

представления в суд) допустим, однако он должен вести к невозможности установления тех фактов, которые эти материалы были призваны подтвердить или опровергнуть, а значит должен (в силу возложения на сторону обвинения обязанности доказывания отсутствия провокации) быть истолкован в пользу стороны защиты.

3. Изучение приговоров за 2014-2015 гг. по делам о незаконном сбыте наркотиков высветило и другой аспект анализируемой нами проблемы – суды признают законность проведения повторных проверочных закупок наркотиков при том, что из обстоятельств дела такой вывод можно поставить под сомнение, если руководствоваться разъяснениями Верховного Суда РФ об условиях правомерности повторных ОРМ.

Так, например, в 2014 г. приговором Рубцовского городского суда Алтайского края Т. был осужден за покушение на незаконный сбыт наркотического средства «марихуана» в значительном размере. Из приговора следует, что Т., имея преступный умысел, направленный на незаконный сбыт наркотических средств, обрывал с дикорастущих растений конопли листья, изготавливал из них марихуану и подыскивал покупателей для последующей ее реализации. Виновность осужденного в незаконном сбыте наркотиков, помимо собранных в ходе расследования доказательств, подтверждалась результатами трижды проведенных в отношении него проверочных закупок.

Как следует из приговора, в рамках первой проверочной закупки органом дознания проводилась проверка информации о причастности Т. к сбыту наркотиков. Принимая во внимание, что Т. тщательно скрывал факт того, что изготовлением и продажей наркотиков он занимается самостоятельно, то вторая проверочная закупка была проведена с целью установления канала поступления наркотических средств и мест их хранения. Третья проверочная закупка была обоснована необходимостью установления возможных соучастников преступления и изъятия наркотического средства.

Проверив и оценив имевшиеся в деле результаты ОРД, суд посчитал, что все проведенные в отношении Т. проверочные закупки следует признать

законными и обоснованными, поскольку для каждого ОРМ было вынесено соответствующее постановление, содержащее новые цели и основания его проведения.

В результате суд пришел к выводу, что полученные по итогам проведения серии ОРМ сведения в совокупности с собранными в ходе предварительного следствия и проверенными в судебном заседании доказательствами можно признать допустимым свидетельством виновности Т. в совершении незаконного сбыта наркотиков¹.

К сожалению, в приговоре по данному делу не дается оценки соблюдения органом дознания важного критерия законности повторного проведения ОРМ – достигнуты ли новые цели повторных проверочных закупок. Как представляется, при отсутствии таковых результаты проведенных повторно ОРМ могут быть обоснованно поставлены под сомнение при оценке их в качестве допустимых доказательств.

Представляется, что приведенный нами пример является наглядным подтверждением тому, что суды РФ при постановлении приговоров, хотя и учитывают разъяснения Президиума Верховного Суда РФ, содержащиеся в Обзоре 2012 г., однако интерпретируют их по-разному. По нашему мнению, такое положение дел складывается в силу того, что данные Президиумом Верховного Суда РФ разъяснения все же недостаточны для того, чтобы скорректировать повседневную практику использования результатов ОРД при постановлении приговора. В сложившихся правовых реалиях, думается, назрела необходимость Верховному Суду РФ проанализировать и обобщить судебную практику, связанную с использованием результатов ОРД при принятии итогового по делу решения, и дать дополнительные руководящие разъяснения по рассматриваемым вопросам, изложив их в отдельном постановлении Пленума Верховного Суда

¹ Приговор Рубцовского городского суда Алтайского края от 18.09.2014 № 1-429/2014 [Электронный ресурс]. URL: россправосудие.ру. (дата обращения: 15.12.2015).

РФ¹. Такие разъяснения должны быть направлены на установление четкого порядка проведения ОРМ, который способствовал созданию гарантий, исключающих провокацию преступления.

Проведенное нами изучение судебных решений по делам анализируемой категории показало, что неоднозначную оценку со стороны судов получают результаты проверочных закупок наркотических средств, проводимых неоднократно в отношении одного и того же лица.

Так, судебной практике известны случаи, когда в ходе проверки материалов повторных ОРМ обнаруживалось, что серия проведенных ПЗН осуществлялась в отношении одних и тех же лиц и без достаточных к тому оснований и целей. Однако при рассмотрении дел в судах первой инстанции основания их проведения часто не исследовались, оценка правомерности действий органа дознания, осуществлявшего ОРД, не давалась, результаты повторных проверочных закупок, как правило, недопустимыми не признавались. Такая практика проведения серии однотипных ОРМ в отношении одних и тех же лиц, по нашим наблюдениям, была достаточно распространена примерно до 2012 г. и со временем привела к тому, что в суды второй инстанции стали поступать жалобы от осужденных за незаконный сбыт наркотиков, в которых они оспаривали законность проведения повторных ПЗН и, соответственно, их результатов, служивших основанием для постановления обвинительных приговоров. Причиной обжалования являлись факты необоснованного их проведения, сопровождающиеся, по мнению осужденных, провокационными действиями сотрудников правоохранительных органов, в результате чего искусственно создавались доказательства их виновности в незаконном сбыте наркотиков.

В качестве наглядного примера, характеризующего принятие судами решений по делам указанной категории на основе повторных проверочных закупок, можно привести уголовное дело, расследованное по обвинению

¹ Пашаева Э. Х., Давыдов С. И. О судебной практике, связанной с оценкой результатов повторных проверочных закупок при принятии процессуальных решений по делам о незаконном сбыте наркотических средств // Алтайский юридический вестник. 2016. № 1(13). С. 95.

Пахомова В.Н., который 8 октября 2009 г. был осужден Первомайским районным судом г. Омска за четыре факта покушения на сбыт наркотических средств. Его преступные действия изначально были задокументированы органом дознания посредством проведения ОРМ, причем практически ежедневно – 2, 3, 5 и 6 июля 2009 г. При рассмотрении дела по существу суд первой инстанции не признал доказательства, полученные в результате повторных проверочных закупок, недопустимыми. И лишь спустя три года Верховный Суд Российской Федерации, рассмотрев надзорную жалобу Пахомова В.Н., в своем определении отметил, что вопреки задачам ОРД после того, как 2 июля 2009 г. сотрудники правоохранительных органов выявили факт сбыта Пахомовым В.Н. наркотического средства, они не пресекли его действия, а вновь 3, 5 и 6 июля 2009 г. провели с участием одного и того же «покупателя» серию ОРМ в отношении уже известного им лица, спровоцировав его на дальнейшую продажу наркотических средств, тем самым искусственно создав доказательства виновности. При этом, как указывает суд, действия оперативных сотрудников, связанные с проведением ОРМ в отношении Пахомова В.Н., не вызывались необходимостью, так как проводились в отношении того же лица и только с целью документирования его преступной деятельности.

В итоге доказательства, полученные по результатам трех повторных проверочных закупок и положенные в основу обвинения Пахомова В.Н., были признаны Верховным Судом Российской Федерации недопустимыми.

Представляется, что распространение практики проведения необоснованных ПЗН и признание полученных на их основе доказательств по уголовным делам были обусловлены отсутствием у практических работников четких разъяснений, оснований и целей их проведения. Так, 87,4% опрошенных нами должностных лиц, осуществляющих ОРД, а также судей считали, что повторная проверочная закупка является дополнительным обоснованием правомерности проводимых ОРМ, а ее результаты подтверждают преступный умысел лица, направленный на регулярный сбыт наркотиков.

Более того, изученная нами судебная практика позволяет сделать вывод, что в 62,4% случаев проведение повторных проверочных закупок вызывалось необходимостью искусственного завышения показателей количества выявленных фактов незаконного сбыта наркотиков, каждый из которых признавался судом как отдельное преступление.

Нельзя отрицать и того, что основная доля проводимых повторных проверочных закупок приходилась на сбытчиков наркотиков низшего звена, как правило, наркозависимых и сбывающих мелкие партии лицам из своего окружения или лицам, являющимся мелкими посредниками, но не наркоторговцами. Причины возникновения такой практики очевидны, они заключаются в том, что установление и изобличение такого рода лиц не представляет особого труда и одновременно обеспечивает высокий уровень показателей работы органа дознания, осуществляющего ОРД.

В этой связи А.Е. Чечетиным совершенно справедливо было высказано замечание о том, что данные лица способны лишь оказывать посредничество в приобретении наркотиков, а потому целесообразнее, чтобы объектом обозначенного мероприятия все же становились лица, не просто владеющие наркотиками, а занимающиеся их регулярным сбытом.

Стоит отметить, что практика проведения повторных ПЗН и судебной оценки полученных на их основе доказательств по делам о незаконном сбыте наркотиков несколько изменилась после разъяснений, сделанных Президиумом Верховного Суда РФ в июне 2012 г. и изложенных в Обзоре судебной практики по уголовным делам о преступлениях, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных, сильнодействующих и ядовитых веществ.

Так, в частности, следует выделить разъяснение Верховного Суда РФ о том, что проведение повторной проверочной закупки у одного и того же лица может быть признано допустимым ОРМ, однако лишь тогда, когда оно обосновано и мотивировано, в том числе новыми основаниями и целями. Кроме того, среди разъяснений содержалось указание на то, что в обязательном порядке должно быть вынесено новое мотивированное постановление, утвержденное

руководителем органа, осуществляющего ОРД. Целями повторной проверочной закупки, как разъясняет высший судебный орган, могут являться пресечение и раскрытие организованной преступной деятельности и установление всех ее соучастников, выявление преступных связей наркоторговцев, установление каналов поступления наркотиков, выявление мест производства и хранения наркотиков. Повторное проведение ОРМ допустимо и в тех случаях, когда в результате первого аналогичного ОРМ не были достигнуты цели (к примеру, наркоторговец догадался о проводимом в отношении него мероприятии). А по итогам проведенной повторной проверочной закупки должны быть получены новые результаты, соответствующие целям ее проведения.

Важным ориентиром для оперативно-розыскной и судебной практики является указание Верховного Суда РФ и о том, что если при рассмотрении уголовного дела суд установит отсутствие новых оснований для проведения повторного ОРМ, то доказательства, полученные в результате такого мероприятия, безусловно, должны признаваться недопустимыми.

Следует заметить, что выраженная Верховным Судом РФ правовая позиция относительно допустимости пределов повторных ОРМ нашла свое отражение в практике судов кассационной и надзорной инстанции, которые стали подвергать тщательному исследованию результаты повторных проверочных закупок и в случае отсутствия новых оснований и целей для их проведения расценивать действия органа, осуществлявшего ОРД, как провокацию преступления.

В то же время представляется возможным усомниться в том, что любая проверочная закупка (если она не соответствует условиям, определенным Верховным Судом РФ) должна рассматриваться как нарушение закона. Мы присоединяемся к точке зрения тех авторов, которые указывают на то, что проверочная закупка как оперативно-розыскное мероприятие может преследовать два вида целей: она может проводиться либо в разведывательных, поисковых целях, либо в целях документирования преступной деятельности¹. Т.В.

¹ Нагоева М. А. Использование результатов ОРД в ходе предварительного расследования // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 1-1; URL: <https://www.science-education.ru/ru/article/view?id=19631> (дата

Трубникова высказала в своей работе обоснованное мнение о том, что в России часто происходит смешение в одном ОРД этих двух целей, результатом чего и становятся результаты проверочных закупок, до проведения которых отсутствовали достаточные данные о причастности лица к наркоторговле. Однако, по ее мнению, хотя результаты такой «поисковой» закупки и нельзя использовать в качестве доказательств преступной деятельности лица (будут нарушены критерии провокации), но они могут быть использованы в целях обоснования необходимости проведения второй проверочной закупки, которая уже будет осуществляться в целях документирования преступной деятельности и результаты которой могут использоваться в доказывании. Такая «вторая» проверочная закупка не должна при этом рассматриваться как «повторная»¹. Представляется, что такое предложение заслуживает поддержки, поскольку оно позволит органам, осуществляющим ОРД, подготовить материалы для обоснования обоснованности проверочной закупки, производимой с целью документирования преступной деятельности лица, которые могли бы в дальнейшем быть исследованы в суде в случае заявления стороной защиты о провокации. Данный подход способен позволить реализовать правовые позиции ЕСПЧ и Конституционного Суда РФ в правоприменительной практике РФ без кардинальной «ломки» российского уголовно-процессуального законодательства и законодательства об оперативно-розыскной деятельности.

Таким образом, для проверки сведений о наличии/отсутствии признаков провокации результаты ОРД могут использоваться в судебном разбирательстве как в непосредственной, так и в опосредованной форме, но только в том случае, если стороной защиты было сделано заявление о провокации.

Выводы:

1. Результаты ОРД могут являться как поводом (при условии оформления их рапортом), так и основанием для возбуждения уголовного дела.

обращения: 10.03.2017); Ковалев В. Н. Возбуждение уголовных дел в связи с незаконным оборотом наркотиков по результатам ОРД // Научный вестник Омской академии МВД России. 2009. № 1 (32). С. 29-32.

¹ Трубникова Т. В. Запрет на использование данных, полученных в результате провокации преступления, как один из элементов права на судебную защиту и гарантии его реализации в уголовном процессе РФ // Вестник Томского государственного университета. Право. 2015. № 2 (16). С. 109-127.

2. В распоряжении следователя имеются определенные возможности по проверке законности результатов ОРД, содержащих в себе сведения о признаках преступления, но их не вполне достаточно для полной проверки с учетом отсутствия независимого контроля за деятельностью органов, осуществляющих ОРД.

3. Результаты ОРД могут быть использованы в непосредственной форме в качестве самостоятельного фактического основания принимаемого должностным лицом решения о задержании.

4. Усиление процессуальной самостоятельности, укрепление независимости следователя, выведение его из числа участников, действующих на стороне обвинения, признание за следователем в качестве основной функции расследования приведут к тому, что такой независимый следователь будет способен стать той оптимальной фигурой, которая сможет осуществлять действенный, независимый контроль за оперативно-розыскной деятельностью, введения которого и ожидает ЕСПЧ. Поручение следователю контроля за деятельностью органов, осуществляющих ОРД, даст ему возможность своевременно и полно проверять результаты ОРД, исключая возможность возбуждения уголовных дел в случае совершения провокации преступления или при наличии других нарушений закона, требовать от органов, осуществляющих ОРД, собирания достаточного объема результатов ОРД, а также решит вопрос со своевременным возбуждением уголовных дел по таким материалам, предоставив тем самым задержанному лицу гарантии реализации его права на свободу и личную неприкосновенность, на доступ к адвокату, его права на защиту.

5. Второй возможный вариант действий в целях своевременного возбуждения уголовных дел по результатам ОРД состоит в самостоятельном принятии решения о возбуждении уголовного дела органом дознания, осуществлявшим ОРД. Обосновано, что такое предложение не противоречит положениям, закрепленным в ч. 2 ст. 40, ч. 1 ст. 157 УПК РФ.

6. Обосновано, что некоторые процессуальные решения могут в качестве «временного» варианта основываться на непосредственном использовании

результатов ОРД. Однако они должны подлежать обязательному пересмотру через непродолжительное время, но уже путем исследования конкретных фактических данных, извлеченных из источников, на которые указывают результаты ОРД. К числу таких решений в работе отнесено постановление об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу.

7. Необходимо уточнить ч. 1 ст. 108 УПК РФ путем исключения из ее содержания двойного отрицания («Таковыми обстоятельствами не могут являться данные, не проверенные в ходе судебного заседания, в частности результаты оперативно-розыскной деятельности, представленные в соответствии с требованиями ст. 89 УПК РФ»). Данное уточнение позволит скорректировать единое представление правоприменителя о том, что результаты ОРД могут формировать фактическую совокупность оснований процессуального решения об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу.

8. Результаты ОРД при определенных условиях способны соответствовать критериям достаточности данных, позволяющих принять решение о производстве обыска в исключительных случаях, не терпящих отлагательства. В тех ситуациях, когда проведение анализируемого следственного действия носит плановый характер, а также по делу имеются собранные доказательства, следователю (дознавателю) целесообразно использовать результаты ОРД в непосредственной форме в качестве второстепенного компонента, образующего в совокупности с доказательствами фактическое основание процессуального решения о производстве обыска.

9. При постановлении приговора по общему правилу результаты ОРД могут использоваться:

а) для решения вопроса о виновности/невиновности подсудимого в совершении преступления – только в опосредованной форме;

б) для проверки доказательств, полученных путем трансформации (опосредования) результатов ОРД, – преимущественно в опосредованной форме. Обосновано, что в непосредственной форме результаты ОРД могут быть использованы в данном качестве только по инициативе стороны защиты;

в) для проверки сведений о наличии/отсутствии признаков провокации как в непосредственной, так и в опосредованной форме, но только если стороной защиты было сделано заявление о провокации.

10. При разрешении вопроса о возможности допроса конфиденциального осведомителя следует учитывать как общественные интересы, так и права и законные интересы различных участников. Баланс частных и публичных интересов видится в следующем:

1) конфиденциальный осведомитель имеет право отказаться разглашать информацию о себе. В этом случае он не подлежит допросу в суде (или следователем). Он может согласиться дать показания на условиях конфиденциальности и в условиях, затрудняющих установление его личности. В этом случае вопрос о возможности его допроса в данных условиях будет решаться судом. Однако, если суд примет решение, что нет достаточных оснований для сохранения его конфиденциальности в ходе его допроса, ему законом должно быть предоставлено право отказаться от дачи показаний;

2) оперативно-розыскные органы могут выбирать, какой из интересов является более важным в конкретной ситуации: сохранение конфиденциальности (и снижение возможности доказать вину обвиняемого) или участие конфиденцианта в качестве свидетеля по делу. Однако они не могут подменять его показания какими-либо другими источниками сведений. Например, представляется совершенно неприемлемым предложение, согласно которому вместо допроса конфиденциального сотрудника, отказавшегося от раскрытия данных о нем, можно представить тайно сделанную запись беседы с ним;

3) суд обязан разрешить вопрос о возможности сохранения в тайне сведений о личности свидетеля с учетом позиций сторон и позиции лица, являющегося источником информации. В этих целях судья должен конфиденциально, вне условий судебного заседания поговорить с данным лицом, чтобы на основании беседы с ним (и с учетом позиции сторон) принять собственное решение по данному вопросу.

11. При исследовании судом вопросов о наличии/отсутствии провокации:

1) свидетельские показания должностных лиц, производивших ОРМ, являются возможным (но не единственным) способом проверки наличия/отсутствия провокации;

2) отказ в рассекречивании данных (и отказ от их представления в суд) допустим, однако он должен вести к невозможности установления тех фактов, которые эти материалы были призваны подтвердить или опровергнуть, а значит должен (в силу возложения на сторону обвинения обязанности доказывания отсутствия провокации) быть истолкован в пользу стороны защиты;

3) проверочные закупки следует разграничивать по их цели на поисковые и проведенные в целях документирования преступной деятельности. Результаты «поисковой» закупки нельзя использовать в качестве доказательств преступной деятельности лица (будут нарушены критерии провокации), но они могут быть использованы в целях обоснования необходимости проведения второй проверочной закупки, которая будет осуществляться уже в целях документирования преступной деятельности и результаты которой могут использоваться в доказывании. Такая «вторая» проверочная закупка не должна при этом рассматриваться как «повторная». Это позволит органам, осуществляющим ОРД, подготовить материалы для обоснования обоснованности проверочной закупки, производимой с целью документирования преступной деятельности лица, которые могли бы в дальнейшем быть исследованы в суде в случае заявления стороны защиты о провокации. Данный подход способен позволить реализовать правовые позиции ЕСПЧ и Конституционного Суда РФ в правоприменительной практике РФ без кардинальной «ломки» российского уголовно-процессуального законодательства и законодательства об оперативно-розыскной деятельности.

Заключение

Проведенное нами исследование позволило сделать следующие выводы:

1. Полномочия следователя в российском уголовном процессе с учетом особенностей его исторического генезиса следует определять как «судебно-следственные», а в качестве основной функции следователя необходимо рассматривать не обвинение, а предварительное расследование. Только признание за следователем такого положения и наделение его реальной процессуальной независимостью может детерминировать существование у него возможностей досудебного разбирательства собирать (формировать) «готовые» доказательства и самостоятельно принимать окончательное решение по делу (в форме его прекращения).

2. Следственная и оперативно-розыскная деятельность различаются:

1) **По цели деятельности.** Цель деятельности следователя – всесторонне, полно и объективно исследовать обстоятельства дела с тем, чтобы в зависимости от результатов либо сформулировать обвинение и передать дело в суд, либо прекратить уголовное дело/уголовное преследование. Целью же ОРД является раскрытие, пресечение, предупреждение преступлений.

2) **По характеру требований к субъектам.** Для выполнения функции расследования следователь должен быть максимально независим и беспристрастен. Напротив, в силу самого характера ОРД – это деятельность активная, заинтересованная, наступательная. Лица, которые ее осуществляют, не могут сохранять беспристрастность. Им не должна быть присуща независимость, напротив, их деятельность должна быть помещена под жесткий как ведомственный, так и независимый контроль.

3) **По характеру процедуры.** Именно судебное разбирательство, непосредственное исследование судом доказательств в условиях гласной, состязательной процедуры способны дать максимальные гарантии установления истины по делу. Поэтому деятельность следователя была по возможности максимально приближена к судебной. В то же время это пожелание невозможно

реализовать полностью в силу того, что на следователя одновременно возлагается и обвинительная функция, он должен действовать в целях раскрытия преступления, установления лиц, виновных в его совершении. Поэтому для уголовно-процессуальной формы досудебного производства характерно сочетание тайны предварительного следствия с открытостью, наличие у участников возможностей знакомиться с некоторыми материалами дела (существенно затрагивающими их права и законные интересы), пользоваться квалифицированной юридической помощью, обжаловать действия и решения следователя и т.д. Уголовно-процессуальная форма досудебного производства призвана дать достаточные гарантии достоверности собираемых следователем доказательств, а также гарантии защиты прав участников уголовного процесса. Процедура осуществления оперативно-розыскной деятельности в силу ее цели и задач с необходимостью должна иметь преимущественно тайный, закрытый, конфиденциальный характер. Результаты ОРД могут не содержать ссылок на первоначальный источник информации в силу его конфиденциального характера. Тайность, необходимость быстроты осуществления ОРД сильно ограничивают возможности защиты прав его участников. В результате проверить достоверность результатов ОРД и отсутствие нарушений прав граждан при их получении, исходя из самих результатов ОРД, будет невозможно.

3. Существенные отличия между уголовно-процессуальной и оперативно-розыскной деятельностью, положение в процессе и функция следователя как беспристрастного исследователя делают недопустимым расширение перечня следственных действий, содержащегося в УПК РФ, за счет введения в УПК «негласных (тайных) следственных действий», а также исключают возможность предоставления следователю полномочий самостоятельно осуществлять негласные (тайные) следственные или оперативно-розыскные действия.

4. Несмотря на то что в ходе осуществления ОРД извлекается (получается) информация, которая может быть признана соответствующей критерию относимости, однако с учетом существенных различий между оперативно-розыскной деятельностью и процессуальной деятельностью следователя

результаты ОРД не могут приравниваться к доказательствам и как таковые, «в готовой форме», непосредственно использоваться для установления обстоятельств, перечисленных в ст. 73 УПК РФ, в особенности для решения вопроса о виновности.

5. Под результатами оперативно-розыскной деятельности следует понимать источники, содержащие сведения о признаках подготавливаемого, совершаемого или совершенного преступления, лицах, подготавливающих, совершающих или совершивших преступление, в том числе скрывшихся от органов дознания, следствия или суда, а также о лицах, которым могут быть известны какие-либо обстоятельства, имеющие значение для расследования, полученные в соответствии с федеральным законом об оперативно-розыскной деятельности.

6. Представленные следователю, дознавателю, суду результаты ОРД «в готовом виде», без производства следственных действий могут быть проверены лишь в части:

а) проверки законности их получения, с точки зрения соответствия их положениям Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности». При этом такая проверка будет достаточно фрагментарной, а потому не может считаться окончательной;

б) проверки соблюдения порядка их рассекречивания и передачи дознавателю, органу дознания, следователю, прокурору или в суд.

Другие способы и возможности проверки представленных результатов ОРД в «готовом виде» у следователя, органа дознания, суда отсутствуют.

7. Для того чтобы использовать информацию, являющуюся содержанием результатов ОРД, в доказывании, для решения вопроса о виновности лица в инкриминируемом ему деянии, необходимо установить первоисточник этой информации и извлечь ее из этого источника – уже с соблюдением требований уголовно-процессуальной формы. Только такой способ позволяет полноценно проверить и оценить достоверность информации, содержащейся в результатах ОРД.

На этой основе предложено различать два способа использования результатов ОРД при принятии процессуальных решений:

а) в непосредственной форме. При этом результаты ОРД используются в том виде, в каком они были представлены, после их проверки с точки зрения законности их получения и с точки зрения соблюдения условий и порядка их представления. В этой форме результаты ОРД не могут использоваться для разрешения вопроса о виновности лица в совершении инкриминируемого ему деяния;

б) в опосредованной форме, после трансформации результатов ОРД в доказательства. Такая трансформация должна представлять собой формирование доказательств, производимое на основе сведений о первоначальных источниках информации, извлеченных из результатов ОРД, то есть включать самостоятельное извлечение следователем, дознавателем или судом информации из тех источников, на которые указывают переданные результаты ОРД, ее закрепление и фиксацию (допрос свидетелей, истребование предметов и документов, осмотр и приобщение к делу вещественных доказательств, назначение экспертизы и т.д.).

Подмена опосредованной формы использования результатов ОРД непосредственным их использованием в тех случаях, когда решается вопрос о виновности, недопустима.

8. Система требований к допустимости результатов ОРД, подлежащих преобразованию в доказательства, должна включать:

а) установление первоисточника информации и извлечение информации из него;

б) наличие достаточной совокупности результатов ОРД (если на их основе может быть получена такая совокупность доказательств, которая даст возможность оценить достоверность результатов ОРД и соблюдение при проведении ОРМ прав участников);

в) возможность проверки «трансформированных» результатов ОРД в суде в условиях состязательности (с точки зрения их достоверности, соблюдения прав

участников в ходе ОРМ и с точки зрения признаков наличия/отсутствия провокации).

9. Предложена классификация процессуальных решений, в основу которой положены признаки: а) степени важности быстроты принятия процессуального решения; б) степени опасности ошибки при принятии процессуального решения; в) наличия возможности исправить эту ошибку с наименьшими потерями. На основе этих признаков все уголовно-процессуальные решения делятся на три группы:

1) решения, при принятии которых результаты ОРД могут использоваться непосредственно в качестве фактических оснований их принятия;

2) решения, при принятии которых результаты ОРД используются непосредственно, но только в качестве дополнительных данных о фактических основаниях, наряду с доказательствами;

3) решения, при принятии которых результаты ОРД используются, как правило, только в опосредованной форме. В этом случае результаты ОРД непосредственно могут быть использованы только для проверки законности производства ОРМ и для проверки достоверности доказательств, извлеченных из источников, на которые указывали результаты ОРД.

10. Результаты ОРД могут являться как поводом (при условии оформления их рапортом), так и основанием для возбуждения уголовного дела.

11. В распоряжении следователя имеются определенные возможности по проверке законности результатов ОРД, содержащих в себе сведения о признаках преступления, но их не вполне достаточно для полной проверки, с учетом отсутствия независимого контроля за деятельностью органов, осуществляющих ОРД.

12. Результаты ОРД могут быть использованы в непосредственной форме в качестве самостоятельного фактического основания принимаемого должностным лицом решения о задержании.

13. Усиление процессуальной самостоятельности, укрепление независимости следователя, выведение его из числа участников, действующих на

стороне обвинения, признание за следователем, в качестве основной, функции расследования приведут к тому, что такой независимый следователь будет способен стать той оптимальной фигурой, которая сможет осуществлять действенный, независимый контроль за оперативно-розыскной деятельностью, введения которого и ожидает ЕСПЧ. Поручение следователю контроля за деятельностью органов, осуществляющих ОРД, даст ему возможность своевременно и полно проверять результаты ОРД, исключая возможность возбуждения уголовных дел в случае совершения провокации преступления или при наличии других нарушений закона, требовать от органов, осуществляющих ОРД, собирания достаточного объема результатов ОРД, а также решит вопрос со своевременным возбуждением уголовных дел по таким материалам, предоставив тем самым задержанному лицу гарантии реализации его права на свободу и личную неприкосновенность, на доступ к адвокату, его право на защиту.

14. Второй возможный вариант действий в целях своевременного возбуждения уголовных дел по результатам ОРД, состоит в самостоятельном принятии решения о возбуждении уголовного дела органом дознания, осуществлявшим ОРД. Обосновано, что такое предложение не противоречит положениям, закрепленным в ч. 2 ст. 40, ч. 1 ст. 157 УПК РФ.

15. Обосновано, что некоторые процессуальные решения могут в качестве «временного» варианта, основываться на непосредственном использовании результатов ОРД. Однако они должны подлежать обязательному пересмотру через непродолжительное время, но уже путем исследования конкретных фактических данных, извлеченных из источников, на которые указывают результаты ОРД. К числу таких решений в работе отнесено постановление об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу.

16. Необходимо уточнить ч. 1 ст. 108 УПК РФ путем исключения из ее содержания двойного отрицания («Таковыми обстоятельствами не могут являться данные, не проверенные в ходе судебного заседания, в частности результаты оперативно-розыскной деятельности, представленные в соответствии с требованиями ст. 89 УПК РФ»). Данное уточнение позволит скорректировать

единое представление правоприменителя о том, что результаты ОРД могут формировать фактическую совокупность оснований процессуального решения об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу.

17. Результаты ОРД при определенных условиях способны соответствовать критериям достаточности данных, позволяющих принять решение о производстве обыска в исключительных случаях, не терпящих отлагательства. В тех ситуациях, когда проведение анализируемого следственного действия носит плановый характер, а также по делу имеются собранные доказательства, следователю (дознавателю) целесообразно использовать результаты ОРД в непосредственной форме в качестве второстепенного компонента, образующего в совокупности с доказательствами фактическое основание процессуального решения о производстве обыска.

18. При постановлении приговора по общему правилу результаты ОРД могут использоваться:

а) для решения вопроса о виновности/невиновности подсудимого в совершении преступления – только в опосредованной форме;

б) для проверки доказательств, полученных путем трансформации (опосредования) результатов ОРД, – преимущественно в опосредованной форме. Обосновано, что в непосредственной форме результаты ОРД могут быть использованы в данном качестве только по инициативе стороны защиты;

в) для проверки сведений о наличии/отсутствии признаков провокации – как в непосредственной, так и в опосредованной форме, но только если стороной защиты было сделано заявление о провокации.

19. При разрешении вопроса о возможности допроса конфиденциального осведомителя следует учитывать как общественные интересы, так и права и законные интересы различных участников. Баланс частных и публичных интересов видится в следующем:

1) конфиденциальный осведомитель имеет право отказаться разглашать информацию о себе. В этом случае он не подлежит допросу в суде (или следователем). Он может согласиться дать показания на условиях

конфиденциальности и в условиях, затрудняющих установление его личности. В этом случае вопрос о возможности его допроса в данных условиях будет решаться судом. Однако, если суд примет решение, что нет достаточных оснований для сохранения его конфиденциальности в ходе его допроса, ему законом должно быть предоставлено право отказаться от дачи показаний;

2) оперативно-розыскные органы могут выбирать, какой из интересов является более важным в конкретной ситуации: сохранение конфиденца в тайне (и снижение возможности доказать вину обвиняемого) или участие конфиденца в качестве свидетеля по делу. Однако они не могут подменять его показания какими-либо другими источниками сведений. Например, предоставляется совершенно неприемлемым предложение, согласно которому вместо допроса конфиденциального сотрудника, отказавшегося от раскрытия данных о нем, можно представить тайно сделанную запись беседы с ним;

3) суд обязан разрешить вопрос о возможности сохранения в тайне сведений о личности свидетеля с учетом позиций сторон и позиции лица, являющегося источником информации. В этих целях судья должен конфиденциально, вне условий судебного заседания поговорить с данным лицом, чтобы на основании беседы с ним (и с учетом позиции сторон) принять собственное решение по данному вопросу.

20. При исследовании судом вопросов о наличии/отсутствии провокации:

1) свидетельские показания должностных лиц, производивших ОРМ, являются возможным (но не единственным) способом проверки наличия/отсутствия провокации;

2) отказ в рассекречивании данных (и отказ от их представления в суд) допустим, однако он должен вести к невозможности установления тех фактов, которые эти материалы были призваны подтвердить или опровергнуть, а значит должен (в силу возложения на сторону обвинения обязанности доказывания отсутствия провокации) быть истолкован в пользу стороны защиты;

3) проверочные закупки следует разграничивать по их цели на поисковые и проведенные в целях документирования преступной деятельности. Результаты

«поисковой» закупки нельзя использовать в качестве доказательств преступной деятельности лица (будут нарушены критерии провокации), но они могут быть использованы в целях обоснования необходимости проведения второй проверочной закупки, которая будет осуществляться уже в целях документирования преступной деятельности и результаты которой могут использоваться в доказывании. Такая «вторая» проверочная закупка не должна при этом рассматриваться как «повторная». Это позволит органам, осуществляющим ОРД, подготовить материалы для обоснования обоснованности проверочной закупки, производимой с целью документирования преступной деятельности лица, которые могли бы в дальнейшем быть исследованы в суде в случае заявления стороны защиты о провокации. Данный подход способен позволить реализовать правовые позиции ЕСПЧ и Конституционного Суда РФ в правоприменительной практике РФ без кардинальной «ломки» российского уголовно-процессуального законодательства и законодательства об оперативно-розыскной деятельности.

В контексте полученных в диссертационном исследовании результатов представляются перспективными направления научных исследований, связанные:

1) с исследованием процессуальной роли следователя, с исследованием способов, направленных на повышение его независимости, процессуальной самостоятельности;

2) разработкой механизма осуществления следователем независимого процессуального контроля за деятельностью органов дознания;

3) определением конкретных форм и способов трансформации результатов ОРД в доказательства, применимых для различных результатов ОРД и по разным категориям уголовных дел.

Список использованных источников и литературы

Законодательные акты

1. Конвенция о защите прав человека и основных свобод: заключена в Риме 04.11.1950, с изм. от 13.05.2004 (вместе с Протоколом [№ 1] (подписан в Париже 20.03.1952), Протоколом № 4 об обеспечении некоторых прав и свобод, помимо тех, которые уже включены в Конвенцию и первый Протокол к ней (подписан в Страсбурге 16.09.1963), Протоколом № 7 (подписан в Страсбурге 22.11.1984)) // Бюллетень международных договоров. – 2001. – № 3.
2. Конвенция Организации Объединенных Наций о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ: заключена в г. Вене 20.12.1988 // Сборник международных договоров СССР и Российской Федерации. – Вып. XLVII. – М., 1994. – С. 133-157.
3. Конституция Российской Федерации: принята 12 декабря 1993 г. всенародным голосованием // Российская газета. – 1993. – 25 дек. (с последними поправками от 21.07.2014 г. № 11-ФКЗ) // СЗ РФ. – 2014. – № 31. – Ст. 4398.
4. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 №63-ФЗ : принят ГД ФС РФ 24.05.1996. Изменения, внесенные Федеральным законом от 01.05.2016 № 441-ФЗ, вступают в силу по истечении 60 дней после дня официального опубликования (опубликован на Официальном интернет-портале правовой информации). – URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 19.05.2016).
5. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР: утвержден ВС РСФСР 27.10.1960) // Ведомости ВС РСФСР. – 1960. – № 40. – Ст. 592.
6. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ: принят ГД ФС РФ 22.11.2001 Изменения, внесенные Федеральным законом от 19.12.2016 (вступ. в силу с 01.01.2017) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 10.02.2017).
7. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 №195-ФЗ: принят ГД ФС РФ 20.12.2001 (с изм. и доп., вступ. в силу

с 01.03.2017) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения 10.02.2017).

8. О милиции [Электронный ресурс]: Закон РФ от 18.04.1991 № 1026-1 (ред. от 27.07.2010). Документ утратил силу с 1 марта 2011 г. в связи с принятием Федерального закона от 07.02.2011 № 3-ФЗ. – Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

9. О полиции [Электронный ресурс]: федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ (ред. от 03.07.2016, с изменениями от 19.12.2016) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 10.02.2017).

10. Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и Союзных республик // Ведомости Верховного Совета СССР. – 1959. – № 1. – Ст. 15.

11. Об оперативно-розыскной деятельности в Российской Федерации: Закон РФ от 13 марта 1992 г. № 2506-1 // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. – 1992. – № 17.

12. Об оперативно-розыскной деятельности [Электронный ресурс]: федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ (ред. от 06.07.2016) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 10.02.2017).

13. Об информации, информационных технологиях и о защите информации [Электронный ресурс]: федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ: принят ГД ФС РФ 08.07.2006 (ред. от 19.12.2016, с изм и доп., вступ. в силу с 01.01.2017). – Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 10.02.2017).

14. О государственной тайне [Электронный ресурс]: Закон РФ от 21.07.1993 № 5485-1 (изм. от 08.03.2015 № 23-ФЗ). – Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 10.02.2017).

15. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с ратификацией Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции от 31 октября 2003 г. и Конвенции об уголовной ответственности за коррупцию от 27 января 1999 г. [Электронный ресурс]:

федеральный закон от 25.12.2008 № 280-ФЗ. – Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

16. О персональных данных: федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ принят ГД ФС РФ 08.07.2006 (ред. от 22.02.2017). – Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

17. О статусе судей в Российской Федерации [Электронный ресурс]: Закон РФ от 26.06.1992 № 3132-1 (ред. от 03.07.2016, с изм. от 19.12.2016). – Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 10.02.2017).

18. О средствах массовой информации [Электронный ресурс]: Закон РФ от 27.12.1991 № 2124-1 (ред. 03.07.2016). – Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

19. Об утверждении Правил отнесения сведений, составляющих государственную тайну, к различным степеням секретности: постановление Правительства РФ от 04.09.1995 № 870 (ред. от 22.05.2008) // Сборник законодательства РФ. – 1995. – № 37. – Ст. 3619.

Постановления и определения Конституционного Суда РФ

20. По делу о проверке конституционности статей 1 и 21 Закона Российской Федерации от 21 июля 1993 года «О государственной тайне» в связи с жалобами граждан В.М. Гурджиянца, В.Н. Синцова, В.Н. Бугрова и А.К. Никитина: постановление Конституционного Суда РФ от 27.03.1996 № 8-П // Сборник законодательства РФ. – 1996. – № 15. – Ст. 1768.

21. По делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» по жалобе гражданки И.Г. Черновой: определение Конституционного Суда РФ от 14.07.1998 № 86-О // Сборник законодательства РФ. – 1998. – № 34. – Ст. 4368.

22. По делу о проверке конституционности отдельных положений части первой статьи 47 и части второй статьи 51 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В.И. Маслова [Электронный ресурс]: постановление Конституционного Суда РФ от 27.06.2000 г. – Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

23. По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 7, 15, 107, 234 и 450 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы [Электронный ресурс]: постановление Конституционного Суда РФ от 29.06.2004 г. № 13-П Ст. 2804. – Доступ из СПС «Гарант».

24. По делу о проверке конституционности абзаца второго статьи Федерального закона «О садоводческих, огороднических и дачных некоммерческих объединениях граждан» в связи с жалобами ряда граждан: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 14.04.2008 № 7-П // Собрание Законодательства РФ. – 2008. – № 18. – Ст. 2089.

25. По делу о проверке конституционности ряда положений статей 24.5, 27.1, 27.3, 27.5, и 30.7 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, пункта 1 статьи 1070 и абзаца третьего статьи 1100 Гражданского кодекса Российской Федерации и статьи 60 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан М.Ю. Карелина, В.К. Рогожкина и М.В. Филандрова: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 13.07.2010 г. № 9-П // Российская газета. – 2009. – 3 июля.

26. По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 188 Уголовного кодекса Российской Федерации, части 4 статьи 4.5., части 1 статьи 16.2. и части 2 статьи 27.11 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобами граждан В.В. Баталова, Л.Н. Валуевой, З.Я. Ганиевой, О.А. Красной и И.В. Эпова: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 13.07.2010 г. № 15-П // Собрание Законодательства РФ. – 2010. – № 162.

27. По делу о проверке конституционности положений пункта 7 статьи 16 Закона Российской Федерации «О статусе судей в Российской Федерации» и части первой статьи 9 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» в связи с жалобой гражданина И.В. Аносова: постановление Конституционного Суда РФ № 12-П от 09.06.2011 // Российская газета. – 2011. – 22 июня.

28. По жалобе граждан М.Б. Никольской и М.И. Сапронова на нарушение их конституционных прав отдельными положениями Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности»: определение Конституционного Суда РФ от 4.02.1999 г. № 18-О // Вестник Конституционного Суда РФ. – 1999. – № 3.

29. По жалобе гражданина Н.М. Воскресова на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 388 и частью третьей статьи 408 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда РФ от 08.07.2004 г. № 237-О // Вестник Конституционного Суда РФ. – 2005. – № 1.

30. По жалобам граждан А.П. Алексеевича, С.Д. Замошкина, В.К. Карцевой и К.Ю. Артемовича на нарушение конституционных прав и свобод положениями статей 7 и 123, части третьей статьи 124, статей 125, 388 и 408 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда РФ от 25.01.2005 г. № 42-О // Вестник Конституционного Суда РФ. – 2005. – № 4.

31. По жалобе граждан С.В. Бородина, В.Н. Буборина, А.В. Быковского и других на нарушение их конституционных прав статьями 7, 29, 182 и 183 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс] : определение Конституционного Суда РФ от 08.11.2005 г. № 439-О – Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

32. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина К.О. Барковского на нарушение его конституционных прав частью четвертой статьи 127 УПК РСФСР, пунктом 1 части первой статьи 6 и пунктом 3 части первой статьи 7 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» [Электронный ресурс] : определение Конституционного Суда РФ от 01.12.1999 № 211-О. – Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

33. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина И.А. Мошнина на нарушение его конституционных прав статьей 108 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [Электронный документ] :

определение Конституционного Суда РФ от 12.07.2005 №330-О. – Доступ из СПС «Консультант-Плюс».

34. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина А.П. Донского на нарушение его конституционных прав пунктами 4 и 6 части первой и частью третьей статьи 6 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» и статьями 13, 89 и 186 Уголовно-процессуального кодекса РФ [Электронный ресурс] : определение Конституционного Суда РФ от 20.03.2007 № 170-О-О. – Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

35. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Бухрова Д.В. на нарушение его конституционных прав частью четвертой статьи 21, статьями 84, 86 и 89 Уголовно-процессуального кодекса РФ и статьями 2 и 6 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» [Электронный ресурс] : определение Конституционного Суда РФ от 24.01.2008 № 104-О-О. – Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

36. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина В.В. Букреева на нарушение его конституционных прав отдельными положениями статей 5, 11 и 12 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» и пунктом 13 Инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности дознавателю, органу дознания, следователю, прокурору или в суд [Электронный ресурс] : определение Конституционного Суда РФ от 15.07.2008 № 460-О-О. – Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

37. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Т.Х. Иззатова на нарушение его конституционных прав пунктом 3 статьи 48 Федерального Закона «О наркотических средствах и психотропных веществах» [Электронный ресурс] : определение Конституционного Суда РФ от 16.04.2009 № 392-О-О. – Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

38. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина С.Г. Яшкина на нарушение его конституционных прав пунктом 2 части первой статьи 11 Закона Российской Федерации «О милиции», статьями 3, 6 и 8 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» [Электронный ресурс] :

определение Конституционного Суда РФ от 22.04.2010 № 532-О-О. – Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

39. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Е.В. Клещ на нарушение ее конституционных прав частью первой статьи 75 и статьей 89 Уголовно-процессуального кодекса РФ [Электронный ресурс]: определение Конституционного Суда Российской Федерации от 25.11.2010 № 1487-О-О. – Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

40. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Н.А. Череды на нарушение его конституционных прав статьями 307, 308 и 309 Уголовно-процессуального кодекса РФ [Электронный ресурс] : определение Конституционного Суда РФ от 26.01.2010 № 107-О-О. – Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

41. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Г.Н. Стожарова на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 75 и статьей 89 Уголовно-процессуального кодекса РФ [Электронный ресурс]: определение Конституционного Суда РФ от 27.05.2010 № 636-О-О. – Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

42. Об отказе в принятии к рассмотрению жалоб гражданина Е.Е. Ракова на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 75 и статьей 89 Уголовно-процессуального кодекса РФ [Электронный ресурс] : определение Конституционного Суда РФ от 22.04.2010 № 487-О-О. – Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

43. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина В.В. Багатурии на нарушение его конституционных прав статьями 6.1., 37, 123, 124 и 162 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс] : определение Конституционного Суда РФ от 23.11.2010 № 1211-О-О. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

44. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина В.Ю. Шишкина на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 327 Уголовного кодекса Российской Федерации» [Электронный ресурс] :

определение Конституционного Суда РФ от 16.12.2010 № 1671-О-О. – Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

45. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Е.А. Шинкаренко на нарушение его конституционных прав пунктом 4 части второй статьи 281 Уголовно-процессуального кодекса РФ [Электронный ресурс] : определение Конституционного Суда РФ от 22.03.2011 № 393-О-О. – Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

46. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Ананчева Д.Н. на нарушение его конституционных прав частью седьмой статьи 8 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности [Электронный ресурс] : определение Конституционного Суда РФ от 21.06.2011 № 803-О-О. – Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

47. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан В.В. Лункина и В.В. Лункина на нарушение их конституционных прав частью второй статьи 11 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», пунктом 4 части второй статьи 38, частью первой статьи 86 и статьей 89 Уголовно-процессуального кодекса РФ [Электронный ресурс] : определение Конституционного Суда РФ от 25.01.2012 № 167-О-О. – Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

48. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Дворякина Александра Васильевича на нарушение его конституционных прав положениями части седьмой статьи 8, статьи 17 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» и статьи 51 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс] : определение Конституционного Суда РФ от 23.12.2014 № 2980-О. – Доступ из СПС «Консультант Плюс».

49. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Бабкиной Валентины Феликсовны на нарушение ее конституционных прав частью восьмой статьи 5, статьей 7, частью седьмой статьи 8 и частью четвертой статьи 11 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» [Электронный ресурс] : определение Конституционного Суда РФ от 29.05.2014 № 1199-О. – Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

50. Об отказе в принятии к рассмотрению жалоб гражданина Родионова Линара Фаридовича на нарушение его конституционных прав пунктом 4 части первой статьи 6 и частью седьмой статьи 8 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» [Электронный ресурс] : определение Конституционного Суда РФ от 22.11.2012 № 2062-О. – Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

**Постановления Пленума Верховного Суда РФ; постановления, определения
Верховного Суда РФ по уголовным делам**

51. Кассационное определение Верховного Суда РФ от 28.07.2015 № 69-уд15-17 по жалобе Бакировой А.Я., осужденной в 2007 г. за совершение трех покушений на незаконный сбыт наркотических средств, в т.ч. в крупном размере, а также за приготовление к незаконному сбыту наркотического средства в особо крупном размере [Электронный ресурс]. – Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

52. Кассационное определение Верховного Суда РФ от 18.08.2015 № 18-уд15-38 по жалобе Тараскина С.В., осужденного в 2005 г. за совершение пяти покушений на незаконный сбыт наркотических средств, в т.ч. в особо крупном размере [Электронный ресурс]. – Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

53. Надзорное определение Верховного Суда РФ от 25.01.2013 № 51-Д13-5 по жалобе Андреевой М.П., осужденной за покушение на незаконный сбыт наркотических средств 24 и 28 октября 2007 г., в т.ч. в особо крупном размере [Электронный ресурс]. – Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

54. Надзорное определение Верховного Суда РФ от 28.01.2013 № 18-Д13-10 по жалобе Коровина А.Ю., осужденного за покушение на незаконный сбыт наркотических средств 4,10 и 23 августа 2006 г., в т.ч. в особо крупном размере [Электронный ресурс]. – Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

55. Надзорное определение Верховного Суда Российской Федерации по делу Пахомова В.Н. от 4 сентября 2012 г. № 50-Д12-55. – Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

56. Определение Верховного Суда РФ от 16.04.2013 № 50-Д13-33 по делу Болдыша А.Ю. [Электронный ресурс]. – Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

57. О судебной практике по делам о взяточничестве и коммерческом подкупе: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10 февраля 2000 г. № 6 (с изм., внесенными постановлениями Пленума от 6 февраля 2007 г. № 7 и от 23 декабря 2010 г. № 31) // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2000. – № 3.

58. О применении судами общей юрисдикции Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г. и Протоколов к ней [Электронный ресурс]: постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21 июня 2013 г. № 21. – Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

59. О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного Суда РФ 15 июня 2006 г. № 14 (с изм. и доп., внесенными постановлением Пленума от 23 декабря 2010 г. № 31). – Режим доступа: http://www.vsrif.ru/Show_pdf.php?Id=7258.

60. О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога» [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2013 № 41. – Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

61. О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 31.10.1995 № 8 (ред. от 06.02.2007) // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 1996. – № 1.

62. О некоторых вопросах, связанных с применением статей 23 и 25 Конституции Российской Федерации: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.12.1993 № 13 (ред. от 06.02.2007) // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 1994. – № 3.

63. О судебном приговоре [Электронный ресурс] : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.11.2016 № 55. – Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

64. О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс]: постановление Пленума

Верховного Суда РФ от 05.03.2004 № 1 (ред. от 09.02.2012). – Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

65. О дополнении Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 5 марта 2004 г. №1 «О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации»: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.12.2008 № 26 // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2009. – № 2.

66. О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10.10.2003 № 5 // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2003. – № 12.

67. Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 23 июля 2004 г. № 231с15 // БВС РФ. – 2004. – № 11.

68. Об изменении и дополнении некоторых Постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации по уголовным делам: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 06.02.2007 № 7 (ред. от 23.12.2008) // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2007. – № 5.

69. Об изменении и дополнении некоторых Постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации по общим вопросам судебной деятельности: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 06.02.2007 № 5 // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2007. – № 5.

70. О практике рассмотрения судами жалоб в порядке статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10.02.2009 № 1 (ред. от 23.12.2010) // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2009. – № 4.

71. О практике рассмотрения судами дел об оспаривании решений, действий (бездействия) органов государственной власти, органов местного самоуправления, должностных лиц, государственных и муниципальных служащих: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10.02.2009 № 2 // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2009. – № 4.

72. Об изменении и дополнении некоторых Постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации по уголовным делам: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.12.2010 № 31 // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2011. – № 2.

73. О некоторых вопросах, возникших при рассмотрении дел о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок: постановление Пленума Верховного Суда РФ № 30, Пленума ВАС РФ № 64 от 23.12.2010 // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2011. – № 3.

74. О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2013 № 41. – Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

75. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 16 июля 2004 г. № 89-О04-29сп // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2005. – № 6.

76. Специальные технические средства, применяемые в оперативно-розыскной деятельности, в том числе технические средства, предназначенные для негласного получения информации, не относятся к специальным средствам применительно к п. «б» ч. 3 ст. 286 УК РФ : определение СК по уголовным делам Верховного Суда РФ от 5 марта 2007 г. № 9-О07-9СС (извлечение) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2008. – № 1.

77. Приговор по уголовному делу о покушении на получение взятки оставлен без изменения, так как нарушений уголовно-процессуального закона, которые путем лишения или ограничения гарантированных УПК РФ прав участников уголовного судопроизводства, несоблюдения процедуры судопроизводства или иным путем повлияли или могли повлиять на постановление законного, обоснованного и справедливого приговора, не допущено, в том числе и права осужденного на защиту [Электронный ресурс]:

определение Верховного Суда РФ от 08.09.2010 № 89-О10-2. – Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

78. Об отказе в удовлетворении заявления о признании частично недействующим пункта 11 Инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности дознавателю, органу дознания, следователю, прокурору или в суд, утв. Приказом МВД РФ № 368, ФСБ РФ № 185, ФСО РФ № 164, ФТС РФ № 481, СВР РФ № 32, ФСИН РФ № 184, ФСКН РФ № 97, Минобороны РФ № 147 от 17.04.2007: решение Верховного Суда РФ от 23.12.2009 № ГКПИ09-1276 (извлечение) // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2010. – № 8.

79. Обзор надзорной практики Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ за 2007 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2008. – № 10.

80. Обзор законодательства и судебной практики Верховного Суда РФ за четвертый квартал 2009 г. (в ред. постановления Президиума Верховного Суда РФ от 16.06.2010) [Электронный ресурс]. – Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

81. Обзор законодательства и судебной практики Верховного Суда РФ за четвертый квартал 2009 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2010. – № 2.

82. Обзор кассационной практики судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации за второе полугодие 2010 г. [Электронный ресурс]. – Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

83. Обзор кассационной практики Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации за второе полугодие 2010 г.: утвержден постановлением Президиума Верховного Суда РФ от 16 марта 2011 г. – Режим доступа: <http://www.legis.ru/misc/doc/7415/>

84. Обзор судебной практики по уголовным делам о преступлениях, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ: утвержден Президиумом ВС РФ 27.06.2012 // Официальный сайт Верховного Суда РФ. – Режим доступа: <http://www.vsrif.ru/>

85. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации «Обзор судебной практики рассмотрения судами ходатайств об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу и о продлении срока содержания под

стражей» (утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 18 января 2017 г.) // Официальный сайт Верховного Суда РФ. – Режим доступа: <http://www.vsrp.ru/>

86. Определение Верховного Суда РФ от 28.02.2013 № 18-Д13-10 по делу Коровина о покушении на сбыт наркотических средств в особо крупном размере изменены: переквалифицированы действия с ч. 3 ст. 30, п. «г» ч. 3 ст. 228.1 УК РФ на ч. 3 ст. 30, п. «б» ч. 2 ст. 228.1 УК РФ [Электронный ресурс]. – Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

87. Определение Верховного Суда РФ от 18.09.2013 № 18-Д13-21 из норм права следует, что в процессе доказывания запрещается использование результатов оперативно-розыскной деятельности, если они не отвечают требованиям, предъявляемым к доказательствам УПК РФ [Электронный ресурс]. – Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

88. Надзорное определение Верховного Суда РФ от 30.01.2013 № 7-Д12-26 Производство по делу в части осуждения виновного по ч. 3 ст. 30, п. «г» ч. 3 ст. 228.1 УК РФ прекращено в связи с отсутствием в деянии состава преступления [Электронный ресурс]. – Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

89. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу Тейшейра де Кастро (Teixeira de Castro) против Португалии от 15.06.1992 г. [Электронный ресурс]. – Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

90. Дело «Ван де Хурк против Нидерландов» (Van de Hurk v. Netherlands) от 19 апреля 1994 г., Series A, № 288, p. 19, § 59) [Электронный ресурс]: постановление Европейского Суда. – Режим доступа: <http://roseurosud.org/evropejskij-sud-po-pravam-cheloveka/sajt-evropejskogo-suda>.

91. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Эрнст и другие против Бельгии» [Ernst and others - Belgium] (жалоба № 33400/96) (II Секция) (извлечение) от 15.07.2003 [Электронный ресурс]. – Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

92. Постановление Большой Палаты по делу «Ваньян (Vanyan) против Российской Федерации» от 15.12.2005 // Бюллетень Европейского суда по правам человека. Российское издание. – 2006. – № 7. – С. 57, 102-116
93. Постановление Большой Палаты Европейского суда по делу «Смирнов (Smirnov) против Российской Федерации» от 07.06.2007 [Электронный ресурс]. – Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
94. Постановление Большой Палаты Европейского суда «Раманаускас против Литвы» (Ramanauskas v. Lithuania), жалоба № 74420/01, ECHR 2008 [Электронный ресурс]. – Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
95. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Быков (Буков) против Российской Федерации» (Страсбург, 10 марта 2009 г.) [Электронный ресурс]. – Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
96. Постановление Большой Палаты Европейского суда «Казюлин (Kazyulin) против Российской Федерации» от 25.02.2010 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.echr.coe.int>
97. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Банников (Bannikov) против Российской Федерации» от 04.11.2010 // Российская хроника Европейского Суда. – 2011. – № 4.
98. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Веселов и другие против России» [Veselov and Other] от 02.10.2012 [Электронный ресурс]. – Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
99. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Лагутин и другие против Российской Федерации » от 24.04.2014 г. (жалобы № 6228/09, 19123/09, 19678/07, 52340/08 и 7451/09) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://cmiskp.echr.coe.int/tkp197/search.asp?skin=hudoc-en> (дата обращения: 07.04.2015).
100. Постановление ЕСПЧ от 12.03.2009 по делу «Александр Макаров (Aleksandr Makarov) против Российской Федерации» (жалоба № 15217/07) [Электронный ресурс]. – Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

Ведомственные нормативно-правовые акты

101. Вопросы Министерства внутренних дел Российской Федерации : Указ Президента РФ от 19.07.2004 № 927 (ред. от 14.05.2010 с изм. и доп., вступающими в силу с 01.12.2010) // Собрание законодательства РФ. – 2004. – № 30. – Ст. 3149.

102. Об утверждении Инструкции о порядке приема, регистрации и разрешения в территориальных органах Министерства внутренних дел Российской Федерации заявлений и сообщений о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях: приказ МВД России от 29 августа 2014 г. № 736 // Российская газета. – № 260. – 14 ноября 2012 г.

103. Об упорядочении организации и проведения оперативно-розыскных мероприятий с использованием технических средств : Указ Президента РФ от 01.09.1995 № 891 // Собрание законодательства РФ. – 1999. – № 24. – Ст. 2954.

104. Об утверждении Перечня сведений, отнесенных к государственной тайне : Указ Президента РФ от 30.11.1995 № 1203 Изменения, внесенные Указом Президента РФ от 28.02.2016 № 90, вступили в силу [Электронный ресурс]. – Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

105. Перечень сведений конфиденциального характера : Указ Президента РФ № 188 от 06.03.1997 Изменения, внесенные Указом Президента РФ от 23.07.2015 № 357, вступили в силу [Электронный ресурс]. – Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

106. Об утверждении временной инструкции об особенностях взаимодействия органов предварительного следствия по расследованию организованной преступной деятельности и оперативных подразделений криминальной милиции : приказ МВД РФ № 215 от 7 марта 2002 г. [Электронный ресурс]. – Доступ из СПС «Гарант».

107. Приказ о едином учете преступлений от 29 декабря 2005 г. № 39/1070/1021/253/780/353/780/353/399 (ред. от 20.02.2014) [Электронный ресурс]. – Доступ из СПС «Гарант».

108. Об утверждении Административного регламента МВД России по исполнению государственной функции обеспечения в соответствии с законодательством Российской Федерации государственной защиты судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов, безопасности участников уголовного судопроизводства и их близких: приказ МВД России от 21 марта 2007 г. № 281 (зарегистрирован Минюстом России 17.10.2007 №10337) // Российская газета. – 2007. – 19 окт.

109. О порядке получения и приобщения к материалам уголовного дела результатов контроля и записи телефонных и иных переговоров, представляемых органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность [Электронный ресурс]: Указание первого заместителя Генерального прокурора РФ – председателя Следственного комитета при прокуратуре РФ № 57-49/3/206 от 02.03.2009 г. – Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

110. О практике рассмотрения Европейским судом по правам человека жалоб о нарушении прав граждан при проведении оперативно-розыскных мероприятий «проверочная закупка» и «оперативный эксперимент» от 15.04.2011 г. № 69-12-2011 [Электронный ресурс]: информационное письмо. – Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

111. Об организации прокурорского надзора за исполнением Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» [Электронный ресурс]: приказ Генерального прокурора РФ от 21 декабря 2007 г. № 207. (ред. 09.07.2015) – Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

112. Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов дознания [Электронный ресурс]: приказ Генерального прокурора РФ от 6 сентября 2007 г. № 137. (ред. 28.12.2007). – Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

113. О порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю, прокурору или в суд: приказ ФСНП России, ФСБ России, МВД России, ФСО России, ФПС России, ГТК России, СВР

России № 175/226/336/201/286/410/56 от 13 мая 1998 г. // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. – 1998. – № 23.

114. Об утверждении Инструкции о порядке предоставления результатов оперативно-розыскной деятельности дознавателю, органу дознания, следователю, прокурору или в суд: приказ МВД России, ФСБ России, ФСО России, ФТС России, СВР России, ФСИН России, ФСКН России, Минобороны России № 368/185/164/481/32/184/97/147 от 17.04.2007 // Российская газета. – 2007. – 16 мая. – № 101.

115. Об утверждении Инструкции о порядке предоставления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд: приказ МВД России № 776, Минобороны России № 703, ФСБ России № 509, ФСО России № 507, ФТС России № 1820, СВР России № 42, ФСИН России № 535, ФСКН России № 398, СК России № 68 от 27.09.2013 // Российская газета. – 2013. – № 282.

116. По итогам обобщения практики назначения наказания судами Московской области: справка Московского областного суда [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.bestpravo.ru/moskovskaya/gn-akty/w8o.htm>

117. Справка по проекту Федерального закона № 26523-6 «О внесении изменений в статью 16 Закона Российской Федерации» «О статусе судей в Российской Федерации» и статью 9 Федерального Закона «Об оперативно-розыскной деятельности», внесенного Правительством Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.govweb.ru/govbody/1/>

118. Вступительное и заключительное слова Генерального прокурора РФ на межведомственном совещании руководителей правоохранительных органов Российской Федерации по вопросу укрепления законности и правопорядка 25 февраля 2010 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://genproc.gov.ru/management/appearances/document-13703/>.

119. Доклад Генерального прокурора РФ Ю.Я. Чайки на заседании Совета Федерации Федерального Собрания РФ (27 апреля 2011 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://genproc.gov.ru/8>.

120. Доклад прокурора Республики Алтай Н.В. Мылицина о состоянии законности и правопорядка на территории Республики Алтай в 2011 году. Официальный сайт прокуратуры Республики Алтай [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.prokuratura.gornyy.ru/>

121. Обзор судебной практики Верховного Суда РФ по уголовным делам о преступлениях, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных, сильнодействующих и ядовитых веществ : утв. Президиумом Верховного Суда РФ 27 июня 2012 г. [Электронный ресурс]. – Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

Монографии, учебники, учебные пособия и другие неперIODические издания

122. Агутин А. В. Мироззренческие идеи в уголовно-процессуальном доказывании : монография / А. В. Агутин; под ред. В. Т. Томина. – М., 2004. – 545 с.
123. Александров А. С. Судебные доказательства и доказывание в уголовном суде / А. С. Александров, А. Н. Стуликов. – Нижний Новгород: Волго-Вятская академия государственного управления, 2002. – 188 с.
124. Александров А. С. Назначение уголовного судопроизводства и наказания: монография / А. С. Александров, И. А. Александрова, И. В. Круглов. – Нижний Новгород: Нижегородская правовая академия, 2006. – 342 с.
125. Андреева О. И. Соотношение прав и обязанностей государства и личности в правовом государстве и специфика ее проявления в сфере уголовного судопроизводства (теоретический аспект) / О. И. Андреева; под ред. М. К. Свиридова. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2004. – 138 с.
126. Балакшин В. С. Доказательства в теории и практике уголовно-процессуального доказывания : монография / В. С. Балакшин. – Екатеринбург: ООО «Изд-во УМЦ УПИ», 2004. – 298 с.
127. Бархатова Е. Ю. Комментарий к Конституции Российской Федерации / Е. Ю. Бархатова. – М.: Проспект, 2010 [Электронный ресурс] // Официальный сайт Конституции Российской Федерации. – Режим доступа: <http://constitution.garant.ru/science-work/comment/>
128. Басков В. И. Оперативно-розыскная деятельность / В. И. Басков. – М., 1997. – 211 с.
129. Батуров Г. П., Теоретические основы эффективности правосудия / Г. П. Батуров, Т. Г. Морщакова, И. Л. Петрухин. – М., 1979.
130. Бедняков Д. И. Непроцессуальная информация и расследование преступлений / Д. И. Бедняков. – М.: Юрид. лит., 1991. – 208 с.
131. Безлепкин Б. Т. Уголовный процесс России. Общая часть и досудебные стадии : курс лекций / Б. Т. Безлепкин. – М.: Международный ун-т бизнеса и управления, 1998. – 354 с.

132. Безлепкин Б. Т. Краткое пособие для следователя и дознавателя. / Б. Т. Безлепкин. – М.: Проспект, 2011. – 228 с.
133. Безлепкин Б. Т. Комментарий к уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / Б. Т. Безлепкин. – М.: Проспект, 2014. – 560 с.
134. Белозеров Ю. Н. Проблемы обеспечения законности и обоснованности возбуждения уголовного дела: учебное пособие / Ю. Н. Белозеров, А.А. Чувилев. – М.: НИиРИО ВШ МВД СССР, 1973. – 127 с.
135. Белкин Р. С. Теория доказательств в советском уголовном процессе / Р. С. Белкин, А. И. Винберг, В. Я. Дорохов и др.; отв. ред. Н.В. Жогин, Г.М. Миньковский, А.Р. Ратинов и др. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Юрид. лит., 1973. – 736 с.
136. Белкин Р. С. Теория доказывания в уголовном судопроизводстве / Р. С. Белкин. – М. : Норма, 2007. – 217 с.
137. Белкин А. Р. Теория доказывания : научно-метод. пособие / Р. С. Белкин. – М., 1999. – 418 с.
138. Божьев В. П. Источники доказательств по уголовно-процессуальному законодательству СССР и других социалистических государств : учебное пособие / В. П. Божьев, А. И. Лубенский. – М.: Академия МВД СССР, 1981. – 71 с.
139. Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб., 1998. – 972 с.
140. Бражников Е. Г. Показания следователя как свидетельство вины сайт [Электронный ресурс] / Е. Г. Бражников // Федеральной службы Российской Федерации по контролю за оборотом наркотиков. – Режим доступа: <http://maikopskyg.adg.sudrf.ru>.
141. Булатов Б. Б. Государственное принуждение в уголовном судопроизводстве : монография / Б. Б. Булатов. – Омск: Омская академия МВД России, 2003. – 320 с.
142. Вагин О. А. Комментарий к Федеральному закону от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (постатейный) / О. А. Вагин, А. П. Исиченко, А. Е. Чечетин. – М.: Деловой двор, 2008. – 218 с.

143. Вандышев В. В. Уголовный процесс общая и особенная части : учебник / В. В. Вандышев; под общ. ред. В. В. Вандышева. – М.: Волтерс Клувер, 2010. – 720 с.
144. Венгеров А. Б. Теория государства и права : учебник для юрид. вузов / А. Б. Венгеров. – 3-е изд. – М., 2000. – 266 с.
145. Винниченко И. А. Правовая регламентация использования результатов ОРД в уголовном судопроизводстве / И. А. Винниченко, С. И. Захарцев, В. И. Рохлин; под ред. В. П. Сальникова. – СПб., 2004. – 176 с.
146. Власенко Н. А. Основы законодательной техники: практическое руководство / Н. А. Власенко. – Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во «Норма Плюс», 1995. – 54 с.
147. Власова Н. А. Досудебное производство в уголовном процессе: пособие / Н. А. Власова. – М.: ЮРМИС, ЛД, 2000. – 144 с.
148. Гармаев Ю. П. Использование результатов оперативно-розыскной деятельности при расследовании уголовных дел о взяточничестве : практическое пособие / Ю. П. Гармаев. – М., 2005. – 189 с.
149. Гармаев Ю. П. Особенности криминалистической методики расследования и поддержания государственного обвинения по уголовным делам о незаконном сбыте наркотиков : монография / Ю. П. Гармаев, Д. Г. Шашин. – М., 2009. – 186 с.
150. Гинзбург А. Я. Основы оперативно-розыскных действий: учебно-практическое пособие / А. Я. Гинзбург, В. И. Григорьев, С. Ю. Алесковский. – Алматы: ТОО «Аян Эдет», 1999. – С. 150.
151. Голубовский В. Ю. Исследование предметов и документов: оперативно-розыскное мероприятие: учебное пособие / В. Ю. Голубовский, В. М. Егоршин, Г. А. Овчинников и др. – СПб.: Лань: ВНИИ МВД РФ, 2000. – 96 с.
152. Горяинов К. К. Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности»: комментарий / К. К. Горяинов, Ю. Ф. Кваша, К. В. Сурков; под ред. П. Г. Пономарева. – М.: Новый Юрист, 1997. – 576 с.

153. Григорьев В. Н. Правовые и организационные основы принятия решения в уголовном процессе (досудебные стадии) : монография / В. Н. Григорьев, Г. А. Кузьмин. – М.: Закон и право: ЮНИТИ-ДАНА, 2003. – 136 с.
154. Григорьев В. Н. Задержание подозреваемого / В. Н. Григорьев. – М.: ЮрИнформ, 1999. – 541 с.
155. Григорьев В. Н. Проверка сообщения о преступлении как форма уголовно-процессуального доказывания : монография / В. Н. Григорьев, А. В. Победкин, В. Н. Яшин, В. В. Аксенов. – М.: Московский университет МВД России, 2004.
156. Григорьев В. Н. Актуальные проблемы возбуждения уголовного дела: учебное пособие / В. Н. Григорьев, А. В. Новиков, Е. А. Прохорова, Д. Н. Слабкая. – М.: Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2016. – 107 с.
157. Грошевой Ю. М. Сущность судебных решений в советском уголовном процессе / Ю. М. Грошевой. – Харьков: Вища школа: Изд-во при Харьковском ун-те, 1979. – 144 с.
158. Громов Н. А. Доказательства, доказывание и использование результатов оперативно-розыскной деятельности: учебное пособие / Н. А. Громов, А. Н. Гущин, Н. В. Луговец, М. В. Лямин. – М., 2006. – 176 с.
159. Громов Н. А. Оперативно-розыскная деятельность: совершенствование форм вхождения ее результатов в уголовный процесс : учебно-практическое пособие / Н. А. Громов, А. Н. Гущин, С. А. Зайцева, Л. М. Зейналова и др. – 2-е изд., доп. и перераб. – М.: Изд. Шумилова И.И., 2004. – 118 с.
160. Громов Н. А. Доказательства, доказывание и использование результатов оперативно-розыскной деятельности : учебное пособие / Н. А. Громов, А. Н. Гущин, Н. В. Луговец, М. В. Лямин. – М.: «Приор-издат», 2006. – 186 с.
161. Гущин А. Н. Оперативно-розыскная деятельность: совершенствование форм вхождения её результатов в уголовный процесс : учебно-практическое пособие / А. Н. Гущин, Н. А. Громов, Н. П. Царева. – М., 2003. – 189 с.

162. Гуткин И. М. Актуальные вопросы уголовно-процессуального задержания : учебное пособие / И. М. Гуткин. – М.: Изд-во Акад. МВД ССР, 1980. – 89 с.
163. Давлетов А. А. Основы уголовно-процессуального познания / А. А. Давлетов. – Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1991. – 152 с.
164. Давыдов М. П. Обвинение в советском уголовном процессе / М. П. Давыдов. – Свердловск, 1974. – 136 с.
165. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. / В. Даль. – М.: Русский язык, 1982. – Т. 3. – 555 с.
166. Доказывание в стадии возбуждения уголовного дела по УПК РФ / Л. В. Березина, В. М. Быков. – Казань: Таглитат, 2006. – 256 с.
167. Доля Е. А. Использование в доказывании результатов оперативно-розыскной деятельности / Е. А. Доля. – М.: Спарк, 1996. – 111 с.
168. Доля Е. А. Формирование доказательств на основе результатов оперативно-розыскной деятельности / Е. А. Доля. – М.: Проспект, 2015. – 376 с.
169. Дубоносов Е. С. Основы оперативно-розыскной деятельности : курс лекций / Е. С. Дубоносов; под ред. П. К. Синипова. – М.: ЮИ МВД РФ: Книжный мир, 2002. – 133 с.
170. Дубоносов Е. С. Оперативно-розыскная деятельность: учебник и практикум для прикладного бакалавриата / Е. С. Дубоносов. – 5-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт, 2016. – 477 с.
171. Дубинский А. Я. Исполнение процессуальных решений следователя. Правовые и организационные проблемы / А. Я. Дубинский; отв. ред. Г. И. Чангули. – Киев: Наукова думка, 1984. – 182 с.
172. Дорохов В. Я. Обоснованность приговора в советском уголовном процессе / В. Я. Дорохов, В. С. Николаев. – М.: Госюриздат, 1959. – 236 с.
173. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный словарь / Т. Ф. Ефремова. – М.: Русский язык, 2000.

174. Ендольцева А. В. Уголовный процесс: учебное пособие [Электронный ресурс] / А. В. Ендольцева, И. И. Сыдорук, О. В. Химичева. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2012.. – Режим доступа: <http://www.iprbookshop.ru/15481>.
175. Жбанков В. А. Производство обыска и выемки органами дознания Государственного Таможенного Комитета России : учебное пособие / В. А. Жбанков, Е. М. Девяткина. – М., 2000. – 24 с.
176. Жеребкин В. Е. Логика: учебное пособие для студентов юридических институтов и факультетов / В. Е. Жеребкин. – Харьков: Изд-во Харьковского ун-та, 1968. – 255 с.
177. Жогин Н. В. Возбуждение уголовного дела / Н. В. Жогин, Ф. Н. Фаткуллин. – М.: Госюриздат, 1961. – 206 с.
178. Жогин Н. В. Предварительное следствие в уголовном процессе / Н. В. Жогин, Ф. Н. Фаткуллин. – М.: Юридическая литература, 1965. – 367 с.
179. Зажицкий В. И. Комментарий к Федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности» / В. И. Зажицкий ; отв. ред. А. Ю. Шумилов. – М., 1997. – 360 с.
180. Закон об оперативно-розыскной деятельности в РФ: комментарий / под ред. А. Ю. Шумилова. – М., 1994. – 244 с.
181. Законность и справедливость в правоприменительной деятельности / А. Т. Боннер. – М. : Рос. право, 1992. – 320 с.
182. Закотянский А. С. Проблемы использования непроцессуальной информации в доказывании по уголовным делам : монография / А. С. Закотянский. – М. : Юрлитинформ, 2015. – 192 с.
183. Зникин В. К. Принципы и основные понятия перехода избыточности оперативной информации в достаточность уголовно-процессуальных доказательств / В. К. Зникин. – М.; СПб.; Кемерово, 1998. – 229 с.
184. Зуев С. Уголовное преследование по делам о преступлениях, совершаемых организованными группами и преступными сообществами (преступными организациями): монография / С. Зуев. – Челябинск, 2010. – 274 с.

185. Иванов Е. А. Логика: учебник / Е. А. Иванов. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: БЕК, 2001. С. 368.
186. Иншаков С. М. Латентная преступность в Российской Федерации: 2001-2006 / С. М. Иншаков; под ред. С. М. Иншакова. – М.: Закон и право, ЮНИТИ-ДАНА, 2007. – 351.
187. Кальницкий В. В. Следственные действия : учебное пособие / В. В. Кальницкий. – Омск: Изд-во Омск. акад. МВД России, 2003. – 72 с.
188. Карнеева Л. М. Доказательства в советском уголовном процессе: учебное пособие / Л. М. Карнеева. – Волгоград: Изд-во ВСШ МВД СССР, 1988. – 68 с.
189. Кондаков Н. И. Логический словарь-справочник / Н. И. Кондаков. – 2-е изд., испр. и доп. – М., 1975. – 721 с.
190. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (научно-практическое издание) / под общ. ред. В. В. Мозякова, С. И. Гирько, Г. В. Мальцева, И. Н. Барцица. – М.: Книга-Сервис, 2003. – 1280 с.
191. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / под ред. А. В. Смирнова. – СПб.: Питер, 2003. – 1008 с.
192. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / под общ. ред. В. И. Радченко. – М.: ЗАО «Юридический Дом «Юстицинформ», 2003. – 1040 с.
193. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / под ред. И. Л. Петрухина. – М.: Проспект: ТК Велби, 2006. – 896 с.
194. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под ред. А. Я. Сухарева. – М., 2004. – 698 с.
195. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / под ред. Н. А. Петухова, Г. И. Загорского. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: ИКФ «ЭКМОС», 2002. – 768 с.
196. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу РСФСР / отв. ред. В. И. Радченко. – 3-е изд. перераб. и доп. – М.: Юрайт, 1999. – 742 с.

197. Комментарий к УПК РФ / отв. ред. В. Т. Томина, М. П. Поляков. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт, 2010. – 1292 с.
198. Комментарий к Федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности» / авт.-сост. А. Ю. Шумилов. – М.: Деловой двор, 2009. – 849 с.
199. Комментарий к Федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности». С постатейным приложением нормативных актов и документов / авт.-сост. А. Ю. Шумилов. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Изд. Шумлова И.И., 2000. – 432 с.
200. Комментарий к Конституции Российской Федерации [Электронный ресурс] / под ред. В. Д. Зорькина, Л. В. Лазарева. Серия: Комментарии к российскому законодательству. Издательство ЭКСМО, 2009 // Официальный сайт Конституции Российской Федерации. – Режим доступа: <http://constitution.garant.ru/science-work/comment/>
201. Комментарий к Конституции Российской Федерации [Электронный ресурс] / под общ. ред. Л. В. Лазарева. ООО «Новая правовая культура», 2009 // Официальный сайт Конституции Российской Федерации. – Режим доступа: <http://constitution.garant.ru/science-work/comment/>
202. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации: вводный. – М.: Юрайт-М, 2002. – 387 с.
203. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / отв. ред. В. И. Радченко; науч. ред. В. Т. Томин, М. П. Поляков. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт-Издат, 2006. – 1124 с.
204. Корневский Ю. В. Использование результатов оперативно-розыскной деятельности в доказывании по уголовным делам: методическое пособие для экспертов и работников следственно-судебных органов / Ю. В. Корневский, М. Е. Токарева. – М.: Юрлитинформ, 2000. – 144 с.
205. Коротков А. П. 900 ответов на вопросы прокурорско-следственных работников по применению УПК РФ: комментарий / А. П. Коротков. – М.: Изд-во «Экзамен». 2004. – 245 с.

206. Костылева Г. В. Правовые основания и документальное оформление изъятия наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов из незаконного оборота до возбуждения уголовного дела: методические рекомендации / Г. В. Костылева, Н. Е. Сурыгина, Л. С. Корнева. – М.: ВНИИ МВД России, 2008. – 37 с.
207. Краткая сыскная энциклопедия: деятельность оперативно-розыскная, контрразведывательная, частная, сыскная (детективная) / авт.-сост. А. Ю. Шумилов. – М., 2000. 145 с.
208. Кузнецов Н. П. Доказывание в стадии возбуждения уголовного дела / Н. П. Кузнецов. – Воронеж, 1983. – 117 с.
209. Курылев С. В. Основы теории доказывания в советском правосудии / С. В. Курылев. – Минск, 1969. – 200 с.
210. Кутуев Э. К. Уголовно-процессуальное принуждение: вопросы теории и практики / Э. К. Кутуев. – СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД РФ, 2004.
211. Лазарев В. В. Пробелы в праве и пути их устранения / В. В. Лазарев. – М.: Юрид. лит., 1974. – 184 с.
212. Лазарева В. А. Доказывание в уголовном процессе: учебно-практическое пособие / В. А. Лазарева. – М.: Высшее образование, 2009. – 344 с.
213. Ларин А. М. Работа следователя с доказательствами / А. М. Ларин. – М.: Юрид. лит., 1966. – 155 с.
214. Левченко О. В. Презумпции и преюдиции в доказывании : монография / О. В. Левченко. – Астрахань: Изд-во АГТУ, 1999. – 232 с.
215. Lupinская П. А. Законность и обоснованность решений в уголовном судопроизводстве / П. А. Lupinская. – М.: ВЮЗИ, 1972. – 79 с.
216. Lupinская П. А. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации : учеб. пособие / П. А. Lupinская. – М., 2003. – 52 с.
217. Lupinская П. А. Решения в уголовном судопроизводстве: теория, законодательство и практика / П. А. Lupinская. – М.: Юрист, 2006. – 174 с.

218. Лупинская П. А. Решение в уголовном судопроизводстве. Их виды, содержание и формы / П. А. Лупинская. – М.: Юрид. лит., 1976. – 168 с.
219. Ляхов Ю. А. Правовое регулирование стадии возбуждения уголовного дела : монография / Ю.А. Ляхов. – М.: Приор-издат, 2005. – 70 с.
220. Манаев Ю. В. Законность и обоснованность процессуальных решений следователя в советском уголовном судопроизводстве / Ю.В. Манаев. – Волгоград, 1977. – 89 с.
221. Маркушин А. Г. Оперативно-розыскная деятельность: учебник и практикум для академического бакалавриата / А. Г. Маркушин 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт, 2016. – 301 с.
222. Мельников В. Ю. Меры принуждения в уголовном процессе России : монография / В. Ю. Мельников. – М.: Юрлитинформ, 2011. – 248 с.
223. Методологические проблемы социального исследования / под ред. Д. Ф. Козлова. – М., 1979. – 240 с.
224. Мешков В. М. Оперативно-розыскная тактика и особенности использования полученных результатов в ходе предварительного расследования: учебно-практическое пособие / В. М. Мешков, В. Л. Попов. – 2-е изд., доп. – М., 2003. – 108 с.
225. Мешков В. М. Оперативно-розыскная тактика и особенности легализации полученной информации в ходе предварительного следствия / В. М. Мешков, В. Л. Попов. – М., 1999. – 150 с.
226. Михайлов В. И. Контролируемая поставка как оперативно-розыскная операция: учеб. пособие / В. И. Михайлов. – М., 1998. – 96 с.
227. Москалькова Т. Н. Этика уголовно-процессуального доказывания (стадия предварительного расследования) / Т. Н. Москалькова. – М., 1996. – 125 с.
228. Муратова Н. Г. Система судебного контроля в уголовном судопроизводстве: теория, законодательное регулирование и практика / Н. Г. Муратова. – Казань, 2004. – 599 с.

229. Научно-практический комментарий к Федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности» / под ред. В. В. Николюка. – М.: Спарк, 2000. – 571 с.

230. Научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (Постатейный) [Электронный ресурс] / отв. ред. В. М. Лебедев. «НОРМА», «ИНФРА-М», 2014. – Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

231. Некрасов С. В. Юридическая сила доказательств в уголовном судопроизводстве / С. В. Некрасов. – М.: Экзамен, 2005. – 128 с.

232. Ожегов С. И. Словарь русского языка / С. И. Ожегов; под ред. Н. Ю. Шведовой. – 22-е изд., стер. – М.: Рус. яз., 1990. – 921 с.

233. Овчинский С. С. Оперативно-розыскная информация. Теоретические основы информационно-прогностического обеспечения оперативно-розыскной и профилактической деятельности органов внутренних дел по борьбе с организованной преступностью / С. С. Овчинский; под ред. А. С. Овчинского, В. С. Овчинского. – М.: Инфра-М, 2000. – 367 с.

234. Оперативно-розыскные мероприятия // Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности»: науч.-практ. комментарий / под ред. В. В. Николюка, В. В. Карпицкого, А. Е. Чечетина. – Омск, 1999. – 263 с.

235. Орлов Ю. К. Основы теории доказательств в уголовном процессе / Ю. К. Орлов. – М.: Проспект, 2000. – 167 с.

236. Основы оперативно-розыскной деятельности / под ред. В. Б. Рушайло. – 2-е изд., испр. и доп. – СПб., 2000. – 176 с.

237. Петрухин И. Л. Теоретические основы реформы уголовного процесса в России: в 2 ч. / И. Л. Петрухин. – М., 2004. – Ч. 1. – 223 с.

238. Петрухин И. Л. Человек и власть (в сфере борьбы с преступностью) / И. Л. Петрухин. – М.: Юрист, 1999. – 392 с.

239. Победкин А. В. Уголовно-процессуальное доказывание / А. В. Победкин. – М.: Юрлитинформ, 2009. – 416 с.

240. Поляков М. П. Уголовно-процессуальная интерпретация результатов оперативно-разыскной деятельности: монография / под ред. проф. В. Т. Томина. – Нижний Новгород, 2001. – 346 с.

241. Поляков М. П. Использование результатов оперативно-разыскной деятельности в уголовном процессе как правовой институт: монография / М.П. Поляков, Р. С. Рыжов. – М.: Изд. дом Шумиловой И.И., 2006. – 110 с.

242. Поляков М. П. Уголовно-процессуальная интерпретация результатов оперативно-разыскной деятельности: монография / М. П. Поляков ; под ред. В. Т. Томина. – Нижний Новгород, 2001. – 442 с.

243. Постатейный науч. практ. комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / авт. предисл. П. В. Крашенинников; гл. ред. А. Т. Гаврилов. – М.: Библиотечка «Российской газеты», 2009. – 736 с.

244. Петухов Е. Н. Обвинительный акт: монография / Е. Н. Петухов, Л. В. Черепанова. – Барнаул: Барнаульский юридический институт МВД России, 2007. – 96 с.

245. Правовые и организационные основы принятия решения в уголовном процессе (досудебные стадии): монография / В. Н. Григорьев, Г. А. Кузьмин. – М.: Закон и право, 2003. – 135 с.

246. Практика применения Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. Актуальные вопросы судебной практики, рекомендации судей Верховного Суда РФ по применению уголовно-процессуального законодательства на основе новейшей судебной практики. – Режим доступа: <http://www.vs-ra.org/library>.

247. Практика применения Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: практическое пособие: в 2 ч. / В. А. Давыдов, В. В. Дорошков, Н. А. Колоколов и др.; под ред. В. М. Лебедева. – 7-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт, 2016. – Ч. 1. – 231 с. [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

248. Рыжаков А. П. Уголовно-процессуальное доказывание: понятие и средства / А. П. Рыжаков. – М.: Филин, 1997. – 190 с.

249. Савицкий В. М. Очерк теории прокурорского надзора /

В. М. Савицкий. – М.: Наука, 1975. – 382 с.

250. Светлов В. А. Практическая логика : учеб. пособие / В. А. Светлов. – 2-е изд., испр. и доп. – СПб., 1997. – 429 с.

251. Смирнов А. В. Уголовный процесс : учебник / А. В. Смирнов, К. Б. Калиновский; под общ. ред. А. В. Смирнова. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: КНОРУС, 2008. – 704 с.

252. Следственные действия. Процессуальная характеристика, тактика и психологические особенности : учебное пособие / под общ. ред. Б. П. Смагоринский. – 2-е изд. перераб. и доп. – М.: Изд-во УМЦ при ГУК МВД РФ, 1994. – 242 с.

253. Советский уголовный процесс / под ред. Д.С. Караева. – М., 1965. – 410 с.

254. Соловьев А. Б. Доказывание по Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (досудебные стадии): научно-практическое пособие / А. Б. Соловьев. – М.: Юрлитинформ, 2003. – 264 с.

255. Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса / М. С. Строгович; отв. ред. Н. Н. Полянский. – М.: Изд-во АН СССР, 1958. – 703 с.

256. Теория оперативно-розыскной деятельности: учебник / под ред. К. К. Горяинова, В. С. Овчинского, Г. К. Синилова. – М.: ИНФРА-М, 2006. – 556 с.

257. Теория доказательств в советском уголовном процессе / отв. ред. Н. В. Жогин. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Юрид. лит., 1973. – 736 с.

258. Теория оперативно-розыскной деятельности / под ред. К. К. Горяинова, В. С. Овчинского, Г. К. Синилова. – М., 2006. – 400 с.

259. Тихомиров Ю. А. Коллизионное право : учебное и научно-практическое пособие / Ю.А. Тихомиров. – М., 2000. – 394 с.

260. Толковый словарь русского языка: в 4 т. / под ред. Д. Н. Ушакова. – М., 1935-1940. – 1287 с.

261. Томин В. Т. Острые углы уголовного судопроизводства / В. Т. Томин. – М. : Юрид. лит., 1991. – 240 с.

262. Уголовно-процессуальное право : учебник / под общ. ред. В. И. Рохлина. – СПб. : Изд-во «Юридический центр Пресс», 2004. – 653 с.
263. Уголовный процесс России : учебник / А. С. Александров, Н. Н. Ковтун, М. П. Поляков, С. П. Сереброва; под ред. В. Т. Томина. – М.: Юрайт-Издат, 2003. – 821 с.
264. Уголовный процесс: учебник / под ред. Б. Б. Булатова, А. М. Баранова. – М.: Юрайт, 2010. – 608 с.
265. Уголовный процесс. Проблемные лекции / под ред. В. Т. Томина, И. А. Зинченко. – М.: Изд-во «Юрайт», 2015.
266. Фаткуллин Ф. Н. Обвинение и судебный приговор / Ф. Н. Фаткуллин. – Казань: Изд-во Казанск. ун-та, 1965. – 532 с.
267. Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства: в 2 т. / И. Я. Фойницкий. – СПб., 1986. – Т. 1. – 552 с.
268. Цоколова О. И. Меры уголовно-процессуального принуждения, состоящие в изоляции подозреваемого, обвиняемого : монография / О. И. Цоколова. – М.: ВНИИ МВД России, 2008. – 310 с.
269. Чашин А. Н. Досудебное производство в уголовном процессе : учебное пособие / А. Н. Чашин. – М.: Дело и сервис, 2013. – 336 с.
270. Чечетин А. Е. Оперативно-розыскные мероприятия и права личности : монография / А. Е. Чечетин. – Барнаул: Барнаул. юрид. ин-т МВД России, 2006. – 148 с.
271. Чувилев А. А. Привлечение следователем и органом дознания лица в качестве подозреваемого по уголовному делу : учебное пособие / А. А. Чувилев. – М.: МВШ МВД ССР, 1982. – 315 с.
272. Шейфер С. А. Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования / С. А. Шейфер. – Тольятти: Волжский ун-т им. В.Н. Татищева, 1997. – 154 с.
273. Шейфер С. А. Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования / С. А. Шейфер. – М., 2012. – 154 с.

274. Шейфер С. А. Собираание доказательств в советском уголовном процессе: методологические и правовые проблемы / С. А. Шейфер. – Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1986. – 171 с.

275. Шейфер С. А. Следственные действия. Система и процессуальная форма / С. А. Шейфер. – М.: Юрид. лит., 1981. – 128 с.

276. Шейфер С. А. Досудебное производство в России: этапы развития следственной, судебной и прокурорской власти / С. А. Шейфер. М. : Норма: ИНФРА-М, 2013. – 230 с.

277. Шумилов А. Ю. Юридические основы оперативно-розыскных мероприятий : учеб. пособие / А. Ю. Шумилов. – М., 1999. – 168 с.

278. Шумилов А. Ю. Оперативно-розыскная энциклопедия: учеб. пособие / А. Ю. Шумилов. – М.: Изд. дом Шумиловой И.И., 2004. – 175 с.

279. Шумилов А. Ю. Основы уголовно-розыскного права (правовое регулирование оперативно-розыскной деятельности). Общая часть : учеб. пособие / А. Ю. Шумилов. – М., 2000. – 157 с.

280. Шумилов А. Ю. Краткая сыскная энциклопедия: Деятельность оперативно-розыскная, контрразведывательная, частная сыскная (детективная) / А. Ю. Шумилов. – М., 2000. – 273 с.

281. Элькинд П. С. Толкование и применение норм уголовно-процессуального права / П. С. Элькинд. – М., 1967. – 192 с.

282. Якимович Ю. К. Доказательства и доказывание в уголовном процессе России : учеб. пособие / Ю. К. Якимович. – Томск, 2015. – 80 с.

Статьи, тезисы докладов, научные сообщения

283. Абдрахманов Р. С. Понятие уголовно-процессуального задержания / Р. С. Абдрахманов // Российский следователь. – 2014. – № 5. – С. 18-22.

284. Азаров В. А. Уголовно-процессуальные и оперативно-розыскные средства достижения цели раскрытия преступлений / В. А. Азаров // Государство и право. – 1997. – № 10. – С. 45-49.

285. Азаров В. А. Оправдан ли межотраслевой подход при формировании правовых основ оперативно-розыскной деятельности / В. А. Азаров // Актуальные проблемы уголовного процесса и криминалистики России и стран СНГ: мат-лы международной научно-практической конференции, посвященной 85-летию со дня рождения профессора, доктора юридических наук, заслуженного деятеля высшей школы Ю. Д. Лившица, 4 апреля 2014 года. – Челябинск: Цицеро, 2014. – Ч. 2. – С. 59-64.

286. Азаров В. А. Судебный контроль как средство проверки доброкачественности результатов оперативно-розыскных мероприятий / В. А. Азаров, В. И. Иванов // Научный вестник Омской академии МВД России. – 2010. – № 4. – С. 19-23.

287. Александров Р. А. О некоторых проблемах уголовно-процессуального законодательства в сфере противодействия незаконному обороту наркотиков / Р. А. Александров // Перспективы совершенствования правовых институтов в условиях формирования новой национальной антинаркотической модели: мат-лы Всероссийской научно-практической конференции (25 октября 2011 г., Ростов-на-Дону). – М.: ПК Локус станди, 2012. – Ч. 1. – С. 104.

288. Анашкин А. В. К вопросу о возбуждении уголовного дела на основе результатов оперативно-розыскной деятельности / А. В. Анашкин // Актуальные проблемы юридической науки и практики: сборник мат-лов международной научно-практической конференции (20 мая). – Орел: ОРАГС. – 2009. – С. 212-213.

289. Астафьев Ю. В. Оперативный эксперимент и провокация: критерии разграничения / Ю. В. Астафьев // Пятьдесят лет кафедре уголовного процесса УрГЮА (СЮИ): материалы международ, науч.-практич. конференции. – Екатеринбург, 2005. – Ч. 1. – С. 51-57.

290. Баранов А. М. Использование результатов негласных способов собирания доказательств в уголовном судопроизводстве / А. М. Баранов // Государство и право. – 2007. – № 8. – С. 62-66.

291. Баранов В. М. «Квалифицированное молчание законодателя» как общеправовой феномен (к вопросу о сущности и сфере функционирования

пробелов в праве) / В. М. Баранов // Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал. – М., 2008. – № 1. – С. 75-78.

292. Баранов А. М. Досудебное производство: сыск, расследование, процесс / А. М. Баранов // Актуальные вопросы законодательного регулирования оперативно-розыскной деятельности. – Омск: Ом. юрид. акад., 2015. – С. 41-45.

293. Бирюлькин В. Г. Использование результатов оперативно-розыскной деятельности / В. Г. Бирюлькин и др. // Вопросы применения Федерального закон «Об оперативно-розыскной деятельности»: межвуз. сб. науч. тр. – Омск: Юрид. ин-т МВД России, 1998. – С. 124-126.

294. Блинова-Сычкарь И. В. Понятие «Принятие решения» в уголовном судопроизводстве [Электронный ресурс] / И. В. Блинова-Сычкарь, А. А. Миликова // Вестник ВолГУ. Серия 5. Юриспруденция. 2008. № 10. – Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-prinyatie-resheniya-v-ugolovnom-sudoproizvodstve> (дата обращения: 04.08.2013).

295. Бозров В. Результатам оперативно-розыскной деятельности – статус доказательств в уголовном процессе / В. Бозров // Российская юстиция. – 2004. – № 4. – С. 46-48.

296. Борисевич Г. Я. О существенных, неустранимых, фундаментальных нарушениях закона как основаниях отмены или изменения судебных решений по уголовным делам / Г. Я. Борисевич // Вестник Пермского университета. – 2013. – № 2 (20). – С. 199-210.

297. Бочаров В. А. Определение / В. А. Бочаров // Новая философская энциклопедия. – М.: Мысль, 2000. – 340 с.

298. Быков В. Право защитника собирать доказательства / В. Быков, Н. Громов // Законность. – 2003. – № 10. – С. 11-12.

299. Быков В. Принятие следователем решения о производстве следственных действий / В. Быков // Законность. – 2005. – № 10. – С. 8-10.

300. Вагин О. А. Конституционные проблемы оперативно-розыскной деятельности (научный доклад) [Электронный ресурс] / О. А. Вагин // Конституционно-правовые проблемы оперативно-розыскной деятельности:

сборник мат-лов Всероссийского круглого стола (3 ноября 2011 г.) / сост. К.Б. Калиновский. – СПб.: Петрополис, 2012. – Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

301. Вандышев В. В. Проблемы взаимосвязи уголовного судопроизводства и оперативно-розыскной деятельности [Электронный ресурс] / В. В. Вандышев // Конституционно-правовые проблемы оперативно-розыскной деятельности: сборник мат-лов Всероссийского круглого стола (3 ноября 2011 г.) / В. В. Абрамочкин, А. С. Александров, В. М. Аتماжитов и др.; сост. К. Б. Калиновский. – СПб.: Петрополис. – Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

302. Воронцова Н. Основания применения мер пресечения по новому УПК / Н. Воронцова // Российский следователь. – 2002. – № 9. – С. 8-11.

303. Воскобитова Л. А. Вопросы познания в современном уголовном судопроизводстве / Л. А. Воскобитова, С. Б. Россинский // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. – 2015. – Т. 9. – № 1. – С. 130-143.

304. Вытовтова Н. И. Понятие информации, ее криминалистическое значение / Н. И. Вытовтова // Вестник криминалистики. – 2004. – Вып. 1(9). – С. 31-37.

305. Гармаев Ю. П. Типичные ошибки в оперативно-розыскной деятельности по делам о взяточничестве / Ю. П. Гармаев // Уголовный процесс. – 2005. – № 3. – С. 55-61.

306. Гармаев Ю. П. Источники методики расследования преступлений в сфере внешнеэкономической деятельности / Ю. П. Гармаев // Вестник криминалистики. – М.: Спарк, 2003. – Вып. 1 (5). – С. 22-29.

307. Головки Л. В. Постсоветская теория судебного контроля в досудебных стадиях уголовного процесса: попытка концептуального переосмысления / Л. В. Головки // Государство и право. – 2013. – № 9. – С. 17-32.

308. Гончан Ю. А. Функции доказывания и принятия решений в уголовном процессе / Ю. А. Гончан, Н. Н. Пиксин // Российский следователь. – 2007. – № 3. – С. 9.

309. Гармидов Ю. А. Некоторые особенности и проблемы использования результатов оперативно-розыскного мероприятия «проверочная закупка» в уголовном процессе / Ю. А. Гармидов // Вестник Калининградского юридического института МВД России. – 2011. – № 4. – С. 54-58.

310. Григорьев В. Н. Вариант нормативной модели наделения следователя оперативными полномочиями / В. Н. Григорьев // Вестник Московского университета МВД России. – 2013. – № 7. – С. 45-47.

311. Григорьев В. Н. Некоторые положения теории доказывания в уголовном судопроизводстве / В. Н. Григорьев, А. В. Победкин // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. – 2012. – № 2. – С. 24-29.

312. Григорьев В. Н. Некоторые положения теории доказывания в уголовном судопроизводстве / В. Н. Григорьев, А. В. Победкин // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. – 2012. – № 2. – С. 24-29.

313. Григорьев В. Н. Уголовное производство как средство защиты прав граждан: конституционные основы и правовой механизм реализации / В. Н. Григорьев, А. Ю. Терехов // Алтайский юридический вестник. – 2016. – № 3 (15). – С. 118-124.

314. Громов Н. А. Об интерпретации результатов оперативно-розыскной деятельности / Н. А. Громов, А. М. Гришин, А. Н. Гущин, С. В. Гольдштейн // Следователь. – 2002. – № 2. – С. 46-53.

315. Гущин А. Н. Процессуальные аспекты применения оперативно-розыскной информации при производстве по уголовному делу / А. Н. Гущин, А. С. Лукьянов, В. А. Колдин, Н. А. Громов // Следователь. – 2004. – № 8. – С. 45-50.

316. Давлетов А. А. Факт, информация, знания в структуре уголовно-процессуального познания / А. А. Давлетов // Правоведение. – 1990. – № 2. – С. 88-92.

317. Давлетов А. А. «Свободное» доказательство в уголовном процессе / А. А. Давлетов, В. А. Камышин // Вестник Удмуртского университета. Правоведение. – 1998. – № 1. – С. 91.

318. Доля Е. А. Использование в доказывании результатов оперативно-розыскной деятельности / Е. А. Доля // Российская юстиция. – 2007. – № 6. – С. 38-42.

319. Доля Е. А. Результатам оперативно-розыскной деятельности нельзя придавать статус доказательств в уголовном процессе / Е. А. Доля // Российская юстиция. – 2007. – № 6. – С. 38-42.

320. Доля Е. А. Результаты оперативно-розыскной деятельности не могут стать содержанием доказательств в уголовном процессе / Е. А. Доля // Государство и право. – 2013. – № 5. – С. 24-39.

321. Зажицкий В.И. Трудности представления прокурору и органам расследования результатов оперативно-розыскной деятельности / В. И. Зажицкий // Российская юстиция. – 2001. – №1. – С. 37-43.

322. Зажицкий В. И. Использование результатов оперативно-розыскной деятельности в уголовном судопроизводстве / В. И. Зажицкий // Российская юстиция. – 2001. – № 3. – С. 47-53.

323. Зажицкий В. И. Понятие использования результатов оперативно-розыскной деятельности в доказывании по уголовным делам / В. И. Зажицкий // Проблемы формирования уголовно-розыскного права (Актуальные вопросы обнаружения преступлений с помощью негласных возможностей): вневедомственный сборник научных работ / под ред. А.Ю. Шумилова. – Вып. 3. – М., 2000. – С. 58-66.

324. Земскова А. Документирование результатов оперативно-розыскных мероприятий / А. Земскова // Российская юстиция. – 2001. – № 7. – С. 62-65.

325. Зникин В. К. Раскрытие преступления как вектор оптимального его расследования / В. К. Зникин // Вестник Томского государственного университета. Право. – 2014. – № 2 (12). – С. 59-65.

326. Зорин Р. Г. Совершенствование правового регулирования использования результатов ОРД в качестве доказательств и их источников в уголовном судопроизводстве / Р. Г. Зорин, О. Т. Сувитко // Научный вестник Омской академии МВД России. – 2014. – № 4 (55). – С. 39-43.

327. Зуев С. В. Использование результатов оперативно-розыскной деятельности в качестве доказательств / С.В. Зуев // Уголовное право. – 2007. – № 3. – С. 94-97.

328. Иванов В. Д. Отличие провокации преступления от подстрекательства / В. Д. Иванов // Ученые записки ДЮИ. – Ростов-на-Дону: Изд-во ДЮИ, 2002. – Т. 20. – С. 42-45.

329. Кальницкий В. В. Возбуждение уголовного дела в системе уголовно-процессуальной и оперативно-розыскной деятельности / В. В. Кальницкий, Ю. А. Николаев // Вопросы применения Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности». – Омск, 1998. – С. 29-32.

330. Карнеева Л. М. Доказывание при отказе в возбуждении уголовного дела / Л. М. Карнеева // Советское государство и право. – 1975. – № 2. – С. 93-98.

331. Кленов Д. И. Использование информации, полученной в результате оперативно-розыскной деятельности в качестве ориентирующей / Д. И. Кленов // Наука и образование в вузе: направления и пути интеграции: мат-лы I межвузовской конференции по научно-исследовательской работе (27-28 июня 2005 г.). – Ижевск: Изд-во ВятГГУ. – 2005. – С. 104-107.

332. Ковалев В. Н. Возбуждение уголовных дел в связи с незаконным оборотом наркотиков по результатам ОРД / В. Н. Ковалев // Научный вестник Омской академии МВД России. – 2009. – № 1 (32). – С. 29-32.

333. Ковлер А. И. Россия в Европейском Суде: 2012-й – год «большого перелома» / А. И. Ковлер // Российское правосудие. – 2013. – № 3 (83). – С. 15-30.

334. Ковтун Н. Н. Задержание подозреваемого: новые грани старых проблем / Н. Н. Ковтун // Российская юстиция. – 2002. – № 10. – С. 42-48.

335. Кожкаръ В. В. Теоретико-правовые формирования поводов и основания для возбуждения уголовного дела / В. В. Кожкаръ // Российский следователь. – 2015. – № 15. – С. 30.

336. Круглов И. В. Фактическое задержание и доставление лица, задержанного по подозрению в совершении преступления / И. В. Круглов, Х. В. Бопхоев // Российский следователь. – 2005. – № 5. – С. 2-5.

337. Кучин О. С. Об актуальности использования результатов ОРД в доказывании / О. С. Кучин // Вестник ЮУрГУ. – 2005. – № 25. – С. 41-45.

338. Лифанов Е. Н. О понятии основания привлечения в качестве обвиняемого / Е. Н. Лифанов // Вопросы повышения эффективности борьбы с преступностью. – Томск: Томский университет. – 1979. – С. 74-78

339. Луговик В. Ф. Негласное правоприменение в уголовном преследовании / В. Ф. Луговик, А. М. Баранов // Научный вестник Омской академии МВД России. – 2015. – № 2. – С. 7-11.

340. Мазунин Я. М. О необходимости придания результатам оперативно-розыскной деятельности статуса доказательств / Я. М. Мазунин // Уголовно-процессуальные и криминалистические чтения на Алтае: мат-лы десятой (юбилейной) Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 75-летию со дня рождения и 50-летию научно-педагогической деятельности В.К. Гавло. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2011, Вып. 10. – С. 65-70.

341. Манаев Ю. В. Обоснованность процессуальных решений следователя / Ю. В. Манаев // Советское государство и право. – 1978. – №5. – С. 84-88.

342. Манаев Ю. В. Проверка в суде законности и обоснованности процессуальных решений следователя / Ю. В. Манаев // Советская юстиция. – 1973. – № 21. – С. 3-7.

343. Маркушин А. Г. Правовое обеспечение оперативно-розыскной деятельности в доказывании [Электронный ресурс] / А. Г. Маркушин // Конституционно-правовые проблемы оперативно-розыскной деятельности: сборник мат-лов Всероссийского круглого стола (3 ноября 2011 г.) / В. В. Абрамочкин, А. С. Александров, В. М. Аتماжитов и др.; сост.

К. Б. Калиновский. – СПб.: Петрополис, 2012. – Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

344. Мельников В. Ю. Использование результатов оперативно-розыскной деятельности как основания для задержания заподозренного лица / В. Ю. Мельников // Российский следователь. – 2005. – № 11. – С. 6-10.

345. Мичурина О. В. О некоторых проблемах проверки сообщений о преступлении / О. В. Мичурина // Проблемы предварительного следствия и дознания: сборник научных трудов. – М.: ВНИИ МВД России, 2004. – С. 50-54.

346. Муратова Н. Г. Понятие и значение судебных решений в механизме судебного контроля по уголовным делам / Н. Г. Муратова, М. С. Подольский // Обеспечение законности в российском уголовном судопроизводстве: мат-лы международной научно-практической конференции (Саранск, 7-8 декабря 2006 г.). – Саранск: Мордов. кн. изд-во, 2006. – С. 280-284.

347. Нагоева М. А. Использование результатов ОРД в ходе предварительного расследования / М. А. Нагоева // Современные проблемы науки и образования. – 2015. – № 1-1. – URL: <https://www.science-education.ru/ru/article/view?id=19631> (дата обращения: 10.03.2017).

348. Назаров С. Задержание – «иное» процессуальное действие / С. Назаров // Российская юстиция. – № 7. – 2003. – С. 21-23.

349. Наркоситуация: Интервью журналу «Наркоконтроль» председателя Государственного антинаркотического комитета, директора Федеральной службы Российской Федерации по контролю за оборотом наркотиков / В. П. Иванова // Наркоконтроль. – 2013. – № 2. – С. 2-7.

350. Пашаева Э. Х. О судебной практике, связанной с оценкой результатов повторных проверочных закупок при принятии процессуальных решений по делам о незаконном сбыте наркотических средств / Э. Х. Пашаева, С. И. Давыдов // Алтайский юридический вестник. – 2016. – № 1 (13). – С. 90-95.

351. Пашаева Э. Х. К вопросу о понятии и сущности результатов оперативно-розыскной деятельности / Э. Х. Пашаева // Теория и практика современной юридической науки: сборник научных трудов по итогам

международной научно-практической конференции. – Самара, 2015. – № 2. – С. 100-103.

352. Петрухин И. Л. Судебные гарантии прав личности (в уголовном процессе) / И.Л. Петрухин // Актуальные вопросы борьбы с преступностью в России и за рубежом : вып. 8 / отв. ред. Л. Л. Ананиан, О.А. Белявская, Н.Н. Кондрашков, Н.Н. Мясоедов. – М., 1992. – 94 с.

353. Печников Г. А. Значение результатов ОРД для объективно-истинного и состязательного типов уголовного процесса / Г. А. Печников, С. Д. Назаров, В. М. Шинкарук // Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2014. – № 1 (28). – С. 188-192.

354. Поляков М. П. Использование результатов оперативно-розыскной деятельности в доказывании / М. П. Поляков // Уголовно-процессуальный кодекс РФ: год правоприменения и преподавания : мат-лы междунар. конференции. – М., 2004. – С. 182.

355. Поляков М. О модели правового института использования результатов ОРД в уголовном процессе / М. Поляков, Р. Рыжов // Уголовное право. – 2005. – № 1. – С. 89-90.

356. Пономаренков В. А. Представление оперативными подразделениями материалов фото- и киносъемки, аудио- и видеозаписи органу дознания, следователю, прокурору или суду / В. А. Пономаренков, В. Ю. Алфёров, Н. П. Царёва, Н. А. Громов // Следователь. – 2002. – № 11. – С. 49-42.

357. Пристансков Д. Процессуальные гарантии / Д. Пристансков // «ЭЖ-Юрист». – 2005. – № 19. – С. 48.

358. Рылков Д. В. Повод для возбуждения уголовного дела как необходимое условие начала производства по делу / Д. В. Рылков // Российский следователь. – 2009. – № 17. – С. 8.

359. Сергеев А. В. Возможность доказывания в стадии возбуждения уголовного дела / А. В. Сергеев, О. В. Овчинникова // Российский следователь. – 2009. – № 20. – С. 15-17.

360. Смирнов А. В. «Серебряное блюдо» оперативно-розыскной деятельности / А. В. Смирнов // Уголовный процесс. – 2012. – №10. – С. 12-18.

361. Смирнов А. В. Достаточность фактических оснований уголовно-процессуальных решений / А. В. Смирнов // Правоведение. 1983. № 5. С. 80-86.

362. Степанов А. А. К вопросу о понятии результатов ОРД [Электронный ресурс] / А. А. Степанов, М. Г. Шананин // Электронный каталог библиотеки юридического факультета СПбГУ. – Режим доступа: <http://www.law.edu.ru/doc/document.asp?docID=1312101> (дата обращения: 15.04.2013).

363. Стойко Н. Г. Обеспечение интересов общественной безопасности и право на защиту от конституционно неоправданного использования технических средств, информаторов, полиграфа и гипноза: позиции Верховного Суда США / Н. Г. Стойко // Обеспечение и реализация прав человека и гражданина: исторический опыт, современные проблемы и пути оптимизации: сборник научных статей : мат-лы международной научно-практической конференции в рамках Евразийского научного форума «Наука и образование современной Евразии: традиции и инновации», посвящённого 300-летию со дня рождения М.В. Ломоносова (Санкт-Петербург, 27-28 октября 2011 г.) / науч. ред. С. Б. Мартыненко. – СПб. : МИЭП, 2012. – Ч. II. – С. 179-192.

364. Строгович М. С. О дознании и предварительном следствии и о «едином» следственном аппарате / М. С. Строгович // Соц. законность. – 1957. – № 5. – С. 22-23.

365. Сурихин П. Л. Задержание лица по подозрению в совершении преступления / П. Л. Сурихин // Уголовный процесс. – М.: Изд. Дом «Арбитражная практика», 2005. – № 7. – С. 11-22.

366. Торбин Ю. Особенности использования результатов оперативно-розыскной деятельности при возбуждении уголовного дела по ст. 210 УК РФ / Ю. Торбин // Уголовное право. – 2006. – №4. – С.88-92.

367. Трубникова Т. В. Запрет на использование данных, полученных в результате провокации преступления, как один из элементов права на судебную

защиту, и гарантии его реализации в уголовном процессе РФ / Т. В. Трубникова // Вестник Томского государственного университета. Право. – 2015. – № 2(16). – С. 109-127.

368. Трубникова Т. В. Отграничение провокации от правомерного оперативно-розыскного мероприятия в практике ЕСПЧ и судов РФ / Т. В. Трубникова // Уголовный процесс. – 2012. – № 12. – С. 44-52.

369. Ульянова Л. Т. Возникновение, развитие и современные проблемы института уголовно-процессуального доказательства / Л. Т. Ульянова // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. – 2011. – № 6. – С. 45-55.

370. Фомин М. А. Провокация сбыта наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов / М. А. Фомин // Уголовный процесс. – 2007. – № 5. – С. 37-41.

371. Чечетин А. Е. О классификации условий проведения оперативно-розыскных мероприятий / А. Е. Чечетин, А. А. Яковлев, В. В. Крейцберг // Вопросы применения Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности»: межвуз. сб. науч. тр. – Омск, 1998. – С. 71-72.

372. Чечетин А. Е. Оперативно-розыскные мероприятия и права личности [Электронный ресурс] / А. Е. Чечетин // Уголовная юстиция: связь времен. Избранные материалы международной научной конференции (Санкт-Петербург, 6-8 октября 2010 г.). – Режим доступа: <http://www.iuaj.net/node/546> (дата обращения: 03.03.2015).

373. Чечетин А. Е. Проверочная закупка наркотиков в решениях Европейского суда по правам человека / А. Е. Чечетин // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2014. № 2. С. 137-142.

374. Чечетин А. Е. Обеспечение прав личности при проведении проверочных закупок наркотиков / А. Е. Чечетин // Вестник Сибирского юридического института ФСКН России. – 2015. – № 2 (19). – С. 19-25.

375. Чечетин А. Е. Обеспечение прав личности при проведении проверочных закупок наркотиков / А. Е. Чечетин // Вестник Сибирского юридического института ФСКН России. – 2015. – № 2 (19). – С. 23.

376. Чумаров С. А. О понятии результатов оперативно-розыскной деятельности и их содержании / С. А. Чумаров // Вестник Сибирского юридического института ФСКН России. – 2013. – № 2 (13). – С. 153-159.

377. Чурилов Ю. Допустимое свидетельство вины [Электронный ресурс] / Ю. Чурилов // «Эж-Юрист». 2008. № 3. – Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

378. Шананин М. Г. Использование результатов оперативно-розыскной деятельности для подготовки и проведения следственных действий / М. Г. Шананин // Вестник криминалистики. – М.: Спарк. – 2006. – Вып. 3 (19). – С. 85-88.

379. Шейфер С. А. Использование непроцессуальных познавательных мероприятий в доказывании по уголовному делу / С. А. Шейфер // Государство и право. – 1997. – № 9. – С. 59-60.

380. Шелудько А. А. Использование в доказывании результатов оперативно-розыскных мероприятий / А. А. Шелудько // Вестник Калининградского юридического института МВД России. – 2011. – № 1. – С. 133-137.

381. Шошин С. В. Некоторые проблемы констатации провокации при доказывании в современном российском уголовном процессе / С. В. Шошин // Уголовная юстиция. – 2016. № 1(7). – С.99-103.

382. Эксархопуло А. А. Решения в криминалистике и их классификация / А. А. Эксархопуло // Расследование преступлений: вопросы теории и практики. – Воронеж, 1997. – С. 20-30.

383. Якушев В. С. О понятии правового института / В. С. Якушев // Правоведение. – 1970. – № 6. – С. 61-67.

Диссертации и авторефераты диссертаций

384. Березина Л. В. Доказывание в стадии возбуждения уголовного дела по УПК Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Березина Людмила Валентиновна. – Саратов, 2003. – 25 с.

385. Бажанов М. И. Законность и обоснованность судебных актов в советском уголовном судопроизводстве: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.09 / Бажанов Марк Игоревич. – Харьков, 1967. – 34 с.
386. Бушная Н. В. Проблемы применения мер процессуального принуждения в стадии предварительного расследования: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Бушная Наталья Владимировна. – Волгоград, 2005. – 26 с.
387. Васильев Р. Ф. Акты управления (понятие и юридические свойства): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.02 / Васильев Руслан Федорович. – М., 1980. – 33 с.
388. Воробьева Ю. Ю. Современные проблемы процесса доказывания в российском уголовном судопроизводстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Воробьева Юлия Юрьевна. – Оренбург, 2006. – 22 с.
389. Грошевой Ю. М. Законность и обоснованность приговора советского суда: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Грошевой Юрий Михайлович. – Харьков, 1965. – 25 с.
390. Дубинский А. Я. Правовые и организационные проблемы исполнения процессуальных решений следователя: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.09 / Дубинский Анатолий Яковлевич. – Киев, 1984. – 46 с.
391. Ефремов А. М. Обеспечение прав и свобод человека и гражданина в оперативно-розыскной деятельности (теоретические и прикладные проблемы): дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.09 / Ефремов Анатолий Миронович. – СПб., 2001. – 417 с.
392. Зайковский В. Н. Использование результатов оперативно-розыскной деятельности в ходе доказывания по уголовному делу: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Зайковский Виктор Николаевич. – СПб., 1996. – 234 с.
393. Земскова А. В. Правовые проблемы использования результатов оперативно-розыскных мероприятий в уголовно-процессуальном доказывании: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Земскова Александра Владимировна. – М., 1998. – 175 с.

394. Земскова А. В. Теоретические основы использования результатов оперативно-розыскной деятельности при расследовании преступлений: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.09 / Земскова Александра Владимировна. – М., 2002. – 420 с.

395. Иванов А. С. Допрос как средство легализации данных, полученных в ходе оперативно-розыскной деятельности: дис... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Иванов Алексей Сергеевич – Нижний Новгород: НА МВД РФ, 2008. – 219 с.

396. Каац М. Э. Использование оперативно-розыскной информации в уголовном судопроизводстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Каац Марина Эвальдовна. – Тюмень, 2008. – 28 с.

397. Кленов Д. И. Процессуальный порядок использования результатов оперативно-розыскной деятельности в доказывании на судебных стадиях производства по уголовным делам: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Кленов Дмитрий Игоревич. – Ижевск, 2005. – 21 с.

398. Клименко Т. М. Проблемы противодействия наркопреступности, наркотизму и наркомании в Российской Федерации (вопросы теории и практики): автореф. дис. ... д-ра. юрид. наук: 12.00.08 / Клименко Татьяна Михайловна. – Волгоград, 2008. – 32 с.

399. Коршунов А. В. Использование результатов оперативно-розыскной деятельности следователем органов внутренних дел в доказывании по уголовным делам, связанным с незаконным оборотом наркотических средств: дис. ...канд. юрид. наук: 12.00.09 / Коршунов Артем Викторович. – Санкт-Петербург, 2001. – 178 с.

400. Кузнецов Н. П. Доказывание в стадии возбуждения уголовного дела: автореф. дис. ... канд. юрид. Наук: 12.00.09 / Кузнецов Николай Павлович. – Харьков, 1980. – 34 с.

401. Кутуев Э. К. Заключение под стражу и содержание под стражей: состояние, проблемы, перспективы: автореф. дис. ...канд. юрид. наук: 12.00.09 / Кутуев Эльдар Кяримович. – Санкт-Петербург, 1999. – 18 с.

402. Кучерук Д. С. Использование результатов оперативно-розыскной деятельности в доказывании по уголовным делам о взяточничестве: автореф. дис.

... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Кучерук Дмитрий Сергеевич. – Нижний Новгород, 2011. – 36 с.

403. Лебедев В. М. Судебная власть на защите конституционного права граждан на свободу и личную неприкосновенность в уголовном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Лебедев Вячеслав Михайлович. – М., 1998. – 23 с.

404. Маслов В. В. Деятельность суда по обеспечению прав и законных интересов граждан в процессе оперативно-розыскной деятельности: автореф. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Маслов Владимир Владимирович. – Екатеринбург, 2011. – 25 с.

405. Муравин А. Б. Проблемы мотивировки процессуальных решений следователя: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Муравин Александр Борисович. – Харьков, 1987. – 18 с.

406. Муратова Н. Г. Уголовно-процессуальные акты органов предварительного расследования: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Муратова Надежда Георгиевна. – Казань, 1985. – 24 с.

407. Овсянников Ю. В. Основания и мотивы принятия уголовно-процессуальных решений в стадии возбуждения уголовного дела: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Овсянников Юрий Васильевич. – Омск, 2001. – 220 с.

408. Отаров А. А. Использование доказательств в процессуальных решениях по уголовным делам: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Отаров Алим Арсенович. – Казань, 2007. – 29 с.

409. Поляков М. П. Уголовно-процессуальная интерпретация результатов оперативно-розыскной деятельности: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.09 / Поляков Михаил Петрович. – Нижний Новгород, 2002. – 454 с.

410. Поляков М. П. Уголовно-процессуальная интерпретация результатов оперативно-розыскной деятельности: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.09 / Поляков Михаил Петрович. – Нижний Новгород: НА МВД РФ, 2002. – 27 с.

411. Рыжов Р. С. Использование результатов оперативно-розыскной деятельности в уголовном процессе как правовой институт: дис. ...канд. юрид. наук: 12.00.09 / Рыжов Роман Сергеевич. – Нижний Новгород, 2004. – 192 с.

412. Саакян А. Г. Организационно-правовой механизм использования результатов оперативно-розыскной деятельности в отечественном досудебном производстве: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.12; 12.00.09 / Саакян Артем Григорьевич. – М., 2010. – 197 с.

413. Смирнов А. В. Достаточные фактические основания уголовно-процессуальных решений (стадии возбуждения уголовного дела и предварительного расследования): автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Смирнов Александр Витальевич. – Ленинград, 1984. – 20 с.

414. Тюхтенов С. С. Акты предварительного расследования и основные к ним требования в советском уголовном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Тюхтенов Степан Сюзанович. – М., 1972. – 24 с.

415. Шананин М. Г. Тактика использования результатов оперативно-розыскной деятельности для подготовки и проведения следственных действий (генезис, теория и практика): дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Шананин Михаил Германович. – СПб., 2004. – 199 с.

ПРИЛОЖЕНИЕ А Результаты экспертного опроса респондентов по актуальным вопросам исследования за период 2010-2016 гг.

Таблица А.1 Результаты экспертного опроса федеральных судей и их помощников по актуальным вопросам исследования за период 2010-2016 гг.

№ п/п	Вопросы	ответ		
		утвердительный	отрицательный	воздержались
1	должность (кол-во чел.) 120	% (X)	% (X)	% (X)
	федеральные судьи и их помощники		X	X
2	Приходилось ли Вам в своей судебной практике принимать процессуальные решения, основанные на результатах ОРД?	96,4	2,0	1,6
3	Имеют ли на Ваш взгляд результаты ОРД значение для правосудия?	87,4	3,1	9,5
4	Следует ли, на Ваш взгляд, результаты ОРД выделить в качестве самостоятельного повода для возбуждения уголовного дела?	52,2	28,7	19,1
5	Считаете ли вы правомерным до возбуждения уголовного дела осуществлять фактическое задержание, подозреваемого в незаконном сбыте наркотиков и производить изъятие у него поличного в административном порядке?	38,3	51,2	10,5
6	В тех случаях, если срок фактического задержания подозреваемого не совпадает со сроком его доставления, указанным в протоколе задержания, то Вы, все равно засчитываете время фактического задержания в срок содержания под стражей или отбывания наказания	76,4	6,2	17,4
7	Считаете ли Вы правомерным принятие решения о задержании подозреваемого на основе результатов ОРД?			
	- да, решение о задержании может быть основано на результатах ОРД, если они были получены и проверены в соответствии с законом	32,9	X	X
	- только в совокупности с доказательствами результаты ОРД могут стать фактическим основанием решения о задержании подозреваемого	42,6		
	- нет, результаты ОРД не могут выступать в качестве фактического основания решения о задержании подозреваемого, так как положения с.91 УПК РФ не содержат прямых указаний о	24,5		

	такой возможности			
8	Разделяете ли Вы мнение о том, что содержание ч. 1 ст. 108 УПК РФ нуждается в более четкой его регламентации, которое по своему смысловому значению могло позволять использовать результаты ОРД при принятии решения об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу?	51,4	16,2	32,4
9	Результаты ОРД используемые при принятии процессуальных решений, исследуются Вами с позиции соответствия их нормам (правилам, разъяснениям): - международного права и международных договоров РФ - УПК РФ - Федерального Закона об ОРД - ведомственных нормативно-правовых актов - требованиям к оформлению результатов проведения ОРМ (касающихся оснований и порядка проведения ОРМ) - разъяснениям Конституционного Суда РФ - разъяснениям Пленума Верховного Суда РФ - разъяснениям ЕСПЧ - иное (укажите)	76,8 98,4 87,6 56,2 46,4 84,6 73,8 43,4 X	X	X
10	Допустимо ли на Ваш взгляд, использование результатов повторной проверочной закупки в отношении конкретного лица, в том случае, если в ходе аналогичной первоначальной ПЗН уже были задокументированы его преступные действия? (Вопрос был задан в период 2008-2012 гг.) - да, поскольку результаты повторной ПЗН подтверждают преступный умысел лица направленный на незаконный сбыт наркотиков - да, но только при определенных случаях, и если на то есть достаточные основания, и иные от первоначальной закупки цели, а также вынесено отдельное постановление на проведение повторной ПЗН - нет, не допустимо	87,4 10,2 2,4	X	X
11	Допустимо ли на Ваш взгляд, использование результатов повторной проверочной закупки в отношении конкретного лица, в том случае, если в ходе аналогичной первоначальной ПЗН уже были задокументированы его преступные действия? (Вопрос был задан в период 2013-2015 гг.) - да, поскольку результаты повторной ПЗН подтверждают преступный умысел лица направленный на незаконный сбыт наркотиков - да, но только при определенных случаях, и если на то есть достаточные основания, и иные	2,6 63,8	X	X

	от первоначальной закупки цели, а также вынесено отдельное постановление на проведение повторной ПЗН - нет, не допустимо	33,6		
12	Часто ли Вы испытываете трудности в проверке и оценке результатов ОРД при постановлении приговора?	62,4	6,2	31,4
13	Разделяете ли вы мнение о том, что назрела необходимость Верховному Суду РФ проанализировать и обобщить судебную практику, связанную с использованием результатов ОРД при постановлении приговора, и дать дополнительные руководящие разъяснения, изложив их в отдельном постановлении Пленума Верховного Суда РФ	57,8	4,1	38,1
14	Считаете ли Вы достаточным правовое регулирование использования результатов ОРД при принятии процессуальных решений	16,3	58,4	25,3
15	Ваш стаж работы в должности судьи: - до одного года - свыше одного года - от трех до пяти лет - свыше пяти лет	0,0 8,2 31,6 60,2	X	X

Таблица А.2 Результаты экспертного опроса адвокатов по актуальным вопросам исследования за период 2010-2016 гг.

№ п/п	Вопросы	ответ		
		утвердительный	отрицательный	воздержались
1	должность (кол-во чел.)	%	%	%
	45	(X)	(X)	(X)
	адвокат		X	X
2	Могут ли, на Ваш взгляд, результаты ОРД выступать допустимым основанием принятия следующих процессуальных решений: о возбуждении уголовного дела, об избрании мер процессуального принуждения (пресечения) в порядке ст.ст 91,92,108 УПК РФ, а также быть основанием для принятия процессуальных решений о производстве следственных действий, существенно ограничивающих конституционные права человека и гражданина?	26,4	42,7	30,9
3	При каких условиях, на Ваш взгляд, допустимо использование результатов ОРД в принятии процессуальных решений?			
	- при соблюдении норм УПК РФ - при соблюдении норм Федерального закона об	87,6 93,5	X	X

	ОРД - при соблюдении норм ведомственных нормативно-правовых актов - при соблюдении требований к оформлению результатов проведения ОРМ - иное мнение (укажите) - затрудняюсь ответить	46,3 82,6 6 0		
4	Как часто Вы оспариваете (в досудебном производстве или на стадии судебного производства) законность процессуальных решений, в основу которых положены результаты ОРД?	87,9	6,2	6
5	Наиболее часто Вами оспариваются законность следующих процессуальных решений, фактическим основанием которых явились результаты ОРД: - о возбуждении уголовного дела - о производстве следственных действий, ограничивающих конституционные права - о производстве иных следственных действий (укажите конкретно) - об избрании таких мер процессуального принуждения (пресечения), как: - о задержании - о заключении лица под стражу - о вынесении обвинительного заключения - о прекращении уголовного дела - о приостановлении уголовного дела - о постановлении приговора	58,9 76,2 17,8 54,3 62,7 4 0 0 71,3	X	X
6	Считаете ли Вы законной практику, связанную с составлением протокола об административном задержании лица, совершившего сбыт наркотиков в ходе проверочной закупки, и изъятия у него поличного путем досмотра?	68,4	12,4	19,2
7	Результаты каких ОРМ, оспариваются Вами чаще всего? - проверочной закупки - контролируемой поставки - оперативного эксперимента - прослушивания телефонных переговоров - иные ОРМ (укажите)	98,7 75,4 98,2 63,4 18,5	X	X
8	В случае если Вы ходатайствуете о нарушении закона при принятии процессуальных решений, основанных на результатах ОРД, то, какого содержания этого ходатайства? - о нарушении законности проведенного ОРМ, результаты которого были положены в основание принятия процессуального решения - о несоответствии законности процессуального решения, в основание которого были положены результаты ОРД	71,3 87,6	X	X

	- о недопустимости доказательств, полученных на основе процессуального решения фактическим основанием, которого выступили результаты ОРД	82,1		
9	Допустимо ли на Ваш взгляд, использование результатов повторной проверочной закупки в отношении конкретного лица, в том случае, если в ходе аналогичной первоначальной ПЗН уже были задокументированы его преступные действия? - да, поскольку результаты повторной ПЗН подтверждают преступный умысел лица направленный на незаконный сбыт наркотиков - да, но только при определенных случаях, и если на то есть достаточные основания, и иные от первоначальной закупки цели, а также вынесено отдельное постановление на проведение повторной ПЗН - нет, не допустимо	3,2 57,4 39,5	X	X
10	Достаточно ли на Ваш взгляд при постановлении приговора ограничиваться ссылками на допросы должных лиц, осуществлявших ПЗН в подтверждение законности проведения этого ОРМ и допустимости, полученных по его итогам результатов ОРД?	24,5	54,7	20,8
11	Считаете ли Вы достаточным правовое регулирование использования результатов ОРД при принятии процессуальных решений	16,3	58,4	25,3
12	Ваш стаж адвокатской деятельности: до одного года свыше одного года свыше трех лет.	6,7 12,4 80,9	X	X

Таблица А.3 Результаты экспертного опроса прокуроров и их помощников, руководителей следственных органов, их заместителей, следователей по актуальным вопросам исследования за период 2010-2016 гг.

№ п/п	Вопросы	ответ		
		утвердительный	отрицательный	воздержались
1	должность (кол-во чел.) 15 прокуроров и их помощников 100 руководителей СО, их заместителей, следователей	% (X)	% (X)	% (X)
			X	X
2	Допустимо ли на Ваш взгляд использование результатов ОРД при принятии следующих процессуальных решений? - о возбуждении уголовного дела	76,4	X	X

	<ul style="list-style-type: none"> - о задержании подозреваемого по ст.ст. 91,92 УПК 73,8 - об избрании меры пресечения в порядке ст. 108 УПК РФ 43,1 - об избрании иных мер процессуального принуждения 32,7 - о производстве следственных действий, ограничивающих конституционные права 61,5 - о производстве иных следственных действий 50 - о привлечении лица в качестве обвиняемого 24,2 - о приостановлении предварительного расследования 30 - о возобновлении предварительного расследования 54,7 			
3	<p>По Вашему мнению, какие следственные действия обладают оперативно-розыскной составляющей?</p> <ul style="list-style-type: none"> - осмотр места происшествия, местности, иного помещения, предметов, документов 60,5 - осмотр в жилище при отсутствии согласия проживающих в нем лиц 61,3 - осмотр трупа 69,8 - эксгумация 21,1 - освидетельствование 71,4 - обыск и (или) выемка в жилище 76,9 - обыск (кроме обыска в жилище) 80,2 - личный обыск 80 - выемка (кроме случаев, требующих решения суда) 71,6 - выемка предметов и документов, содержащих государственную тайну или информацию о вкладах 54,3 - наложение ареста на корреспонденцию, ее осмотр и выемка в учреждении связи 52,1 - контроль и запись телефонных переговоров 60,4 - выемка почтово-телеграфных отправок 51,7 - получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами 62,9 - наложение ареста на имущество и денежные средства физических и юридических лиц 23,2 - следственный эксперимент 0 - допрос 89,7 - очная ставка 3,1 - предъявление для опознания 20 - проверка показаний на месте 0 - назначение экспертизы 98,6 		X	X
4	<p>Какую роль, по Вашему мнению, играют результаты ОРД при принятии процессуального решения:</p> <ul style="list-style-type: none"> - основную (первостепенную) роль 10,4 - ориентирующую, представляют информацию, 52,5 		X	X

	но не имеют первостепенного значения - вспомогательную роль (используются в совокупности с другими доказательствами, подтверждая их)	37,1		
5	Всегда ли сообщение о готовящемся или совершенном преступлении, полученное оперативным сотрудником в ходе проведения ОРД, является поводом для возбуждения уголовного дела?	57,9	37,5	4,6
6	Следует ли, на Ваш взгляд, результаты ОРД выделить в качестве самостоятельного повода для возбуждения уголовного дела?	38,6	24,2	37,2
7	Всегда ли предоставленные ОРО материалы отвечают требованиям, позволяющим принять процессуальное решение о возбуждении уголовного дела? Если нет, то по какой причине, укажите? - да, отвечает всем требованиям - нет, не отвечает требованиям по следующим причинам: - низкое качество оформления (форма закрепления) - низкая информативность документов - сомнения в достоверности представленных данных - оперативные данные недостаточны для принятия решения о возбуждении уголовного дела	18,9 47,7 22,4 17,3 24,6	X	X
8	Доводилось ли Вам знакомиться с оперативно-розыскными материалами (результатами ОРД) до возбуждения уголовного дела? - да, я был ознакомлен со всеми материалами - да, меня знакомили с отдельными документами - меня не знакомили с материалами	11,3 36,6 52,1	X	X
9	Подразумевает ли, на Ваш взгляд, содержащаяся в ч. 2 ст. 91 УПК РФ формулировка «иные данные» использование результатов ОРД?	47,6	20,1	32,3
10	В тех случаях, если срок фактического задержания существенно разниться со сроком доставления подозреваемого в ОВД для составления об этом протокола, то с какого момента целесообразно исчислять срок задержания? - с момента фактического задержания подозреваемого - с момента доставления подозреваемого для составления протокола его задержания - затрудняюсь ответить	47,6 42,4 10	X	X
11	Руководствуетесь ли Вы в момент получения,			

	проверки и оценки результатов ОРД Инструкцией о порядке их предоставления следователю, органу дознания, в суд...? - да, данная Инструкция помогает (упрощает) использование результатов ОРД в уголовном процессе - усложняет использование результатов ОРД при производстве следствия - никак не влияет на уголовно-процессуальное использование результатов ОРД - мне не приходилось сталкиваться с этим нормативно-правовым актом	19,2 6 34,7 40,1	X	X
12	Считаете ли Вы достаточным правовое регулирование использования результатов ОРД при принятии процессуальных решений?	21,8	53,6	24,6
13	Как Вы считаете, что мешает использованию результатов ОРД при принятии процессуального решения следователем (дознавателем)? - несовершенство законодательства - низкое взаимодействие следственных подразделений с работниками уголовного розыска - затрудняюсь ответить	44,9 50,1 5	X	X
14	Всегда ли использование результатов ОРД при принятии процессуального решения сопряжено с риском признания его незаконным?	57,4	30	12,6
15	Укажите Ваш стаж работы: - до 1 года - от 1 года до 5 лет; - от 3 до 5 лет - от 5 и выше	25 51,4 18,6 5		

Таблица А.4 Результаты экспертного опроса должностных лиц органа дознания, уполномоченных осуществлять оперативно-розыскную деятельность по актуальным вопросам исследования за период 2010-2016 гг.

№ п/п	Вопросы	ответ		
		утверди тельный	отрица тельный	воздер жались
1	должность (кол-во чел.)	%	%	%
	70	(X)	(X)	(X)
	должностные лица органа дознания, уполномоченные осуществлять ОРД		X	X
2	Сталкивались ли Вы с проблемой спорного толкования норм Федерального закона об ОРД в части использования результатов ОРД в уголовном судопроизводстве?	62,3	12,6	25,1

3	<p>Используете ли Вы в своей деятельности Инструкцию о порядке представления результатов ОРД следователю, органу дознания, в суд...?</p> <ul style="list-style-type: none"> - да, данная Инструкция помогает (упрощает) использование результатов ОРД в уголовном процессе - усложняет использование результатов ОРД при производстве следствия - никак не влияет на уголовно-процессуальное использование результатов ОРД - мне не приходилось сталкиваться с этим нормативно-правовым актом 	80 5,4 11,8 3,1	X	X
4	Испытывали ли Вы затруднения в правильном оформлении результатов ОРД?	32,6	49,4	18
5	<p>Что для вас означает фактическое задержание подозреваемого?</p> <ul style="list-style-type: none"> - временное задержание лица до выяснения обстоятельств - оперативный захват лица - момент доставления лица к следователю - затрудняюсь ответить 	15,8 28,2 34,5 21,5	X	X
6	<p>Как часто в административном порядке Вы производили фактическое задержание подозреваемого и изымали у него личное?</p> <ul style="list-style-type: none"> - достаточно часто - довольно редко - никогда 	63,2 28,6 8,2	X	X
7	<p>Доводилось ли Вам знакомить следователя (дознателя) с оперативно-розыскными материалами в целях их предварительной оценки для принятия решения о возбуждении уголовного дела?</p> <ul style="list-style-type: none"> - да, я знакомил со всеми материалами ОРД - да, я знакомил с отдельными материалами - нет, я не знакомил следователя с материалами 	5,3 18,6 76,1	X	X
8	Приходилось ли Вам самостоятельно принимать решение о возбуждении уголовного дела в порядке ч. 2 ст. 40, ч. 1 ст. 157 УПК РФ?	96,2	3,8	X
9	Является ли для Вас повторная проверочная закупка законным средством в пресечении и выявлении сбыта наркотиков?	97,6	X	2,4
10	<p>По какой причине, по Вашему мнению, некоторые должностные лица, осуществляющие ОРД, при проведении ПЗН допускают провокацию преступления?</p> <ul style="list-style-type: none"> - желание раскрыть преступление – 30; - желание доказать вину подозреваемого – 40%; - обеспечить сроки рассмотрения сообщения о преступлении - незаконные приказы и указания руководства - корыстные мотивы 	30,2 40,7 20,3 3 5,8	X	X

11	Стаж работы:			
	- до 1 года	41,8	X	
	- от 1 года до 5 лет	52,4		
	- от 5 и свыше 15 лет	10,6		